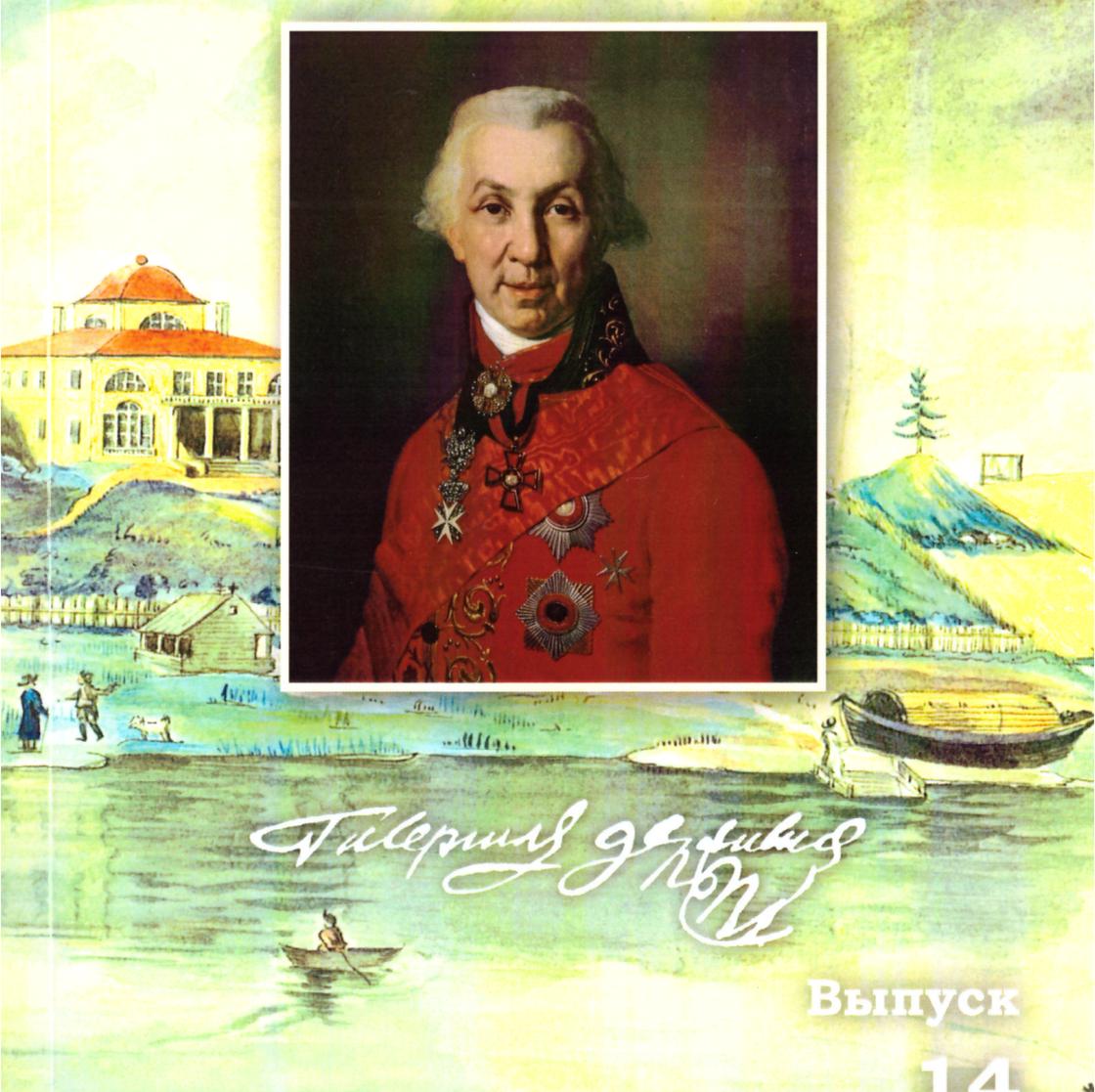
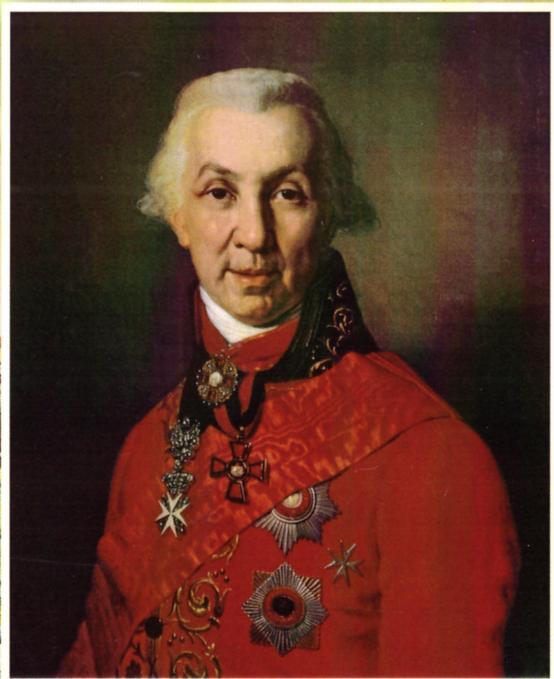

Г. Р. Державин
и его время

Галерея державина

Выпуск

14

Всероссийский музей А. С. Пушкина

Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени

Г. Р. Державин и его время

Сборник научных статей

Выпуск 14

Санкт-Петербург
2019

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Д36

Редакционная коллегия:

С. М. Некрасов, Т. Б. Вергун

Н. П. Морозова (ответственный редактор)

Рецензент

д-р филологических наук *С. А. Салова*

Д36 Державин и его время: сборник научных статей. Вып. 14 / под. ред.
Н. П. Морозовой. Санкт-Петербург : Всероссийский музей А. С. Пушкина,
2019. — 192 с.; ил.

ISBN 978-5-6042430-3-9

Четырнадцатый выпуск (вып. 13 вышел в 2017 г.) включает статьи, посвященные вопросам осмысления творчества и восприятия личности поэта: работе Я. К. Грота над академическим изданием Сочинений Державина; загадкам живописных портретов и детальному рассказу о жизни поэта в 1810 г. На основе архивных документов освещаются новые страницы биографии автора известного портрета Державина А. А. Васильевского и подробности жизни Е. И. Ланской. Источниковедческий интерес представляют материалы о малоизвестном журнале «Новости» (1799), в котором публиковался Державин, и хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения поэта.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

*В оформлении обложки использованы портрет Г. Р. Державина
работы В. Л. Боровиковского (1811) и копия с акварели
Е. М. Аврамова «Вид Званки» (1807) из собрания
Всероссийского музея А. С. Пушкина*

ISBN 978-5-6042430-3-9

© Коллектив авторов, 2019

© Всероссийский музей

А. С. Пушкина, 2019

Содержание

От редколлегии	4
Список сокращений	6
<i>Гончарова О. М.</i> Г. Р. Державин в рецепции русской критики XIX века	7
<i>Долгих Е. Н.</i> Мемуар как яблоко раздора (к истории несостоявшейся публикации воспоминаний С. П. Жихарева о Г. Р. Державине в журнале «Современник»)	29
<i>Мисайлиди Л. Е.</i> О работе Я. К. Грота над академическим изданием Сочинений Державина	43
<i>Соловьева Б. А.</i> О портретах Г. Р. Державина	53
<i>Павлова С. В.</i> Художник А. А. Васильевский (новые страницы биографии)	89
<i>Дзюбанов С. Д.</i> «Не хочу говорить об этой странной женщине...» (штрихи к биографии Е. И. Ланской, урожденной Вилламовой)	103
<i>Трофимова В. С.</i> Женщины-писательницы — почетные члены «Беседы любителей русского слова»	118
<i>Симанков В. И.</i> Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова	123
<i>Приложение.</i> П. И. Голубков (биографическая справка) (<i>Н. П. Морозова</i>)	147
<i>Морозова Н. П.</i> 1810-й год в жизни Г. Р. Державина (материалы к летописи)	155
Хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина (<i>Ю. В. Дульцева</i>)	180
Указатель имен	185

От редколлегии

В четырнадцатый сборник вошли статьи, главным образом созданные на основе докладов, прозвучавших на конференциях «XXX Державинские чтения» (20 января 2018 г.) и летних «Державинских чтениях» (3 июля 2018 г.), посвященных 275-летию со дня рождения поэта. Эти ежегодные конференции организуются Всероссийским музеем А. С. Пушкина, Музеем-усадьбой Г. Р. Державина и собирают ведущих исследователей русской литературы и культуры XVIII века. В статье, открывающей сборник, О. М. Гончарова детально рассматривает эволюцию восприятия личности поэта и его творчества в XVIII — начале XX века. Важной составляющей этого процесса была работа Я. К. Грота над академическим изданием Сочинений Державина, о начальном этапе которой говорится в статье Л. Е. Мисайлиди. Любопытна история несостоявшейся публикации воспоминаний С. П. Жихарева о поэте в журнале «Современник», рассказанная Е. Н. Долгих. Загадкам живописных портретов Державина посвящена статья Б. А. Соловьевой. На основе архивных документов освещаются новые страницы биографии автора известного державинского портрета А. А. Васильевского, служившего в последние годы жизни учителем рисования в Императорском Царскосельском Лицее, в публикации С. В. Павловой. Неизвестные подробности жизни участницы «Беседы любителей русского слова» и одной из первых женщин-предпринимательниц Е. И. Ланской, связанные с историей принадлежавшей ей бумажной фабрики, реконструированы в статье С. Д. Дзюбанова. О писательницах А. П. Буниной, А. А. Волковой, Е. С. Урусовой — почетных членах «Беседы» идет

речь в статье В. С. Трофимовой. Источниковедческий интерес представляют материалы о малоизвестном журнале «Новости» (1799), в котором печатался Державин. В. И. Симанковым атрибутированы многие публикации в этом издании, составлена его роспись. Летописью жизни поэта в 1810 году и хроникой мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Державина, завершается книга.

Все документы публикуются по современным нормам орфографии и пунктуации. Произведения Державина цитируются по академическому изданию: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883, с указанием тома и страницы.

Список сокращений

ГРМ	Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ЦГАМ	Центральный государственный архив Москвы
ЦГИА СПб.	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ГАТО	Государственный архив Тульской области

О. М. Гончарова

Г. Р. Державин в рецепции русской критики XIX века*

Статус Державина в русской культуре XIX века, смоделированный целым спектром высказываний критиков и публицистов эпохи о творчестве поэта, кажется уже давно определенным и выверенным. Практически весь комплекс суждений о Державине, полемических ситуаций вокруг его имени и творчества, издательских интенций этого времени представлены в серьезных и объемных работах А. Л. Зорина¹, Г. Г. Елизаветиной², В. А. Черкасова³, А. Вдовина⁴ и других исследователей.

Однако в этой определенности есть свое «проблемное поле», связанное с влиянием критических оценок минувшего времени на современные представления о Державине. Иногда описание разноречивых мнений о его творчестве обобщается достаточно прямолинейными суждениями о том, что «едва ли подлежит сомнению, что критики Державина во многом, безусловно, правы»⁵, или о том, что «история функционирования державинских текстов в русской культуре и истории авторской, читательской и исследовательской интерпретации этого очень „неровного“ в реализации своего художественного таланта поэта может быть серьезным материалом для оформления выводов о феномене творческой неудачи»⁶. Хотя исследователи творчества Державина уже отмечали неоднозначность критических оценок и особенно суждений о поэте «радикальной критики» 1860-х годов⁷, продолжает существовать

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00181 «Державин: pro et contra. Личность и творчество Г. Р. Державина в оценках русских писателей, критиков и исследователей».

своеобразная критико-литературная «конструкция», рамки которой в той или иной мере определяют восприятие творческого наследия Державина и сегодня. Подчас исследовательские подходы тесно переплетаются с устойчивыми критическими интерпретациями творческого наследия Державина, и «научное „недоразумение“» в данном случае «заключается в том, что история литературы, которая в норме рассматривает литературную критику как одну из своих составных частей <...> подменяет историческое описание литературного процесса критическим»⁸.

История рецепции творчества Державина в русской критике XIX века, как представляется, сама по себе нуждается в рецепции и интерпретации, которые призваны не только объяснить существо предъявленных поэту «претензий» и «требований», но и понять глубинные течения, векторы и интенции русской культурной и ментальной истории, а также — и те аспекты творческой и культурной позиции Державина, которые сегодня не кажутся столь существенными, но были когда-то остроактуальными для критической оценки. Однако и обращение к рецептивным аспектам исследования литературной критики связано с рядом проблем. Теория рецепции или рецептивной эстетики предполагает вполне определенные и не раз обсуждавшиеся в науке принципы и подходы к предмету исследования. Они учитывают и историко-культурную ситуацию, в которой возникает тот или иной рецептивный акт, и «горизонты ожидания» реципиента, и временную дистанцию, отделяющую читателя от текста. Но эти факторы не всегда точно определяют характер рецепции, поскольку могут быть связаны с принятием рецептивных механизмов как реальной данности, то есть с признанием объективности и достаточности «читательского» мнения. Но между текстом и его чтением-восприятием есть не только линейная связь, но и те ментальные механизмы культуры, которые способны регулировать такую связь, минуя собственно эстетический ее характер. Такие интеллектуальные операции особенно показательны именно для русской критики XIX века с ее резко специфичными чертами и особенностями. В. В. Розанов в статье «Споры около имени Белинского» (1914) охарактеризует ее роль в русской культуре так: «„Русские

критики“ были всегда „русскими философами“ <...>. Поэтому „русская критика“ есть в то же время „русская философия“, и — политика, — социология»⁹.

Очевидно, что оценки и суждения русской критики, вырастающие из философии и направленные «на широкие читательские круги»¹⁰, то есть на регуляцию читательской рецепции, нуждаются в более глубоком контекстуально-смысловом восприятии и осмыслении их культурно-генетических оснований.

Так, например, отношение к творчеству Державина в критике начала столетия было определено особыми интеллектуальными ожиданиями и настроениями эпохи. С одной стороны, в общественном сознании актуализируются идеи «новизны» и «новых горизонтов». «Отколе, исполни спокойный / Отколь, блестящий новый век», — напишет в 1801 году Н. Львов в стихотворении «Новый XIX век в России»¹¹. Именно в это время, еще при жизни «старика Державина», стали появляться неоднозначные оценки его творчества¹². «Новое поколение, — отмечал Н. Полевой в статье о Державине, — отвсяду теснило уже старое с его идеями, мнениями и понятиями. Обольщаясь новомодною мишурою, оно не умело оценить последних искр угасавшего гения»¹³. Новое поколение литераторов ощущает себя новатором и, самоопределяясь, стремится к освобождению от авторитетов и к созданию новых поэтических иерархий. «Довольно и через край, золотили мы прошлый век свой, — напишет А. А. Бестужев, — время наперекор нам съедает эту сусальную позолоту»¹⁴. Имя Державина, по словам А. Вдовина, «неизменно возникало при обсуждении современных стихотворцев, претендовавших на статус первого поэта»¹⁵. Так, К. Ф. Рылеев в 1825 году пишет А. С. Пушкину: «Ты приобрел уже в России пальму первенства: один Державин только еще борется с тобою, но еще два, много три года усилий, и ты опередишь его»¹⁶. Идея «нового» ярко отразилась и в статье Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1833), где характеристика Державина, как и в других статьях критика, уже закономерно содержит союз «но»: «Поэт вдохновенный, неподражаемый <...>. Но часто восторг его опережал в полете правила языка, и с красотой вырыва-

лись ошибки»; «Но едва ли успех Державина заключался в его таланте. Все поклонялись ему, потому что он был любимец Екатерины»¹⁷. В то же время звучали и восторженные оценки Державина, например в статьях А. Ф. Мерзлякова «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии», «Таланты стиховорца» (1812), П. А. Вяземского «О Державине» (1816) и О. Сомова «О романтической поэзии» (1823).

Сложным было отношение к поэту А. С. Пушкина, о котором судят обычно, ссылаясь только на его письмо А. Дельвигу 1825 года, к тому же зачастую цитируемое не полностью. Но в других пушкинских текстах мы видим иные оценки поэта: он пишет о «поэтической дерзости» Державина¹⁸, о том, что «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою „Историю“ Карамзина» и «несколько од Державина»¹⁹, и в том же письме к Дельвигу Пушкин отметил: «Державин, со временем переведенный, изумит Европу»²⁰. Следует учесть и тот факт, что начало XIX века — это время сложного и активного становления русской критики как таковой, определения ее статуса и принципов, о чем свидетельствует ряд журнальных публикаций о ней (например, «Нечто о критике» Н. П. Брусилова, 1805). В 1809 году две статьи написал В. А. Жуковский («О критике», «Два разговора о критике»), определивший главный вопрос времени — есть ли критика «междоусобие в спокойной республике литературы» или все-таки это «суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное»²¹.

Но еще более значимым фактором, повлиявшим на восприятие литературных явлений и феноменов XVIII столетия, стала смена мировоззренческих горизонтов русской мысли. К 1820-м годам сменился «идейный климат: начиналась эпоха философствования»²². Такая смена, обычно трактуемая достаточно упрощенно как появление «западников» и «славянофилов», была глубоким и серьезным процессом формирования нового «русского воззрения». «Пожалуй, ни одна из западноевропейских философий, — отмечает И. П. Смирнов, — не потратила столько интеллектуальных сил, как русская, на выяснение своей этнической специфики <...>. Мифологизм, вообще свойственный филосо-

фии, обернулся в русских условиях мифологизацией отдельно взятой страны, ее истории и ее народа», и русская мысль сосредоточилась на «выстраивании национального мифа»²³, на обсуждении исторических судеб России. На этом пути наметились две парадигмы: с одной стороны, «консервативный разворот» русского мышления²⁴, с другой — противостоящие консерватизму либеральные и радикальные идеи, восходящие к «чаадаевскому радикальному сомнению в русской истории»²⁵.

Именно с начала XIX века стал остро обсуждаться вопрос о «древнем и новом» или о «старом и новом» («Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина — 1811; «О старом и новом» А. С. Хомякова — 1839), что отразилось и на восприятии эстетики, литературы и художественного таланта. К обсуждению этих вопросов был причастен широкий круг литераторов, критиков, ученых, тех, например, кто входил в кружок московских любителей. В этих философских исканиях и спорах с нигилистическим мнением П. Я. Чаадаева, далеких, казалось бы, от Державина, формировались ментальные парадигмы, которые будут определять характер рецензии творчества поэта. Сам Державин, в отличие от многих других литераторов XVIII века (исключая Карамзина), оказался актуально-значимой фигурой для новых историко-философских «измерений». Для эстетической критики любителей и их последователей Державин — поэт «оригинальный», «русский»²⁶, который всегда будет «действовать сильно, могуществом своего личного дарования»²⁷.

Привлекательной, по всей видимости, была для этих мыслителей и социокультурная позиция Державина — одного из «отцов-основателей русского консерватизма, наряду с Н. М. Карамзиным и А. С. Шишковым»²⁸. Наиболее значимым был не только общий национальный пафос и традиционализм державинской «Беседы любителей русского слова», но и то, что именно в ней созидались дискурсы национальной идентичности, традиции и отечества, «которые составляли тогда часть авангардных идей того времени»²⁹ и потому оказались близки новой русской консервативной мысли. А. С. Хомяков, подчеркивая именно общественную и «русскую» позицию Державина, напишет: «Лучший и высший пред-

ставитель поэзии в екатерининское время, Державин, есть в то же время общественный деятель в полном смысле слова. Правда, он не может без восторга называть Фелицу, но Фелица была предметом восторга и любви во всех краях России. Он сопровождает победы нашего войска и наши завоевания торжественными одами; но эти победы и завоевания были истинною радостью для всех русских. Измаильский штурм, очаковская зима, пожар Чесмы казались происшествиями не только политической жизни народа, но и частной жизни каждого русского»³⁰. И свои размышления о «нашей словесности» Хомяков связывает с именем Державина: «Конечно, тупа та критика, которая не слышит русской жизни в Державине»³¹.

Но в то же самое время в России активно развивается другое направление мысли. Интерес к философии, либеральные идеи и европейские ориентации увлекают, например, А. И. Герцена, поклонника историософских идей Чаадаева, М. А. Бакунина и В. Г. Белинского. Будущий радикализм Герцена и Бакунина хорошо известен, но и Белинский не избежал влияния новых изводов западной мысли. Противоположность двух мировоззренческих установок в 1830-е годы становится все более очевидной, что проявилось в открытой полемике В. Г. Белинского со славянофилами: например, позицией С. П. Шевырева и в целом с направлением «Московского наблюдателя» («О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“», 1836). Наиболее неадекватные замечания критика были связаны со статьей Шевырева «Словесность и торговля» (1835), в которой шла речь об актуальных философских вопросах соотношения общества и литературы, о ее понимании и предназначении, о неприятии «материалистического» взгляда на искусство. Конечно, знал Белинский и статью Шевырева «О критике вообще и у нас в России» (1835), но он предпочел не оспаривать оппонента, а дискредитировать его: в язвительной манере он причислил Шевырева к «литературным староверам»³². Слово «старовер» само по себе знаменательно, различные его вариации станут константными и в последующей критике, определяя в первую очередь неприемлемый консерватизм убеждений противника. Так, Н. Г. Чернышевский назовет

свою статью о Державине «Прадедовские нравы» (1861). «Поборниками старины, во главе которых стоял Шишков» назовет членов «Беседы» и А. Григорьев³³. Позднее эту мысль четко сформулирует А. Н. Пыпин. В книге «Общественное движение в России при Александре I» (1871) он назовет «Беседу» Шишкова и Державина собранием «староверов старой классической школы, которые были вместе и староверами по общественным понятиям — защитники старого слова и старого времени»³⁴.

Очевидно, что в критической деятельности Белинского формируется не только тип особой полемической стратегии, но и четко проявляет себя другая, основанная уже на новых философских представлениях система взглядов — «разночинно-демократическая», как принято ее называть. Это хорошо понимает и сам критик, упрекая того же Шевырева в «светскости» и «аристократизме», то есть, по сути дела, «в консерватизме и ретроградстве»³⁵. В данном случае интересна даже не сама полемика, а критический метод Белинского, основанный, по сути, на «переформатировании» текстов, фактов или чужих мнений ради утверждения своего взгляда. Позиция критика, прошедшего сложную эволюцию философско-эстетических взглядов, становится со временем все более радикальной. Он публикует, например, статью «Педант» (1842) — недопустимо резкий и уничтожающий памфлет, направленный против Шевырева и его единомышленников. Идейная полемика, таким образом, становится все более резкой. Уже окончательно оформилось мировоззрение Герцена, активно влиявшего на Белинского. Герцен напишет о нем: «После мрачной статьи Чадаева является выстраданное, желчное отрицание и страстное вмешательство во все вопросы Белинского»³⁶. Уже будет опубликована знаменитая статья К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), где сформулировано понимание истории как «развивающегося организма», эволюционного процесса³⁷. Белинский высоко оценил статью и в письме Герцену написал: «Это эпоха в истории русской истории, с нее начнется философическое изучение нашей истории»³⁸.

Утверждая «исключительную власть критики над литературой» и ее историей, Белинский испытывает все большее влияние

позитивизма, чем и объясняются «постоянные уступки утилитаризму в его поздних статьях»³⁹. Постепенно его «критика становится преимущественно социально-исторической»⁴⁰, а тексты — все более публицистическими и полемическими в защите принципов «натуральной школы» или заранее избранного инструментария анализа художественных произведений. Очевидно и стремление критика активно регулировать отношение читателя к литературе, в том числе и к Державину. Например: «И нас хотят заставить читать его для услаждения себя поэзией!», «Я поставил бы долгом <...> всякому юноше не только прочесть — даже изучить Державина, как великий факт в истории русской литературы, <...>, но никому не возьмусь советовать читать Державина для эстетического наслаждения»⁴¹. А. Григорьев в статье «Белинский и отрицательный взгляд в литературе» (1861) активно поддержит эту позицию. Он заявит о том, что признание писателей XVIII века (в том числе и Державина, которого «читали немногие, да и то не целиком») „гениями“, «торжественные гимны» в их честь — это «умственно-общественная ложь», которую «сознательно и смело» развенчал Белинский⁴². Державин становится одним из главных героев статей Белинского, и критик обращается к нему, как кажется, в самых неожиданных сюжетах, чаще всего — в образах русской истории, что свидетельствует об историософских интересах Белинского. По сути, он во многом повторяет основные положения чаадаевской концепции (например, в цикле статей «Россия до Петра Великого», 1941; в «Речи о критике», 1842 и др.), и Державин становится для критика подходящей фигурой для высказываний об истории. Например, известные и популярные в научной традиции суждения Белинского о «исторической роли Державина» логически связаны между тем с утверждением о его «мертвенности»: «Державин, будучи столь великим явлением в истории русской поэзии и литературы, мертв для современного общества, которое как бы едва знает о Державине»⁴³.

На тех же основаниях строится и итоговая работа Белинского о Державине — «Сочинения Державина» (1843). В отличие от давних эмоциональных оценок в «Литературных мечтаниях» (1834) и сдержанного негативизма в статье «Русская литература

в 1841 году», критическая позиция автора здесь строго системна и последовательна. Белинский еще раз констатирует: «Державина уже никто не читает», — и применяет к поэту социологические и утилитарные критерии: принадлежность к прошлому — политически и культурно ненадежному времени, общественную значимость и народность. Этим объясняются начальные интенции статьи — «целый век разделяет молодое поколение нашего времени от певца Екатерины», «кажется, целые века легли между им и нами», все в Державине «чуждо нашему времени»⁴⁴. Предъявив поэзии и поэту целый ряд требований, Белинский резюмирует: «Стихотворения Державина не выполняют ни одного из этих требований», «ничего не может быть слабее художественной стороны стихотворений Державина»⁴⁵. Если, как считает критик, «подобно нашей европейской цивилизации», русская поэзия XVIII века была «прививным» или «пересаженным растением», то и Державин «не мог быть <...> и не был поэтом-художником; его поэзия — лепет младенческий»⁴⁶. Далее, размышляя о «исторических и общественных» элементах эпохи, повлиявших на талант Державина, критик определяет статус поэта как «певца царствующего дома в России»: «Не будь Екатерины, не было бы Державина», само же «общество не нуждалось в стихах Державина и не понимало их, а имя его знало, дивясь, что за стихи дают и золотые табакерки, и чины, и места, делают вельможею бедного и незнатного дворянина»⁴⁷. Оценки, отмеченные все-таки чувством меры талантливого публициста, тем не менее определены намеренным социально-историческим подходом к искусству. Чтобы понять внутренние интенции такого видения поэзии, не проявленные, возможно, у Белинского во всей полноте, можно обратиться к последовательным продолжателям его критической методологии, которые формулировали свои суждения беззастенчиво. П. Н. Ткачев, яркий литературный критик и радикальный философ, в статье «Недодуманные думы» (1872), размышляя о том, что литература должна сойти с «высоты на действительную почву», а заниматься ею должны «литературные разночинцы», противостоящие «барским талантам», оценил Державина в этой перспективе так: «Крепостное право, влиявшее на все отправления нашей обществен-

ной жизни <...> должно было оставить свой отпечаток и на литературе. Литература, созданная им и под его гнетущим влиянием, служила его интересам. Лучшие из наших поэтов и беллетристов начинали или заканчивали защитой крепостного права. Державин был крепостником с головы до пяток»⁴⁸.

Так в критических работах Белинского сформировалась модель творчества Державина как часть философско-утилитарного проекта истории русской литературы, которая соответствовала новым мировоззренческим стратегиям времени. Показательно, что эти проективные историко-литературные идеи критика активно повлияли на обширный историко-филологический труд А. Д. Галахова «История русской словесности, древней и новой» (1863) и на представленную в нем концепцию творчества Державина⁴⁹. Конечно, Галахов тоже был близок к Герцену, но в данном случае важно другое — та удивительная сила, с которой влияли идеи критика на русское общество, в том числе и на профессионального историка литературы. Белинский, несмотря на этикетные положительные оценки некоторых текстов поэта, сконструировал принцип приложения к литературе заранее определенной идеологической матрицы, ориентированной на постулаты раннего русского позитивизма. Его концепция творчества Державина была рождена своим временем, обаянием новых идей и увлеченностью ими, прежде всего — новым пониманием русской истории и исторического процесса. Но Белинский стал неприкасаемой «легендой», и особый леворадикальный настрой русской интеллигенции долгие десятилетия охранял веру в незыблемость оценок «неистового Виссариона», активно влиявших на читательское восприятие творчества Державина. Позднее Н. Абрамович — критик и публицист эпохи модернизма, размышляя о «тупиках русского интеллигентского сознания», отметил, что «и в наши дни потомки все еще имеют самое слабое представление о Державине как о художнике и вдохновенном певце»⁵⁰. Когда же А. Волынский («Русские критики», 1896) и Ю. Айхенвальд («Силуэты русских писателей», 1913) попытались указать на противоречия сочинений Белинского и осмыслить по-новому позицию критика, это вызвало бурю возмущения и неприятия⁵¹. Почитание автори-

тета великого критика привело к тому, что наследие Белинского стало играть роль своеобразного «интертекста в русской критике всего классического периода — в работах как прямых последователей великого критика, так и его близких и дальних оппонентов»⁵². И это «наследование» в развитии рецептивных подходов к творчеству Державина ярко проявилось уже к 1860-м годам.

К этому времени несколько раз были напечатаны сочинения Державина, что стало поводом для возобновления споров о поэте, которые А. Л. Зорин справедливо связал и с «резким оживлением историко-филологических изысканий»⁵³, и прежде всего — с кропотливой работой Я. К. Грота над изданием сочинений Державина. Своеобразие этой работы в ситуации общественной индифферентности к творчеству поэта заметит позднее Б. Грифцов: «Один только Я. К. Грот заботливо издает и комментирует Державина»⁵⁴. Но в это же время и С. Т. Аксаков счел необходимым написать очерки-воспоминания о Шишкове и Державине («Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове», «Знакомство с Державиным»), которые смог опубликовать в 1856 году. Отозвался «с незаурядной пронизательностью»⁵⁵ о творчестве Державина и А. В. Дружинин. В 1860 году П. И. Бартенев издает «Записки Гавриила Романовича Державина», которые становятся предметом самого активного и по преимуществу негативного обсуждения в критике. Многочисленные полемические отзывы о «Записках» уже были предметом специального рассмотрения в работах Г. Г. Елизаветиной и В. А. Черкасова. Особый характер рецензии критики 1860-х годов подчеркнул В. А. Черкасов: «Державин, с его консервативными убеждениями, по определению должен был вызвать резкое отторжение у поборников „перемен“. <...> Низкопоклонник и льстец, поставивший свой талант (если он есть) на службу собственным искательным видам; беспринципный карьерист на государственной службе; невежда как в тех родах деятельности, которыми приходилось заниматься профессионально, так и в общечеловеческом плане»⁵⁶. Именно так увидели поэта критики и публицисты наступившей эпохи «реализма», наследники и продолжатели «школы Белинского». Это точно почувствовал М. Н. Лонгинов, опубликовавший в «Рус-

ском вестнике» статью «Белинский и его лже-ученики» (1861), которая вызвала резкую отповедь Д. И. Писарева.

1860-е годы — это уже новая эпоха философствования и интеллектуальных увлечений, реализованных в философии реализма и феномене «реальной критики». Публицисты-шестидесятники считали себя «мыслящими реалистами» или «мыслящим пролетариатом» (Д. И. Писарев), а свою систему идей — инновационной философской системой, находящейся на «переломе» истории, о чем прямо писал в «Современнике» М. Антонович в статье «Современная философия» (1861). Принцип «реальности» в новом мышлении был связан, с одной стороны, с признанием достоверности познаваемой истины, с другой — с поиском путей социальных преобразований, что требовало от современной мысли и литературы «осязательных результатов» (Д. И. Писарев). Другой важный принцип «реализма» — это философский нигилизм. Поскольку радикальные устремления шестидесятников были направлены на будущее, которое «светло и прекрасно»⁵⁷, и на «людей будущего»⁵⁸, это потребовало отрицания «недостойного» прошлого. Об этом напишет Н. Бердяев, размышляя о русском радикализме: «Революционеры неистово отрицают прошлое. <...> Отрицательная и злобная память о прошлом мутит их ум, калечит их чувства, делает их больными»⁵⁹. Действительно, «нигилистический антиисторизм выразился в увековечивании настоящего, в безоговорочном модернизме, в отрицании того универсума, который был ранее или может сделаться в будущем особо значимым для организации культуры»⁶⁰.

Одновременно своеобразным «полем деятельности» критиков-реалистов становится литература, переустройство которой заменяло чаемые социальные преобразования. Такая замена не смущала критиков, поскольку для «реалистов» искусство точно и верно отражает действительность и, следовательно, само является действительностью. Отрицание «своего собственного мира» у искусства⁶¹ и идею о «разрушении эстетики» (Д. И. Писарев) «реалисты» — «арбитры утилитарности» (Г. Г. Шпет) реализовали в изменении системы оценок искусства, в его переосмыслении. «Общая формула утилитарности, — по словам Г. Г. Шпета, — ста-

ла лозунгом дня — утилитарность в искусстве, литературе, науке, философии — ненасытная утилитарность»⁶². Ярko выразилась она в «журнальном безобразии», резких полемиках и «обличениях» того времени. Н. С. Лесков, например, отметил особое пристрастие русского общества к «клеветам и преступным намекам на писателей», «литературным скандалам» и «вендетам»⁶³. А. В. Дружинин напишет о другом аспекте новой критики: «Русское искусство, увлекаемое к публицистике, социальной дидактике и постоянному глухому протесту через это самое становилось в положение мизерное, оскорбительное, ребяческое»⁶⁴. «Деспотизм» и «злопамятство» нигилистической «самовластной корпорации», отмеченные и сотрудниками III Отделения⁶⁵, основывались при этом на твердых философских убеждениях о прогрессе, эволюции и органическом развитии человека и истории, что позволяло видеть и историю литературы в тех же категориях. Историко-литературные идеи Белинского теперь стали почвой для создания новых исторических схем: например, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского (большая часть которых прямо связана с именем Белинского), в обширной статье Н. А. Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» или в статье Г. З. Елисеева «Очерки исследования русской литературы по современным исследованиям». Такие построения оказали самое негативное влияние на восприятие литературы XVIII века, который, с точки зрения теории прогресса, казался «ничтожным». Это положение подробно обоснует активный сотрудник «Современника» и двоюродный брат Чернышевского А. Н. Пыпин: сначала в статье «Литература перевода» (1866), затем в книге очерков «Общественное движение в России при Александре I» (1871) и, наконец, в «Истории русской литературы» (1898–1899). Поэтому и читатели этого времени относились к литературе XVIII века и к творчеству Державина «как к давно устаревшему преданию миновавших лет»⁶⁶.

Естественно, отношение к Державину в «реальной критике» было резким и непримиримым. Ведь новым критикам-реалистам, как отмечал их оппонент Н. Страхов, «всего зловреднее <...> кажутся самые старые писатели: Ломоносов, Державин»⁶⁷. Я. К. Грот

в своей книге «Жизнь Державина» напишет о новых взглядах на поэта: «Незадолго перед тем в литературе возникло новое направление, весьма метко названное *обличительным*. Оно было тогда в полном разгаре», и на Державина «ополчилась почти вся тогдашняя наша печать. <...> Выходки против Державина сделались любимой темой журнальных критиков, хотевших прослыть передовыми людьми; не без злорадства пользовались всяким случаем, чтобы кстати и некстати бросить грязью в сверженного идола. <...> В Державине стали отрицать всякое достоинство»⁶⁸. Еще более резко выразится В. Розанов: «Пришел вонючий „разночинец“. Пришел со своею ненавистью, со своею завистью, со своею грязью. <...> И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу»⁶⁹.

Так, в полемике вокруг «Записок» Державина превалировало, несомненно, отрицание гражданской и государственной позиции поэта, для дискредитации которой использовались и личные выпады, и непроверенные слухи. Наиболее авторитетной, по всей видимости, стала статья Чернышевского с ее негативизмом и снисходительно-ироничными оценками личности Державина. Поэт для критика — это «дикарь с добрым от природы сердцем», «его тщеславие было так простодушно <...> что можно простить ему все нелепости»⁷⁰. Хотя чуть раньше сходным образом высказался и Н. А. Добролюбов: «Державина сама императрица приняла под свое покровительство, но и тут не избавила от необходимости отыскивать милостивцев, которых производил он и в гиганты, и в геркулесы, и чуть ли не в полубоги»⁷¹. Такое отношение к поэту активным образом влияло на читателей. В. О. Ключевский, испытывавший влияние идей шестидесятников, автоматически отмечает в рукописи статьи об А. Оленине, что у того бывали «важные покойники-халдеи шишковско-державинской „Беседы“»⁷².

Одновременно Н. А. Добролюбов упрекнул поэта в пренебрежении к народу: откликаясь на книгу А. Милокова «Очерк истории русской поэзии» (1858), он пишет: «Что же касается до взгляда на народ, его нужды и отношения, то Державин подвинулся немного со времен Ломоносова, даже Симеона Полоцкого». Сама же поэзия Державина, по мнению критика, это произведения,

«носящие на себе отпечаток то отвлеченно мертвой схоластики, то эпикурейских ощущений, не очищенных ни изящным вкусом, ни здоровой мыслью, то придворного шутовства в духе нравов того времени»⁷³. Оценка суровая и поразительно не совпадающая с тем, что писал Добролюбов в личном письме буквально два года назад, рассказывая приятелю о библиотеке И. И. Срезневского, он пишет: «Но когда дело дошло до русской литературы, удивление мое уступило место ужасу: вообрази — нет не только Лермонтова, Кольцова <...> нет даже Карамзина, Державина, Ломоносова»⁷⁴. Причем письмо это было написано в 1856 году, уже после знакомства с кругом Чернышевского, увлекшего юношу радикальными идеями. Но и позднее Добролюбов повторяет в статьях свои, по всей видимости, «корпоративно» сверенные суждения: «Державин все воспевал ничтожество людей вообще и некоторых сановников в особенности, о правах же человека думал <...> мало»⁷⁵.

Активно влияет на читательское восприятие творчества Державина и Д. И. Писарев, прежде всего — своей непримиримой позицией в отношении к поэзии и «дряхлой эстетике», которая пользовалась огромной популярностью у молодого поколения. Писарев часто размышляет, например, об истории литературы и о том, «следует ли преподавать историю русской литературы», ведь она — только «список имен», до которых «никому нет дела». А уж «когда дойдет дело до Ломоносова и Державина, — пишет он в статье «Наша университетская наука», — тогда становится еще тошнее; приходится запоминать названия од и отрывки из них, до которых <...> дотыкаются только гимназисты и исследователи». А потом, когда вдруг человек припомнит Державина, «то он только улыбнется и проговорит про себя или вслух: черт знает, чему нас учили!»⁷⁶. Таким образом создается необходимая, исходя из философских принципов, модель читательской рецепции, и, заметим, модель, построенная на манипуляциях. Так, Писарев может вызвать читателя на возникающий ниоткуда вопрос — «Если вы предложите мне вопрос: есть ли у нас в России замечательные поэты?» — и ответить ему целой отповедью о том, что «у нас их нет, никогда не было, никогда не могло быть». Важно учесть, что этот

прием он использует в программной статье «Реалисты», погружая читателя в систему новых взглядов на литературу, а затем дает обобщающее рассуждение о том, что «для нас, русских людей» уже превратились в «пустые звуки» имена «Ломоносова, Сумарокова, Державина и всяких других бардов прошлого столетия». Писарев и не скрывает свою главную интенцию — «реалистическая критика должна тщательно оберегать умы <...> читающей публики»⁷⁷. Поэтому критик разрешает писать всем — «пусть пишет и печатается всякая тварь», но мы — критики-реалисты — «будем читать и осмеивать их произведения». Из чего следует новый вопрос читателю — «следует ли нам читать Пушкина <...> или мы можем поставить его на полку, подобно тому, как мы уже это сделали с Ломоносовым, Державиным?»⁷⁸ Другой способ дискредитации Державина в глазах читателя — это уничтожающая ирония, применяемая, впрочем, и другими критиками. Так, уничижительно отзываясь о Щедрина, Писарев сравнивает его с Державиным: «Этого и Державин бы не выдумал, а уж на что, кажется, был проказник! <...> Оно, положим, и смысла нет; но разве Державин мог бы писать, если б от писателя всегда требовался смысл?»⁷⁹

Негативно-снисходительные оценки стали привычными и звучали не только в радикальной критике. А. Григорьев, давая оценку Державину, представлявшему, по словам критика, «ходульное направление», указал прежде всего на отсутствие у него «стремлений и идей», «созерцания и идеалов». И одновременно представил читателю поэта в самых нелестных характеристиках: «Созерцание жизни величайшего лирика той эпохи Державина сводится все в такие общие положения, которые <...> наполовину внушены идеями просвещения, то есть общим духом <...> столетия, — таков Державин парадно, в *возвышенном* настроенье; нараспашку же, в анакреонтическом роде он просто эпикуреец, да только не эпикуреец философ <...>, а просто-напросто русский татарин, с сильной чувственной фантазией восточного человека, разбавленную грязноватым юмором непристойных песен и сказок русского народа». А «одами Державина, — продолжает критик, — хотя и доказывающими несомненное присутствие огромного, но безобразного таланта, можно было восхищаться только по заказу;

стало быть, в жизнь, в плоть, в убеждение они переходили столь же мало, как „Россиада“ бездарного Хераскова»⁸⁰.

Традиции «реалистов» продолжит затем и «народническая» критика журнала «Дело» 1870-х годов (П. Н. Ткачев, Н. В. Шелгунов, С. С. Шашков), предъявлявшая поэту те же требования. Правда, после выхода «Жизни Державина» Я. К. Грота в печати появятся положительные отзывы о книге, принадлежавшие в основном специалистам в области филологии. Между тем общественное сознание пока еще верит «священным кумирам» русской критики и созданной ими модели Державина. Тем более, что главные идеи и принципы радикальных «реалистов» на исходе столетия нашли свое воплощение в авторитетной «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина. В IV томе Пыпин дает нелестную характеристику и обществу, и литературе XVIII века, прямо ссылаясь на Белинского, и рассматривает творчество Державина под выбранным углом зрения. Поэт, по мнению историка, «понимал поэзию как дидактику, занятую возвышенными предметами», но все-таки «и в этой дидактике, хотя эстетически тесной по литературным понятиям вкуса, у Державина, несмотря на все много раз указанные его недостатки, была истинная поэзия». Тем не менее, по мнению Пыпина, Державин «остался в истории литературы именно певцом Екатерины»⁸¹. Отметим, что историко-литературные стратегии Пыпина категорически не принимались другими мыслителями эпохи. Так, еще до появления «Истории русской литературы», Н. Страхов писал: «Представьте себе <...> что было бы, если бы русская история находилась в некоторой власти г. Пыпина, г. Стасюлевича и им подобных историков. <...> Тогда прощай все то, чем мы любимся и гордимся; ибо гордость и любованье должны быть уничтожены в наших сердцах как вещи вредные. Тогда Пушкина не было бы, Карамзина не было бы; вместо Державина при Екатерине явился бы г. Некрасов и обличал бы тогдашним языком тогдашний Невский проспект»⁸².

Так отнеслись к Державину русские критики XIX века, так «кол за колом вколачивали в могилу Державина исследователи его поэзии и его жизни», напишет в 1914 году Б. Грифцов⁸³. Но

это было уже начало XX века — время открытия и признания великого поэта, поклонения ему. Но одновременно это была и эпоха осознания трагедии русской радикальной мысли XIX века, заблудившейся между «философской истиной» и «интеллигентской правдой»⁸⁴, когда она «творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры»⁸⁵. Так осмыслили ситуацию русские религиозные философы в сборнике «Вехи» (1909). Прямо противоположной была точка зрения их современника — мыслителя-радикала, марксиста Г. В. Плеханова, который написал цикл обширных статей «Судьбы русской критики» (1905), где шла речь о Белинском, Чернышевском и Добролюбове как о «выдающихся деятелях нашей литературы и общественной жизни». Упоминает, кстати, Плеханов и статью Белинского «Сочинения Державина», в которой, по его мнению, было сформулировано «золотое правило», ставшее руководством для всех русских критиков, — это «гениальная мысль» о «связи искусства с общественной жизнью»⁸⁶. Эта первая попытка философской рецепции наследия русской критики XIX века основывалась, в первую очередь, на идеологическом согласии или несогласии с ней. Но одновременно в другой сфере культуры — в литературе Серебряного века — Державин стал «кумиром», она вобрала опыт поэта, сделала его творчество неотъемлемой частью единого русского поэтического мира⁸⁷. В этом контексте весь «державинский сюжет» русской критики и публицистики предшествующего столетия может быть понят как конструктивная модель, возникшая на острие философских полемик и воззрений, на столкновении идей об исторических судьбах России и ее культуры.

Примечания

- ¹ Зорин А. Л. Глагол времен // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг свершив: О судьбе произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. М., 1987. С. 5–155.
- ² Елизаветина Г. Журнальные отклики 1860-х годов на публикацию «Записок» Г. Державина // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиция: на-

- учные статьи, доклады, очерки, заметки. Тамбов: Тамбов. ун-т, 1993. С. 35–43.
- 3 *Черкасов В. А.* Державин и его современники глазами Ходасевича. Белгород, 2009.
 - 4 *Вдовин А.* Концепт „глава литературы“ в русской критике 1820–1860-х годов. Tartu, 2011.
 - 5 *Тарланов Э. К.* Державин — поэт величия // Русская речь. 2015. № 3. С. 6.
 - 6 *Маслова А. Г.* Творчество Г. Р. Державина в восприятии автора и критических оценках XVIII–XX века // Феномен творческой неудачи. Екатеринбург, 2011. С. 102.
 - 7 *Гуковский Г. А.* Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 373; *Западов В. А.* Текстология и идеология (борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 117.
 - 8 *Печерская Т. И.* История изучения литературы 1860-х годов: проблемы изученности и изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 14.
 - 9 *Розанов В. В.* Споры около имени Белинского // О писательстве и писателях. М., 1995. С. 588–589.
 - 10 *Егоров Б. Ф.* Национальное своеобразие русской критики // О мастерстве литературной критики: жанры, стиль, композиция. Л., 1980. С. 35.
 - 11 Русская поэзия. 1800–1825. М., 1989. С. 16.
 - 12 *Зорин А. Л.* Глагол времен. С. 10–25.
 - 13 *Полевой Н.* Сочинения Державина // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: статьи и рецензии 1825–1842. Л., 1990. С. 165.
 - 14 *Бестужев А. А.* О романе Н. Полевого «Клятва на гробе господнем» // Литературно-критические работы декабристов. М., 1977. С. 113–114.
 - 15 *Вдовин А.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1820–1860-х годов. С. 27.
 - 16 *Рылеев К. Ф.* Соч. М., 1987. С. 311.
 - 17 *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Литературно-критические работы декабристов С. 42; *Он же.* О романе Н. Полевого «Клятва на гробе господнем» // Там же. С. 115.
 - 18 *Пушкин А. С.* Возражение на статью «Атенея» // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. С. 72.
 - 19 *Пушкин А. С.* <Опровержение на критики> (< I >«Будучи русским писателем...») // Там же. С. 143.
 - 20 *Пушкин А. С.* Письмо А. Дельвигу. Первые числа (не позже 8) июня 1825 г. Михайловское // Там же. Т. 13. Переписка, 1815–1827. С. 182.
 - 21 *Жуковский В. А.* О критике (Письмо к издателям «Вестника Европы») // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 1999–... Т. 12: Эстетика и критика. С. 248.

- 22 *Вдовин А.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1820–1860-х годов. С. 29.
- 23 *Смирнов И. П.* Миф о России в русской социокультуре // *Образ России во временной перспективе.* СПб., 2012. С. 64.
- 24 См.: *Шариняц А. А.* С. П. Шевырев в социально-политической мысли России // *Политэкс.* 2011. Т. 7. № 1. С. 9.
- 25 *Сапронов П. А.* Русская философия: проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008. С. 71.
- 26 *Шевырев С. П.* Замечание на замечание г. Вяземского о начале русской поэзии // *Московский вестник.* 1827. № 3. С. 207.
- 27 *Киреевский И. В.* Обзорение современного состояния литературы // *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. / под ред. М. Гершензона: в 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 150.
- 28 *Минаков А. Ю.* Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма // *Вестник Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки.* Тамбов, 2010. Вып. 7 (87). С. 15.
- 29 *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 163.
- 30 *Хомяков А. С.* Речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности. Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества, читанная председателем в публичном заседании 26 марта 1859 года // *Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 311–312.
- 31 *Хомяков А. С.* Письмо в Петербург // Там же. С. 76.
- 32 *Белинский В. Г.* О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1976–1982. Т. 1. С. 265.
- 33 *Григорьев А.* Народность и литература // *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 181.
- 34 *Пьтин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки. СПб., 1885. С. 403.
- 35 *Прохорова И. Е.* Шевырев vs Белинский: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836 год) // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.* 2012. № 2. С. 71.
- 36 *Герцен А. И.* Былое и думы: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 302.
- 37 См.: *Кавелин К. Д.* Государство и община. М., 2013. С. 65.
- 38 *Белинский В. Г.* Письмо А. И. Герцену. СПб., 1846. 20 марта // *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 9. С. 588.
- 39 *Вдовин А.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1820–1860-х годов. С. 52, 77.
- 40 *Тихомиров В. В.* Русская литературная критика середины XIX века: теория, история, методология. Кострома, 2010. С. 23.
- 41 *Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 году // *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 288–289.

- 42 *Григорьев А.* Эстетика и критика. С. 272–273.
- 43 *Белинский В. Г.* Речь о критике. Статья 1 // Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 5. С. 85.
- 44 *Белинский В. Г.* Сочинения Державина (1843) // Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 6. С. 14, 7.
- 45 Там же. С. 16–17.
- 46 Там же. С. 23–27.
- 47 Там же. С. 40, 67–68.
- 48 *Ткачев П. Н.* Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С. 209, 207.
- 49 *Галахов А. Д.* История русской словесности, древней и новой: в 2 т. 2-е изд. СПб., 1880. С. 170–191.
- 50 *Абрамович Н. Я.* Подполье русского интеллигентства (о тупиках русского интеллигентского сознания). М., 1917. С. 22.
- 51 Подробнее см.: *Котельников В. А.* «Что есть истина?» (литературные версии критического реализма). СПб., 2010. С. 425–431.
- 52 *Житкова Л. Н.* Рецензия идей В. Г. Белинского в литературно-критических текстах К. Аксакова и Д. Мережковского // Диалог классиков — диалоги с классикой. Екатеринбург, 2014. С. 247.
- 53 *Зорин А. Л.* Глагол времен. С. 72.
- 54 *Грифцов Б.* Державин // София. Журнал искусства и литературы. 1914. № 1. С. 111.
- 55 *Зорин А. Л.* Глагол времен. С. 73.
- 56 *Черкасов В. А.* Державин и его современники глазами Ходасевича. Белгород, 2009. С. 232.
- 57 *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 290.
- 58 *Ткачев П. Н.* Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С. 114.
- 59 *Бердяев Н.* Духовные основы Русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб., 1998. С. 327.
- 60 *Смирнов И. П.* Нигилизм, антинигилизм и «Бесы» Достоевского // Russische Literatur an der Wende vom 19. Zum 20. Jahrhundert. Oldenburg Symposium. — Amsterdam; Atlanta, 1993. S. 71.
- 61 *Писарев Д. И.* Соч.: в 4 т. М., 1955–1956. Т. 3. С. 433.
- 62 *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 254.
- 63 Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 35.
- 64 *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 425.
- 65 Записка III Отделения собственной его императорского величества канцелярии 1864 г., мая 8 // Горячим словом убеждения («Современник» Некрасова–Чернышевского): воспоминания, дневники, объявления журнала, письма. М., 1989. С. 514–515.

- 66 Зорин А. Л. Глагол времен. С. 15.
- 67 Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 92.
- 68 Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 10.
- 69 Розанов В. В. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 355.
- 70 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1950. Т. 7. С. 355, 371.
- 71 Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. «Очерк истории русской поэзии» А. Милюкова. Второе, дополненное издание. СПб. 1858 г. // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: 9 т. М.; Л., 1961–1964. Т. 1. С. 419.
- 72 Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 131.
- 73 Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы // Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 1. С. 419.
- 74 Добролюбов Н. А. Письмо Н. П. Турчанинову. 1 авг.<уста> 1856. <СПб.> // Там же. Т. 9. С. 247.
- 75 Добролюбов Н. А. Забытые люди (Сочинения Ф. М. Достоевского. Два тома. Москва, 1860 г. «Униженные и оскорбленные», роман в 4-х частях Ф. М. Достоевского. «Время», 1861 г., N I–VII) // Там же. Т. 7. С. 245.
- 76 Писарев Д. И. Наша университетская наука. Общее образование // Писарев Д. И. Соч. Т. 2. С. 206–207.
- 77 Писарев Д. И. Реалисты // Там же. Т. 3. С. 108–109.
- 78 Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности // Там же. С. 295–296.
- 79 Писарев Д. И. Цветы невинного юмора // Там же. Т. 2. С. 346.
- 80 Григорьев А. Народность и литература. С. 179–180, 182.
- 81 Пытин А. Н. История русской литературы: в 4 т. СПб., 1899. Т. 4. С. 85, 86, 90.
- 82 Страхов Н. Н. Вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») // Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. СПб., 2006. С. 388.
- 83 Грифцов Б. Державин. С. 111.
- 84 Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. СПб., 2011. С. 8.
- 85 Гершензон М. О. Творческое самосознание // Там же. С. 122.
- 86 Плеханов Г. В. Эстетика и социология искусства: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 228, 327.
- 87 Желтова Н. Ю. «Державинский кумир» русской литературы первой половины XX века // Вестник Тамбов. гос. ун-та. 2013. Вып. 7 (123). С. 15.

Е. Н. Долгих

Мемуар как яблоко раздора

(к истории несостоявшейся публикации воспоминаний
С. П. Жихарева о Г. Р. Державине в журнале
«Современник»)

Летом 1855 года в журнале «Современник» появился анонс, сообщавший читателям, что среди прочих публикаций в ближайшем будущем их ждет мемуар «Литературный вечер и домашний спектакль у Державина». Главному герою этих воспоминаний в 2018 году исполнилось 275 лет, а их автору Степану Петровичу Жихареву — 230. Двойной юбилей — достаточный повод попытаться ответить на вопрос, почему текст о великом поэте был заявлен к публикации, но так и не появился на страницах «самого читаемого и почитаемого» журнала эпохи. Хронику запутанной истории, связавшей текст Жихарева с «Современником», можно представить в виде девяти эпизодов с прологом и эпилогом.

Пролог. Степан Петрович Жихарев родился 18 февраля 1788 года в Рязанской губернии (как считает, например, Б. М. Эйхенбаум¹; Б. Л. Модзалевский² и С. Я. Штрайх³ указывают Тамбовскую; на сайте, посвященном «писателю-театралу»⁴, обсуждаются все существующие версии места рождения Жихарева). После частного пансиона Луи Ронка 1 января 1805 года Жихарев начал учебу в Московском университете, однако не прошло и полутора лет, как он оставил ее в стремлении поступить на службу. Переехал в Петербург. Стал своим человеком в доме Державина — и как внук его старого приятеля, вятского губернатора⁵, и как начинающий поэт. С образованием «Беседы любителей русского слова» был избран ее членом. Потом, как отмечал Б. Л. Модзалевский, «по особенному свойству характера сумел, не порывая свя-

зей с членами „Беседы“, сойтись с членами недавно перед тем возникшего „Арзамаса“»⁶; «был в дружеских отношениях со всеми современными ему литераторами от Пушкина до Шишкова и знал всех актеров своего времени»⁷. Служил по разным ведомствам. В 1820-е годы получил должность московского губернского прокурора, в 1830-е — чин тайного советника и звание сенатора, в сороковые был членом Центральной российской комиссии по испытанию лошадей, которых любил истово; в 1850-е являлся председателем Театрально-литературного комитета при Дирекции театров, поскольку самой сильной страстью его жизни был именно театр.

Но главное, что прославило имя Жихарева, — дневники. Он — автор многочастных «Записок современника», включающих «Дневник студента», «Дневник чиновника» и «Воспоминания старого театрала». Полная рукопись этих дневников будто бы охватывала период с 1805 по 1819 год. В письме М. П. Погодину во времена, когда Жихарев «бодался» еще не с «Современником», но с «Москвитянином», автор так обозначал масштабность предприятия: «Дневника, если бы его печатать всего, станет не только на шесть лет, но на десять и более»⁸, считая по три листа на книжку журнала. Однако до читателей из всего грандиозного текстового массива дошли лишь записи 1805–1807 годов.

В 1853 году в «Москвитянине» без подписи автора начинает печататься «Дневник студента». Читатели в восторге от непосредственного и свежего взгляда автора на мир, от его великолепной наблюдательности. Отзывы более чем комплиментарные. П. А. Плетнев пишет Погодину: «Тут есть страницы с увлекательностью и обилием картин Гоголя, с игривостью и остроумием Пушкина, с религиозностью и моралью Жуковского; а везде прелесть, грация и отделка Карамзина»⁹. В. И. Панаев — родной дядя Некрасовского друга и соредактора И. И. Панаева, автор книги «Идиллии», адресует к редактору «Москвитянина»: «Что за прелесть рассказа, что за слог! Ради бога, уведомьте меня, кто этот милый умный человек»¹⁰.

Об этом «милом, умном человеке» Филипп Вигель — едва ли не самый знаменитый мемуарист той эпохи и один из немногих,

кто знал имя автора публиковавшегося «Дневника студента», писал в своих воспоминаниях: «Безвкусие было главным недостатком его в словесности, в обществе, в домашней жизни... Жихарев любил погулять, поесть, попить и сам попотчевать. Это заставило его войти в долги и прибегать к разным изворотам... строгою известливостью не совсем одобряемым»¹¹.

Эпизод первый. Итак, в седьмом номере журнала «Современник» за 1855 год, вышедшем в свет 1 июля (цензурное разрешение получено 30 июня), в заявлении «От редакции» в перечне публикаций, которые в текущем году будут представлены вниманию читателей, анонсируется статья «Литературный вечер и домашний спектакль у Державина (из воспоминаний С. П. Ж<ихарева>ва)»¹².

В это время в «Отечественных записках» всю публикуется «Дневник чиновника», вторая часть воспоминаний Жихарева¹³, в которой читателям уже слегка приоткрывается авторство: в двух книгах из шести текст подписан начальной и через дефис двумя последними буквами фамилии. Впервые подпись возникает в июльском номере журнала.

Эпизод второй. Двадцатого августа выходит восьмая книжка «Современника», в которой появляются «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года», написанные Николаем Некрасовым и Василием Боткиным. Отзыв о «Дневнике чиновника» можно назвать разгромным. Начинается он метафорическим пассажем, который, несмотря на внешнюю умильность, цензура полностью вымарала (можно предположить, за его схожесть с идеальным портретом какого бы то ни было подданного). Впрочем, речь про всего лишь одно предложение! «Случалось ли вам, читатель, видеть ребенка, прилизанного, приглаженного, который при малейшей вашей к нему ласке просит поцеловать вашу ручку, зовет вас дяденькой; он не бегаёт, не шумит, а сидит так чинно и смиренхонько в уголку комнаты, вынимает осторожно свои игрушки, — вытрет с них пыль и опять их уложит; он почтителен к старшим, раболепно услужлив, бережлив на всё, никогда не изорвет ни сво-

их панталончиков, ни курточки, не любит быть со своими сверстниками, а сидит все с взрослыми, слушает их разговоры и потом повторяет их своей няне, перемешивая их нравоучительными мыслями, взятыми из своих прописей, — вот впечатление, какое произвел на нас *Дневник чиновника* «...» Дальше шли уже не тронутые цензурой обвинения в том, что в тексте Жихарева мало любопытных фактов, как следствие — «скука, с которой читается он»; поздняя переделка лишила его живости и свежести юношеских порывов. Дневнику свойственны «старческое, резонерское изложение»; монотонная сдержанность; бедность и поверхностность содержания! Самую интересную его сторону, «и то далеко не новую — составляют литературные знакомства автора и тогдашние литературные вечера. Но, к сожалению, у автора нет ни малейшей способности к характеристике лиц: они какими-то смутными тенями мелькают перед читателями...»¹⁴

Вопрос: зачем в июле анонсировать автора, а в августе его нещадно уничтожать подобными отзывами? В чем дело?

Возможно, в том, что эта книжка журнала стала последней из появлявшихся в траурном оформлении в связи со смертью Николая I. Император скончался 18 февраля 1855 года (кстати, по ни к чему не ведущему совпадению, в день рождения Жихарева). С 3-го по 8-й выпуск «Современник», как и все журналы России, нес траурную кайму на обложке. Она стала прощальным знаком «мрачного семилетия». Наступала новая эпоха, и в некрасовской рецензии впервые задавались вопросы о том, с какими потерями и какими перспективами русская литература выходит из периода 1848–1855 годов. Здесь можно процитировать Павла Михайловича Ковалевского, немало сотрудничавшего с «Современником» и действительно знавшего редакторский стиль Некрасова: «Лучшего редактора, как Некрасов, я не знал; едва ли даже был у нас другой такой же. Были люди сведущее его, образованнее... но умнее, пронизательнее и умелее в сношениях с писателями и читателями никого не было. <...> Редакция руководилась им неуклонно, как оркестр хорошим капельмейстером. Так, как хороший капельмейстер набирает хороших музыкантов и, убедившись в их умении делать свое дело, требует одного внимания к движениям своей па-

лочки, так и Некрасов умел подобрать сотрудников, которым довольно было сказать: „отцы, маленечко потише!..“ или „приударить позволяется, отцы, — валяйте...“, и редакционный оркестр исполнял литературные симфонии и фуги, каких в других редакциях не исполнялось»¹⁵. Безусловно, лето 1855 года было временем второй некрасовской фразы: «приударить позволяется, отцы, — валяйте!»

А тут — воспоминания Жихарева с его молчалинскими лейт-мотивами! Возьмем записи февраля 1807 года из отрецензированной «Современником» части «Дневника чиновника»:

2 февраля: «Что-то будут говорить сегодня за обедом у Гаврила Романовича и на литературном вечере у Шишкова? Очень желаю слышать толки и суждения людей благомыслящих...»

3 февраля: «...у Шишкова собралось около 20 человек... в том числе сочинитель букваря, а также автор какой-то книги для прекрасного пола, в которой лучшей статьей можно почесть „Белые листы на 12 месяцев“, и, наконец, я, не сочинивший ни букваря, ни белых листков на 12 месяцев, но приехавший в одной карете с Державиным, что стоит букваря и белых листов для записок». Фраза укачивает троекратным повторением букваря и белых листов, первоначальное упоминание которых призвано было стать ироническим.

19 февраля: «Приходил сослуживец мой Алексей Юшневский... приятель Гнедича, малый умный и чудак преестественный: он застал меня за письменною конторкою с пером в руке. „Что делаешь?“ — „Пишу“. „Сочиняешь?“ — „Описываю“. „Какого черта ты описываешь?“ — „Не черта, а свой день“. — „Славное занятие! И не скучно?“ — „Привык“. Остается только догадываться, с какой степенью раздражения Некрасов мог реагировать на подобные вербальные оппозиции...

Эпизод третий. После критического отзыва Жихарев письменно извещает Ивана Панаева, официального ответственного редактора «Современника», об отказе печататься в журнале. Это происходит между 20 августа и 1 сентября.

Эпизод четвертый. 1 сентября Некрасов пишет письмо Боткину — с замечательной лихостью в формулировках: «Несмотря на

цензорское смягчение, Жихарев все-таки пришел в ярость и прислал Панаеву письмо — объявив, что не желает уж дать нам обещанной статьи. Черт с ней! Вот что значит говорить правду! Жих<арев> грозит еще напечатать ответ — хорошо бы! Можно бы тогда эту старую шельму поднять на смех!»¹⁶ Вызывающая и пронзительная витальность этого письма, кроме самоценного для Некрасова «упоения борьбы», объясняется медленным, но верным выздоровлением поэта: незадолго до того он узнал, что недуг, который мучил его два года и которому, по его выражению, двадцать докторов делали фатальные прогнозы, вовсе не так страшен: «я лечусь и, видимо, с пользой»¹⁷.

Эпизод пятый. В девятом номере «Современника» (вышел в свет 7 сентября, цензурное разрешение от 31 августа) появляется редакционное заявление: «Автор „Дневника чиновника“, о помещении статьи которого было объявлено нами при VII книжке, ныне уведомил нас, что он переменяет намерение и не желает поместить эту статью в нашем журнале. Исполняя желание автора, мы извещаем наших читателей, что статья эта помещена в Современнике *не будет*»¹⁸.

Эпизод шестой. Практически синхронно с этим заявлением газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 6 сентября публикует открытое письмо Жихарева редактору журнала «Современник»¹⁹. В нем Жихарев публично сообщает, что его записки — «покамест не что иное как болтовня праздного молодого человека», что «в том виде, в каком они были печатаемы», они не заслуживают внимания. Это звучит странно, если иметь в виду длительность публикаций дневников в «Москвитянине» и «Отечественных записках». Письмо столь же противоречиво, сколь заунывно. Автор говорит об отсутствии у него какого бы то ни было писательского самолюбия; соглашаясь с одними критическими замечаниями, высказанными в «Современнике», отвергает другие. Утверждает, что нельзя от «19-летнего незначущего бедного чиновника», каким он был при написании дневников, требовать «характеристики русского общества» (которой, между прочим, в рецензии от него ни-

кто и не требовал). Наконец, заявляет, что не исправлял, не переделывал дневник почти полувековой давности, но только сокращал. «Повторяю: я не писатель по призванию и ремеслу и не знаком ни с какими литературными фиглярствами». И вот здесь уместно вспомнить, как складывались отношения Жихарева с толстыми журналами, которые он изнурял своими, как выразился Вигель, изворотами...

Интересно наблюдать совпадения интонаций и рефренов этого письма и, например, истории с «Москвитянином», которую шаг за шагом описывают Н. П. Барсуков в 22-томной летописи «Жизнь и труды М. П. Погодина» и С. Я. Штрайх в комментариях к изданию жихаревских дневников 1934 года. Сначала автор соглашается на предложенную редактором сумму, затейливо разделив свое собрание бумаг в 13 фолиантах по стоимости: «Сборники мои отдал вам за 500 руб. сер., а Записками студента, чиновника и сановника кланяюсь безмездно...»²⁰

Далее «безмездность» выливается в требование Жихарева дать ему денег в долг; в ожидании запрошенной суммы в 1000 рублей серебром он обещает отдать записки с 1807 по 1818 год Погодину в полную собственность. Если же это желание удовлетворено не будет, то устанавливается такая-то цена за печатный лист. Погодин высылает деньги, но рукописей не получает; парламентарий, отправленный к автору, возвращается в смятении от многоступенчатых требований дать займы. После Жихарев пишет, что «гонорария никакого» не примет, но будет ждать «пособия», чтобы «успокоить себя на несколько месяцев в намерении исключительно заняться приведением в порядок болтовни моей»²¹; потом не надо и пособия; заканчивается история надрывным письмом Жихарева об оскорбленном самолюбии, в котором соблазнительный для любого издателя перечень материалов соседствует с сообщением об их уже свершившейся продаже Краевскому. «Вы писали ко мне... что вы не отказались бы дать мне то, что дал и Краевский; сверх того, просили, чтобы я ничего не давал ему без предварительного с вами сношения. Я отвечал вам братски, и дружески просил вас, прислать мне рублей двести; а за эту услугу обещал прислать листов шесть или семь печатных Чиновника...»²²

Письмо в «Санкт-Петербургских ведомостях» продолжалось упреками в адрес лично Панаева: не правы вы, что «имея такое невыгодное мнение о болтовне моей, неоднократно превозносили ее мне в глаза», «вместо того, чтобы мне... не имеющему никакого понятия о журнальной процедуре, присоветовать какие-либо изменения в „Дневнике“, допустили в журнале вашем безусловные ему похвалы, перепечатывая целые из него страницы...»

Однако легко убедиться, что Панаев чист перед Жихаревым! К ним обоим можно отнести определение, данное М. Н. Лонгиновым в «Русском вестнике» в 1859 году по поводу первого выхода в свет отдельного издания «Дневника студента»²³. Это определение — «светские любезники»²⁴. Оно появляется в ряду других характеристик круга общения Жихарева, который встречался «с людьми разных партий и направлений: с духовными писателями и вольтерьянцами... с учеными... со светскими любезниками и стихотворцами В. Л. и А. М. Пушкиными²⁵, князем Шаликовым²⁶, с историками и авторами театральных пьес...» Тут постулируется тотальная светская опытность, которая никак не соотносится с наивностью газетных вопрошаний Жихарева в адрес Панаева.

Что было сказано Панаевым печатно до обсуждаемых событий? В «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» в майском номере «Современника» говорилось, что в «Отечественных записках» начал публиковаться «Дневник чиновника»: «Этот Дневник составляет вторую часть Дневника студента, печатавшегося в „Москвитяине“ в 1853 и 1854 годах. Дневник чиновника показался нам еще любопытнее Дневника студента, и мы заимствуем из него воспоминания о Державине: 3 декабря 1806 года, среда...»²⁷ Далее шла цитата на пять страниц, которую завершала единственная вполне невинная панаевская фраза: «Такие отрывки составляют очень любопытные материалы для истории русской литературы и за них нельзя не поблагодарить г. Ж-ва»²⁸.

Газетное письмо к редактору «Современника» Жихарев завершает следующим образом: «В заключение покорнейше прошу вас объявить в вашем журнале, что возвещенная вами без моего со-

гласия статья: „Бал и домашний спектакль у Г. Р. Державина“, принадлежащая к Дневнику, по требованию моему напечатана не будет».

Появилась бы на свет ремарка «без моего согласия», если бы события развивались иначе? Этот вопрос кажется риторическим. Важнее другое — в журнальном объявлении тема звучала как «Литературный вечер и домашний спектакль у Державина!» В данном случае эта аберрация принципиальна. Какова дистанция между балом и литературным вечером?

Если для Жихарева литература = бал, светское мероприятие, то для адресата его письма Панаева она, по крайней мере в этот период, — поле столь же эффектных, сколь и серьезных деклараций. Например, за пару месяцев до этой истории в «Заметках Нового поэта» говорилось: «Литература русская перестала быть новостью для публики. На нее уже, слава Богу, не смотрят как на игрушку, как на забаву: взгляд на нее становится серьезнее и потому с каждым днем увеличиваются и требования в отношении к ней. Всякое подражание, всякая подделка, всякая ложь резко бросаются теперь в глаза и мишуру нам уже трудно выдавать за золото...»²⁹

Что касается Некрасова, то в его системе ценностей литература могла относиться к светским развлечениям, но ровно в той мере, в какой светскость для него была оружием, инструментом, регулирующим войну и мир.

Кроме тех моментов в тексте Жихарева, которые могли выступать очевидными раздражителями для Некрасова, важно учитывать следующее. В том же обращении от редакции, в котором анонсировался материал Жихарева, говорилось о «военных событиях, совершающихся на границах нашего отечества», которые «составляют главный, можно сказать, почти исключительный предмет внимания русского общества». Цитата, обнажающая стратегию журнала в этих условиях: «Редакция „Современника“ не могла... не заботиться о том, чтобы, — не выходя из пределов своей программы, чисто литературной, но по самому названию журнала предназначенной наполняться статьями, имеющими современный интерес, — удовлетворять справедливым требованиям своих читателей, которые, как все русские, жаждут слышать

рассказы о героях — защитниках отечества». Как известно, прежде «Современник» не имел отдела политического обозрения, потому не мог печатать корреспонденций о ходе Крымской войны. Однако в июне 1855 года коммуникации Некрасова и Панаева с властями привели к тому, что журнал получил такое право. Главным автором в разработке военной темы становится Лев Толстой — непосредственный участник обороны Севастополя; с августа в журнале появляется постоянная рубрика «Хроника современных военных новостей».

А тут — Жихарев с его «Я был так смешан и так смешон!»³⁰ «Молодость Жихарева, — справедливо замечает М. А. Гордин, автор предисловия к хронологически последнему изданию «Записок современника», — выпала на то время, когда словесность делалась салонной страстью. <...> Салонные стычки были авангардными боями литературной войны»³¹.

Иллюстрацией может служить, в частности, жихаревское описание литературного вечера 3 февраля 1807 года в доме А. С. Шишкова, где молодежи, специально приглашенной на чтения, но отказавшейся выступать в присутствии Державина, был задан вопрос: «...как же это вы идете на сражение без всякого оружия?..»

Война как метафора способна завораживать читателя в мирное время. Рискнем предположить, что подобные метафоры тем менее соблазняют публику, чем более до ее слуха доносится эхо реальных битв. А здесь речь идет про лето 1855 года: 27 августа пал Севастополь, что определило исход Крымской войны.

Эпизод седьмой. «Ты, я думаю, читал в „Санкт-Петербургских> ведомостях>“, какую бурю поднял Жихарев? Этого скота теперь шадить нечего... Теперь пропустят и очень резкий отзыв после его письма»³², — написал Некрасов Боткину 18 сентября. Свидетельством накала страстей может служить тот факт, что последний (из известных) раз Некрасов эпистолярно употреблял слово «скот» целым десятилетием ранее, в 1846 году, когда в письме к В. Г. Белинскому окрестил так И. А. Гончарова за отказ передать текст, предназначенный для альманаха «Левиафан», в первый номер «Современника»³³.

Эпизод восьмой. В Некрасовских «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» откровенная злость, которая сквозила в предыдущем обзоре и изливалась в письме Боткину, начисто отсутствует. Некрасов спокойно, местами с легкой иронией («„Отечественные записки“ относят также к отделу „Словесности“ печатаемый в них уже пятый месяц „Дневник чиновника“») пересказывает обстоятельства конфликта: «Так как мы вызвали эту бурю, то мы считаем долгом и отвечать г. Ж-ву, избавляя г. Панаева от лишних хлопот... Когда начал появляться „Дневник чиновника“ в печати, в нем были места довольно интересные: именно места о театре и литературе. <...> „Дневник“ продолжал печататься, но подробности о театре и литературе в новых статьях уже... ничего не заключали в себе, кроме сказанного в первых статьях. С потерей своей живой стороны Дневник низошел в ряд таких произведений, молчать о которых или поддерживать при начале высказанное мнение становилось делом, не согласным с правилами редакции „Современника“...» Далее говорится об издержках светскости («Очень естественно, что г. Панаев... может быть, не поскупился на комплименты автору, которые, надо сознаться, в таких случаях не портят дела, что может засвидетельствовать каждый журналист»), о доверии читателей («...если б не наш отзыв, читатели до сей поры не знали бы, кто вел этот дневник, а для дневников и мемуаров имя — дело очень важное. Необходимо прежде всего иметь доверенность к лицу, ведущему дневник. Теперь читатель знает, что это г. Жихарев, — вот имя, которое должно служить ему ручательством в справедливости всего того, что говорилось и будет говориться о „Дневнике“»)³⁴. Завершает Некрасов этот фрагмент тем, что уже и в следующем номере «Отечественных записок» из шестидесяти страниц «Дневника чиновника» интересна одна, — ее он и цитирует.

Эпизод девятый и последний ставит крест на этой истории. В «Заметках о журналах за октябрь» в № 11 (вышел в свет 7 ноября) просто говорится: «О продолжении Дневника чиновника, украшающего собою и X № „Записок“, нового сказать нечего. На

нем все еще стоит 1807 год, который новая (шестая) статья подвигает вперед семнадцать днями. Перспектива бесконечная открывается впереди»³⁵.

Эпilog. Если взглянуть на эти четыре с небольшим месяца 1855 года ретроспективно, то представляется, что когда бы не почтенное имя Державина в названии заявленной, но так и не состоявшейся публикации, — никакой истории бы не было. Чем сопровождались обнаружения жихаревских дневников? Бесконечными оговорками, «позднейшими примечаниями», множеством версий, вопросами вроде «дневник 1807 года с правкой 1850-х или без?»; редакторы писали: «снова печатаем, но совсем не то, что читатель мог видеть прежде»; скажем, Краевский так анонсировал жихаревский материал: «Автор в прошлом году поместил в „Отечественных записках“ статью *Воспоминания старого театра*, заимствованную большею частью из этого „Дневника чиновника“, и потому читатели найдут в „Дневнике“ многое из этих „Воспоминаний“, только с большими подробностями» и т. п., не говоря уже о загадочном исчезновении большей части дневников. Не история, но омут...

Державин в этой истории выступает в роли МакГаффина. МакГаффин — термин, введенный режиссером Альфредом Хичкоком, мастером психологического триллера. Эта имитация имени собственного призвана обозначать мотор сюжета, катализатор всех действий героев, средоточие их стремлений. МакГаффины одновременно находятся в самом центре действия и не имеют к нему никакого отношения. Но истории становятся захватывающими именно благодаря им, и не важно, в какой форме МакГаффин являет себя в каждом конкретном случае: в виде золотого ключика, чаши Грааля или никем еще не виданных и не читанных воспоминаний о великом поэте Державине.

Примечания

- ¹ *Эйхенбаум Б. М.* С. П. Жихарев и его дневники // Жихарев С. П. Записки современника / ред., статьи и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955. С. 639.
- ² *Модзалевский Б. Л.* Жихарев Степан Петрович // Русский биографический

- словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева: в 25 т. Пг., 1896–1913. Т. 7. С. 49.
- 3 *Штрайх С. Я.* С. П. Жихарев и его Записки // Жихарев С. П. Записки современника / ред., коммент. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. М.; Л., 1934. С. 11.
 - 4 URL: www.zhikharev.art.
 - 5 «Великий поэт в эпоху губернаторства своего в Тамбове был дружен с дедом моим, который, после увольнения от должности вятского губернатора, жил в тамбовской деревне и, любя чтение, был одним из усердных поклонников певца Фелицы» (запись в «Дневника чиновника» от 30 ноября 1806 г.).
 - 6 *Модзалевский Б. Л.* Жихарев Степан Петрович // Русский биографический словарь. Т. 7. С. 50.
 - 7 Там же. С. 49.
 - 8 Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб., 1899. Кн. 13. С. 231.
 - 9 Цит. по: *Штрайх С. Я.* С. П. Жихарев и его Записки. С. 19.
 - 10 Там же.
 - 11 *Вигель Ф. Ф.* Записки: в 2 т. / ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. 2. С. 65. Показательно, что в предисловии к Запискам Вигеля и — спустя шесть лет — в комментариях к дневникам Жихарева Штрайх употребляет одно и то же словосочетание для определения привлекательности этих книг, которые «дразнят любопытство» современников-читателей.
 - 12 *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб., 1981–2000. Т. 13, кн. 1. С. 124.
 - 13 Отечественные записки. 1855. № 4. С. 360–419; № 5. С. 163–198; № 7. С. 132–207; № 8. С. 388–411; № 9. С. 116–175; № 10. С. 356–387.
 - 14 *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 2. С. 152.
 - 15 Цит. по: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. С приложением полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928. С. 421, 444.
 - 16 *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 14, кн. 1. С. 216.
 - 17 Там же. С. 215.
 - 18 Там же. Т. 13, кн. 1. С. 127–128.
 - 19 Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 194. 6 сент.
 - 20 Цит. по: *Штрайх С. Я.* Комментарии // Жихарев С. П. Записки современника. С. 401.
 - 21 Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1899. Кн. 13. С. 231.
 - 22 Там же. С. 233.
 - 23 Записки современника. С 1805 по 1819 год. Ч. I: Дневник студента. СПб., 1859. — Книга вышла без указания имени автора.
 - 24 Современная летопись Русского вестника. М., 1859. Т. 24. С. 67.

- 25 Случайно или нет, но Штрайх в предисловии к запискам Жихарева воспроизводит этот фрагмент из текста Лонгинова с одним измененным инициалом — «В. Л. и А. С. Пушкиными» (*Штрайх С. Я.* Жихарев и его Записки. С. 22), что, конечно, добавляет высказыванию пафоса. У Жихарева и Лонгинова речь идет об Алексее Михайловиче Пушкине (1771–1825) — дальнем родственнике поэта, писателе, переводчике Мольера, актере-любителе, который славился остроумием. Его «неистощимый запас шуток» вспоминал П. А. Вяземский в письме к А. С. Пушкину от 7 июня 1825 г. (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1937–1959. Т. 13: Переписка. 1815–1827. С. 181).
- 26 Писателя П. И. Шаликова Жихарев рекомендует как «лучшего специалиста в столице по части эпитафий, мадригалов и всего, что касается до амурной литературы» (Записки современника. С 1805 по 1819 год. С. 318). Интересно, что в конце одного из писем (от 18 сентября) Боткину, в которых жарко обсуждается жихаревская история, Некрасов делится впечатлениями о повести Е. Нарской «Всё к лучшему»: «У этой госпожи есть талант — и, главное, не холодный и резонерский, а симпатичный и страстный...» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 14, кн. 1. С. 227). Упомянутая повесть будет открывать декабрьский номер «Современника» за 1855 г. Под псевдонимом Е. Нарская публиковалась старшая дочь князя Шаликова Наталья.
- 27 Современник. СПб., 1855. № V. С. 123.
- 28 Там же. С. 128.
- 29 Современник. СПб., 1855. № IV. С. 258.
- 30 «Дневник чиновника», запись от 5 декабря 1806 г.
- 31 В кн.: *Жихарев С. П.* Записки современника: в 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 9.
- 32 *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 14, кн. 1. С. 226.
- 33 Там же. С. 58.
- 34 Там же. Т. 11, кн. 2. С. 169–171.
- 35 Там же. С. 191.

Л. Е. Мисайлиди

О работе Я. К. Грота над академическим изданием Сочинений Державина

Вклад Якова Карловича Грота (1812–1893) в изучение творчества и биографии Державина хорошо известен. В то же время подробности начального этапа этого подвижнического труда нечасто оказывались в поле зрения исследователей. Интересный материал об этом периоде жизни Грота содержится в его переписке с Петром Александровичем Плетневым (1791–1866), поэтом, литературным критиком, профессором словесности и ректором Санкт-Петербургского университета, редактором журнала «Современник» в 1837–1846 годах. Дружья Плетнева, среди которых были Пушкин, Жуковский, Гоголь, ценили в нем не только чуткость к поэзии, отзывчивость, но и деловые качества; он охотно брал на себя хлопотное дело по изданию произведений своих знаменитых приятелей. Помогал Плетнев и Гроту, который с 1838 году был постоянным сотрудником «Современника». Три тома переписки двух выдающихся филологов, изданные сыном Грота Карлом Яковлевичем в 1896 года, — не только памятник эпохи, но и свидетельство их дружбы¹. Этот источник во многом помогает узнать детали интересующего нас этапа работы Грота над изучением Державина.

В 1845 году в трех номерах журнала «Современник» выходят 4 статьи ученого, посвященные Державину: 1. «Державин»², 2. «Участие Державина в „Санкт-Петербургском“ вестнике»³, 3. и 4. «„Фелица“ и „Собеседник любителей Российского слова“»⁴. Плетнев на правах старшего друга и редактора выступал консультантом и критиком автора во время его работы над этими статьями.

В июле 1844 года Грот составил план будущей статьи о Державине и отправил Плетневу, который принял план с энтузиазмом. Отчасти к этой работе Грот был уже подготовлен, поскольку во второй половине 1843 года читал в университете Гельсингфорса курс лекций о русской литературе «от Петра Великого», куда входили и лекции о Державине.

Яков Карлович пишет Плетневу 24 сентября: «Не знаю еще, что выйдет из моей статьи о Державине, но чем далее читал, тем более рождалось идей, и я, прервав статью, решился прочесть наперед все стихотворения, делая при чтении особые черновые отметки. Каждую пьесу рассматриваю я про себя, по разным вопросам, которые наперед определил. Если моя статья и не будет полною критикою, какой надобно желать, то, по крайней мере, она, надеюсь, будет первым началом серьезного изучения Державина. Чувствую также необходимость прочесть, в связи с нею, Ломоносова»⁵.

Во время подготовки лекций Грот познакомился с известными на тот момент работами о поэте А. Ф. Мерзлякова⁶, Н. Ф. Остолопова⁷, В. Г. Белинского⁸, Н. А. Полевого⁹, и, конечно, «Объяснениями на сочинения Державина» в редакции Ф. П. Львова¹⁰, записками И. И. Дмитриева¹¹ и другими источниками. Тем не менее он просит Плетнева указать работы, ему неизвестные, спрашивает, нет ли подробной биографии Державина. Называя в ответном письме некоторые публикации, Плетнев вместе с тем отмечает: «Только все это ничего тебе не поможет. Свежий и глубокий взгляд лучше повторения чужих мыслей»¹².

В переписке друзей обсуждаются отдельные статьи, некоторые из них подвергаются критике. Следует отметить, что в эту пору еще не были разработаны принципы издания и комментирования литературных произведений. И даже самая критика носила, скорее, любительский характер и зависела от таланта автора. В письмах Грота отрабатывались многие принципы и приемы, примененные им впоследствии при издании Сочинений Державина.

Грот хотел рассказать о Державине-поэте через его биографию. «Дело, между прочим, идет о сколько можно полном изучении характера и образа мыслей Державина», — писал он Плетне-

ву 29 октября 1844 года¹³. Позднее, уже работая над планом издания сочинений поэта, Яков Карлович еще более определенно формулирует свои мысли: «Большая часть его стихотворений состоит в самой тесной связи то с внешними событиями его жизни, то с явлениями века, в котором он жил. Для верной оценки его произведений необходимо в точности знать их отношение к действительности, а, следовательно, и время, когда каждое из них написано»¹⁴.

Поэтому его интересует и сосед Державина, живший рядом с домом на Фонтанке, и лицо, изображенное в стихотворении «Волхов Кубре». Он предполагает, что в стихотворении речь идет об А. В. Суворове. Плетнев отвечает, что соседом Державина был Гарновский¹⁵, а в стихотворении «Волхов Кубре» говорится о Валериане Зубове¹⁶.

В нескольких письмах Грот просит добыть сведения о Званке, когда и как она досталась Державину. Плетнев охотно отзывается и цитирует полученную им от Дмитрия Васильевича Поленова¹⁷ записку: «Село Званка было приобретено покупкою супругою Гаврила Романовича, Дарьею Алексеевною, частью от матери своей, урожденной княжны Мышецкой, частию от живущих по большой московской дороге ямщиков»¹⁸.

Плетневу Яков Карлович был обязан и знакомством с родственниками поэта. «Когда к новому году ты сюда приедешь, я свезу тебя к сенатору Бороздину¹⁹, женатому на Львовой, племяннице Державина: мы порасспросим у него обо всем», — сообщает Плетнев в письме от 11 ноября 1844 года²⁰. Визит этот состоялся и, по-видимому, именно тогда Бороздин показал Гроту рукопись «Записок» Державина, с которой тот мог бегло ознакомиться. На тот момент более детальное изучение «Записок» для Грота было невозможно, так как владелец мечтал их опубликовать, что позднее и было осуществлено²¹.

Якова Карловича интересуют не только биографические сведения. Как комментатора поэзии Державина его занимает значение некоторых слов, не найденных им в словарях: *шурмовать*, *повалуши*, *калкунь*, *на нашесть*, *самосвет*, *индей*. Подобный опыт выявления необычных по значению слов в текстах Державина был

Гротом позднее продолжен: в IX томе Сочинений поэта в статье «Язык Державина» был помещен «Словарь к произведениям Державина», в который вошло около 1750 слов²². Впрочем, в словаре он не объясняет значение слова, а берет его в контексте, предоставляя, таким образом, читателю выяснить это самому.

Грот посвящает Плетневу и в детали своей работы над статьей о Державине. Так, он сообщает о составлении алфавитного списка произведений поэта. Впоследствии эта работа будет продолжена и дополнена хронологической росписью. Сегодня подобные указатели стали привычным справочным аппаратом, сопровождающим публикацию всех собраний сочинений.

Сообщая Плетневу о книгах, найденных им в библиотеке Гельсингфорского университета, Грот пишет: «Но мне досадно видеть, как мало еще собрано сведений для биографии Державина. С самого года его смерти все биографы, не исключая и Остолопова, только повторяют один другого. Если б я был на твоём месте, сколько бы я собрал любопытных сведений о нём. Теперь же у меня на каждом шагу встречаются сомнения и вопросы, которых никто не может разрешить мне. Для критики Державина сделано также мало. Собственно говоря, я первый только ещё начинаю её. Все, что до сих пор написано по этому предмету, одни ребяческие толки»²³.

В ноябре первая статья была закончена и переписана. 13 января 1845 года, закончив корректуру, Плетнев высказывает свое суждение о «Державине»: «Эта статья не только по литературным началам, но и по нравственным подкрепляет сказанное мною о духе Современника. Тут есть развитие религиозное, эстетическое и философское»²⁴. В этом же письме Плетнев даёт своеобразную характеристику их дружбе: «Как мне нравится нынешняя жизнь наша! Она устроилась прекрасно. Мы дважды в году видимся, чтобы все общее слить вместе. Потом мы еженедельно переписываемся, чтобы и заочно следовать друг за другом. У нас общий журнал, в котором мы, как литераторы и граждане, действуем для достижения благородной цели, для поддержания в сочувствующих нам людях идей блага, света и красоты. Тут, кажется, все, чего на земле желать можно»²⁵. Мечты Плетнева о продолжении

журнала, где Грот взял бы на себя «высшую критику и философию», не осуществились: в 1846 году «Современник», как известно, перешел в другие руки. Своеобразным памятником их дружбы стал «Указатель журнала „Современник“ с 1836 по 1845 год» (СПб., 1846), составленный Яковом Карловичем.

После завершения публикации статей в «Современнике» Грот вернулся к изучению Державина только в 1859 году, представив во 2-е отделение Академии наук записку с планом академического издания Сочинений Державина. Свою публикацию плана Яков Карлович завершил обращением к читателям с просьбой присылать материалы, неизвестные факты биографии Державина, относящиеся к предпринятому Академией изданию²⁶. Подобные объявления были опубликованы и в газетах.

Окрыленный одобрением Академии, Грот приступил к разысканию рукописей Державина, в ту пору еще хранившихся у родственников поэта²⁷. Большая часть бумаг находилась у Леонида Леонидовича Львова (1830–1875), внука Николая Александровича Львова, в селе Никольском Новоторжского уезда Тверской губернии. Грот побывал у Львова и договорился о предоставлении рукописей Академии для их описания. У племянницы Державина Елизаветы Николаевны Львовой (1788–1864) и ее дочери Марии Федоровны Ростовской (1814–1872) он ознакомился с завещанием Державина 1804 года, а также с оригинальной рукописью «Примечаний» поэта к своим сочинениям. Примечания были записаны Елизаветой Николаевной под диктовку Гаврилы Романовича в 1809 году. Дмитрий Васильевич Поленов предоставил Гроту переписку Державина с разными лицами.

В Москве ученый посетил Наталью Николаевну Львову, урожденную Мордвинову (1794–1882), вдову племянника поэта Александра Николаевича Львова (1786–1849). В ее доме находились портреты Державина работы С. Тончи (1756–1844) и В. Л. Боровиковского (1857–1825). Портрет Тончи был сфотографирован для гравирования Ф. И. Иорданом (1800–1883). Позднее он украсил первый том академического собрания сочинений поэта. Также в Москве Гроту удалось записать рассказы Ивана

Васильевича Капниста (1794–1860) и Веры Николаевны Воейковой (1792–1873), дочери Н. А. Львова.

В результате этой работы ему удалось собрать огромное количество автографов Державина, писем, различных документов, памятных рисунков. В настоящее время эти материалы хранятся в Пушкинском Доме и Российской национальной библиотеке, коллекция реликвий — в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН²⁸.

Общение с библиографами С. Д. Полторацким и М. Н. Лонгиновым пополнило «запас библиографических сведений» Грота. В Петербурге подобные материалы он получил от Г. Н. Геннади, П. И. Бартенева, А. Д. Галахова, Н. Н. Булича и других²⁹.

Началом работы над изданием Сочинений можно считать статью Грота «Жизнь Державина», написанную в 1859 году и посвященную раннему периоду биографии поэта, до начала службы в Преображенском полку³⁰. По-видимому, поводом для написания статьи стали впервые опубликованные «Записки» Державина, о которых говорится в ее первой части.

В 1860 году Грот едет за границу для изучения опыта западных ученых по подготовке изданий классиков. В отчете II Отделению Академии ученый приводит примеры подобной работы, выполненной в разных странах, особенно отмечая комментированные издания Шекспира в Англии и Руссо и Вольтера во Франции³¹. Отмечая высокий уровень французских изданий, Грот писал: «Я рассмотрел многие из этих изданий и в некоторых видел прекрасное выполнение идей, положенных в основание нашего плана. Сверх того я нашел в них и такие стороны, которых мы еще не имели в виду и которые, следовательно, могут послужить к дополнению нашего плана»³². Особенное внимание Грот обратил на 22-х томное издание сочинений Ж.-Ж. Руссо «Oeuvres de J. J. Rousseau avec des notes historiques» (Paris, 1819–1820), два последних тома которого содержали различные указатели. Кроме знакомства собственно с изданиями, Грот общается с издателями, учеными, занимающимися их подготовкой, вникает в самые разные тонкости издательского дела, интересуясь форматом, образцами бумаги и т. д.

В 1862 году с целью найти дополнительные сведения к биографии Державина Яков Карлович предпринял поездку по местам, где еще сохранялась о нем память: он побывал в Тамбове, Казани, Сызрани и других городах, в течение трех месяцев занимаясь разысканиями. В 1863 году посетил Петрозаводск и водопад Кивач, имение Державина Званка на реке Волхов и Хутынский монастырь, где был похоронен поэт. Почти о каждой из этих поездок Грот рассказывал в статьях — своеобразных отчетах, опубликованных в Записках Имп. Академии наук и журнале «Современная летопись»³³.

В Тамбове он сумел поработать с архивными делами, относящимися ко времени губернаторства Державина, пообщался с некоторыми лицами, хранившими предания о поэте и людьми из его тамбовского окружения.

Тогда же Грот побывал в Саратове, где познакомился с важными документами, связанными с восстанием Пугачева, и в немецкой колонии Шифгаузен, где Державин во время пугачевщины работал над книгой «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года» (СПб., 1776).

Одним из главных пунктов путешествия в Поволжье была Казань — место рождения и детства поэта. В архиве Казанского университета он познакомился с делом о сооружении в городе памятника Державину (в 1847 г.).

Якову Карловичу хотелось также увидеть родовые имения Державиных в окрестностях Казани, повстречаться с потомками Петра Никитича Миллера (1756–1842) — сына двоюродной сестры поэта Натальи Ивановны. Он побывал в имении Астраханка, принадлежавшем Николаю Петровичу Миллеру (1816–?), где ему рассказали о шкатулке с письмами Державина, которая пропала вскоре после смерти поэта. В этом же доме Грот увидел хорошие погрудные копии знаменитых портретов Державина работы Тончи и Боровиковского. К сожалению, у родных Державина, с которыми Якову Карловичу удалось встретиться, не сохранилось ничего ценного. Он посетил также имение Кармачи, некогда принадлежавшее родителям поэта и позднее разделенное между тремя владельцами. Один из них показал ему место под горой, где

некогда стоял дом Державиных, в котором, по преданию, поэт увидел свет. В деревне Егорьево Яков Карлович поклонился праху родителей поэта, надгробные памятники которых, к счастью, сохранились.

Отчеты Грота о поездках по державинским местам наполнены эмоциональными впечатлениями.

Параллельно с подготовкой Собрания сочинений Грот опубликовал работы: «Читалагайские оды Державина»³⁴, «Деятельность и переписка Державина во время Пугачевского бунта» (СПб., 1861), «Державин и граф Петр Панин»³⁵, «Переписка Евгения Болховитинова с Державиным»³⁶.

В 1864 году началась публикация «Сочинений Державина с примечаниями Я. Грота», которая продолжалась в течение 20 лет. Последний том увидел свет в 1883 году.

Таким было начало великого «державинского пути» Якова Карловича Грота.

Примечания

- 1 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: в 3 т. СПб., 1896. (Далее: Переписка).
- 2 Грот Я. К. Державин // Современник. 1845. № 2. С. 121–184.
- 3 Грот Я. К. Участие Державина в «Санкт-Петербургском» вестнике // Там же. № 4. С. 38–87.
- 4 Грот Я. К. «Фелица» и «Собеседник любителей Российского слова» // Там же. № 11. С. 113–150; № 12. С. 225–263.
- 5 Переписка. Т. 2. С. 319.
- 6 Мерзляков А. Ф. Державин // Труды Общества любителей российской словесности. 1820. Ч. XVIII. С. 5–42.
- 7 Остолопов Н. Ф. Ключ к сочинению Державина. СПб., 1822
- 8 Белинский В. Г. Сочинения Державина. Статья первая // Отечественные записки. 1843. Т. XXVI. № 2. Отд. V. С. 27–46; Статья вторая // Там же. 1843. Т. XXVII. № 3. Отд. V. С. 1–30.
- 9 Полевой Н. А. Сочинения Державина // Московский телеграф. 1832. Ч. 46. № 15–16. Август. С. 362–398; Ч. 47. № 18. Сент. С. 213–244.
- 10 Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные его племяннице Елисавете Николаевне Львовой в 1809 г. СПб., 1834.

- 11 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 141–164.
- 12 Переписка. Т. 2. С. 326.
- 13 Там же. С. 343.
- 14 *Грот Я. К.* План академического издания Сочинений Державина. СПб., 1859. С. 7.
- 15 Гарновский Михаил Антонович (1764–1810 или 1817) — военный советник 5-го класса, адъютант и доверенное лицо кн. Г. А. Потемкина. Строил дом рядом с домом Державина. Нарушив строительные нормы, вступил с Державиным в конфликт, вынудив его обратиться в полицию и написать стихи «К второму соседу» (1791).
- 16 Зубов Валериан Александрович (1771–1804) — русский военачальник, главнокомандующий в Русско-персидской войне 1796 г. Адресат стихотворных посланий Державина.
- 17 Поленов Дмитрий Васильевич (1806–1878), археолог и библиограф, историк, дипломат, тайный советник. Был женат на Марии Алексеевне Воейковой (1816–1895), внучке Н. А. Львова.
- 18 Переписка. Т. 2. С. 342.
- 19 Бороздин Константин Матвеевич (1781–1848), археолог, историк, тайный советник, сенатор. Был женат на племяннице Державина Прасковье Николаевне Львовой (1793–1848).
- 20 Переписка. Т. 2. С. 354.
- 21 Записки Гаврила Романовича Державина. 1743–1812 // Русская беседа. 1859. Кн. 2–5. Отд. изд.: Записки Гаврила Романовича Державина. 1743–1812. М., 1860.
- 22 *Мингазова Л. С.* Я. К. Грот — первый составитель словаря языка Г. Р. Державина // Тезисы Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения акад. Якова Карловича Грота / Российская академия наук; Ин-т лингв. исследований. СПб., 2012. С. 38–39.
- 23 Письмо от 1 ноября 1844 г. См.: Переписка. Т. 2. С. 346.
- 24 Там же. С. 381.
- 25 Там же. С. 380–381.
- 26 Подробнее см.: *Грот Я. К.* План академического издания Сочинений Державина. С. 13.
- 27 Подробнее см.: *Грот Я. К.* Рукописи Державина и Н. А. Львова. СПб., 1859.
- 28 О рисунках и мемориях в собрании Пушкинского Дома см.: *Агамалян Л. Г.* Державинские материалы в собрании Литературного музея (Пушкинского Дома) ИРЛИ РАН // «Беседа любителей русского слова». 200 лет. СПб., 2013. С. 113–137.
- 29 Подробнее о его общении с библиографами см.: *Грот Я. К.* Записка о ходе в 1860 г. приготовительных работ по изданию Державина и несколько библиографических заметок во время заграничного путешествия. СПб., 1860. С. 6–7.

- 30 Русский вестник. 1860. № 3, 4. С. 331–378.
- 31 *Грот. Я. К.* Записка о ходе в 1860 г. подготовительных работ. СПб., 1860.
- 32 Там же. С. 19.
- 33 Записка академика Я. К. Грота о дополнительных материалах для биографии Державина, собранных им в путешествии // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. II. Кн. 2. С. 29–44; Поездка в Петрозаводск и на Кивач академика Я. К. Грота // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. IV. Кн. 1. С. 51–63;; *Грот Я. К.* Званка и могила Державина // Современная летопись. 1863. № 33. Сент. С. 4–6.
- 34 *Грот Я. К.* Читалагайские оды Державина // Библиографические записки. 1859. № 16. С. 481–495.
- 35 *Грот Я. К.* Державин и граф Петр Панин // С.-Петербур. ведомости. 1863. № 208. 19 сент. С. 840–850; № 210. 21 сент. С. 857.
- 36 *Грот Я. К.* Переписка Евгения Болховитинова с Державиным // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1868. Т. V. Вып. 1. С. 65–95.

О портретах Г. Р. Державина

«Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер...» — так начинаются автобиографические «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», написанные им (от третьего лица) уже на закате жизни¹. В них Державин говорит главным образом о своей службе, о взлетах и падениях, которые он обретал, «отправляя беспорочно и бескорыстно все возложенные на него должности»².

А каким мы видим Державина на портретах? Известно девять его живописных прижизненных портретов, включая миниатюру. Пять из них — неизвестного художника (1780-е), три работы В. Л. Боровиковского (конец 1794 — начало 1795, 1795, 1811), Н. И. Аргунова (не ранее 1801) — представляют Державина именно как государственного деятеля, так, как представил себя и сам Гаврила Романович в своих «Записках...». На них он изображен в мундире и при орденах; портреты имеют относительно небольшой размер и дают поясное или погрудное изображение. Еще два портрета — И. Смирновского (не ранее 1798) и А. А. Васильевского (1815), тоже небольшого размера, поясные, — являют нам другой облик Гаврилы Романовича: в халате, опушенном мехом, с платком на шее. Все названные портреты традиционны и в известном смысле однотипны.

Портрет работы Сальваторе Тончи во всех отношениях от них отличается, включая историю его создания и бытования. Этому

портрету, его преображениям, этюду к нему, а также своего рода продолжению в эскизном рисунке А. Е. Егорова будет уделено в статье наибольшее внимание.

С. Тончи изобразил Державина на большом полотне (283 × 203,5), в полный рост, сидящим на камне около скалы, в шубе и высокой меховой шапке, на фоне сурового зимнего пейзажа. Кроме своей подписи художник начертил на камне надпись, которая в переводе означает: «Правосудие изображается скалою, румяным (восходом) — дельфийский (то есть пророческий) дух, белым снегом — чистосердечие и правдивость»³.

Такое портретное решение было задано художнику самим поэтом в оде «Тончию». В своем объяснении к этой оде Гаврила Романович пишет: «Программа для портрета автора, данная сему живописцу 1801 ноября <?> дня. — По случаю спора, что иные советовали ему написать в мундире и во всех орденах, а другие — по примеру антиков, без всяких украшений, каков он в самом деле; живописец о сем просил разрешения автора, который, чтобы удовлетворить и ту и другую сторону спорильщиков, велел представить себя так, как в сей оде он описан»⁴.

...ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой,
В жестокий мраз, с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой,
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим (III, 403).

Объясняется столь необычная программа Державина тем, что этот портрет создавался как ответный дар поэта на присланный из Иркутска подарок от купца Михаила Васильевича Сибириякова — богатые шубу и шапку. Размышляя, каким должен быть такой портрет, Державин, вероятно, вспомнил большой портрет Н. Н. Демидова работы Тончи, исполненный не позднее 1797 года⁵. Николай Никитич Демидов, владелец знаменитых уральских заводов, коллекционер и благотворитель, представлен художником в полный рост, сидящим около скалы, на фоне заснеженных гор, в шубе, шапка лежит рядом. Уже из описания видно, как похожи

эти портреты; даже река есть на обоих полотнах. Скорее всего, изображение Демидова послужило своего рода образцом для Державина, когда он захотел получить портрет, где был бы запечатлен в подаренной шубе и шапке. Может быть, поэтому он и обратился именно к Тончи. Правда, Державин никогда не был в Сибири с ее жестокими морозами, поэтому он и сослался в своей программе на то, что «рожден в странах я льдистых».

Державин заказал Тончи портрет для себя и его повторение для Сибирякова⁶. И эти два одинаковые при своем появлении портрета обрели очень разные судьбы.

Бытование портрета, который изначально принадлежал Державину и находился в его петербургской усадьбе, вполне обычно. После смерти Гаврилы Романовича, а затем его вдовы Дарьи Алексеевны портрет перешел к ее родственникам — племяннику Александру Николаевичу Львову, а потом к его сыну Николаю Александровичу. Согласно завещанию последнего его вдова Мария Михайловна Львова в 1899 году передала портрет в дар Московскому Румянцевскому музею, откуда он в 1925 году поступил в Третьяковскую галерею.

Судьба второго портрета Державина, отправленного в Иркутск Сибирякову, сложилась весьма неожиданно. Впервые упоминание об этом портрете, без фамилии художника, появилось в книге А. И. Мартоса «Письма о Восточной Сибири», изданной в 1827 году. Сын известного скульптора И. П. Мартоса, Алексей Иванович Мартос был участником русско-турецкой и Отечественной войн; в начале 1820-х годов служил в Енисейском губернском правлении и зимой 1823/24 года совершил поездку из Красноярска к китайской границе. В Иркутске он был в январе 1824 года, где посетил дом городского головы Ксенофонта Михайловича Сибирякова, сына Михаила Васильевича, и увидел портрет: «В высокой зале, которая лучшая в этом доме... вы видите портрет Державина — фигура сидячая во весь рост; Гений венчает бессмертного Лирика Екатерины! Один взгляд на изображение творца Фелицы, в самом отдаленнейшем из городов России, вселяет новое уважение к владельцу»⁷.

В Иркутске Мартос был проездом, и вряд ли он знал историю портрета. Очень сжато она изложена в книге «Иркутск. Его место

и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири», отредактированной и изданной городским головой В. П. Сукачевым в 1891 году. Владимир Платонович Сукачев, общественный деятель, благотворитель, был создателем частной картинной галереи, которая стала основой Иркутского художественного музея, позднее получившего его имя. В книге написано: «Портрет этот имеет свою историю. Сибиряков послал в подарок Державину богатую соболью шубу и шапку. Державин снялся в этом одеянии и портрет прислал Сибирякову, по заказу которого, уже в Иркутске, над головою Державина был нарисован венчающий его гений. Впоследствии портрет, вместе с домом, перешел в казну, и один из генерал-губернаторов гения велел затереть»⁸.

Эти краткие сведения дополняются некоторыми деталями из иркутской газеты позапрошлого века: Сибиряков был «страстным поклонником Державина, заучившим чуть ли не наизусть все сочинения последнего»; «шуба из редчайших соболей была стоимостью около 4000 рублей серебром»; Сибиряков для портрета «отвел в своем доме особую комнату, назвал ее Державинской»; из трубы ангела, летящего над головой Державина, выходили слова: «Дай Бог побольше таких»⁹.

Все последующие публикации так или иначе исходят из этих сообщений, дополняя их некоторыми новыми сведениями, какими-то рассуждениями и соображениями, а иногда и домыслами. Наиболее известным является очерк «История одного портрета» из книги «Судьба сокровищ» Алексея Дементьевича Фатьянова, который тридцать лет был директором Иркутского художественного музея. В очерке говорится, что после того, как в 1837 году дом Сибирякова, называемый «Белый дом», был продан в казну и стал резиденцией генерал-губернаторов Восточной Сибири, портрет попал на склад «хозяйственного хлама». И лишь в 1871 году генерал-губернатор Н. П. Синельников «при просмотре складов обнаружил этот портрет и приказал его реставрировать». В процессе реставрации ссыльный польский художник Станислав Вронский убрал изображение амура и надпись, а вдали изобразил Иркутск. Далее автор пишет, что во время гражданской войны в ходе боев за Белый дом портрет сильно пострадал. «Про-

битое пулями и штыками полотно» в 1920 году поступило в Иркутский художественный музей. И только в 1948 году портрет был отправлен в Москву на реставрацию, которая продолжалась по 1952 год, причем по просьбе работников Иркутского музея вид города на полотне был сохранен¹⁰.

Эпизод с обнаружением портрета следует дополнить. Скорее всего, Синельников не просто осматривал хозяйственный склад (вряд ли это входило в обязанности генерал-губернатора) — он искал портрет, поскольку знал о его существовании. До своего назначения в Восточную Сибирь Николай Петрович в 1855–1857 годах был губернатором Московской губернии, сменив на этом посту Ивана Васильевича Капниста (сына Василия Васильевича, друга и свояка Державина и Николая Александровича Львова: все трое были женаты на сестрах Дьяковых). Н. А. Львов-младший, которому в это время принадлежал портрет Державина, жил в Москве, куда еще в начале 1830-х годов переехал из Петербурга его отец, купив у князей Вяземских дом на Спасо-Песковской площади¹¹. Иван Васильевич Капнист, несомненно, дружил с семейством Львовых и при общении с Синельниковым ввел его в их дом. Здесь Николай Петрович и увидел портрет Державина. О том, что в Иркутске находится второй его портрет, Синельникову мог рассказать Николай Александрович-младший; прочитать об этом преображенном портрете он мог и в книге А. И. Мартоса. Поэтому, став генерал-губернатором Восточной Сибири и поселившись в Иркутске в резиденции, которая раньше была домом М. В. Сибирякова и где тогда висел этот портрет, Николай Петрович стал его искать. А когда нашел и увидел изображение летящего гения с трубой, которого, как он знал, первоначально не было на портрете, он велел его убрать. Вот это его повеление неоспоримо свидетельствует о том, что Синельников в любом случае видел портрет, который принадлежал Державину¹².

Об иркутских купцах Сибиряковых, богатейших и влиятельных, Державину было известно и раньше, до получения подарка от Михаила Васильевича. Еще в 1792 году, когда Державин, кабинет-секретарь Екатерины II, был «у принятия прошений», через его руки было подано прошение на высочайшее имя от Михаила

Афанасьевича Сибирякова, дяди Михаила Васильевича (возможно, прошение было им передано Державину лично). Поэтому Гаврила Романович знал, как после открытия в Нерчинском округе рудников, после добычи и выплавки серебра «на немалотысячную сумму» Михаил Афанасьевич был доведен до разорения¹³.

В отношении Михаила Васильевича нередко пишут, что он был знаком с Державиным. Это весьма вероятно. У Сибирякова и Державина был общий знакомый — Михаил Сергеевич Голиков, которому Гаврила Романович в 1780 году посвятил стихотворение «К первому соседу»¹⁴. В Иркутске М. С. Голиков был одним из организаторов — вместе с Григорием Ивановичем Шелиховым и своим дядей Иваном Илларионовичем (Ларионовичем) Голиковым — Северо-Восточной Американской компании, в дальнейшем ставшей Российско-Американской компанией; в ее делах участвовали и М. В. Сибиряков, и Г. Р. Державин.

Михаил Васильевич был крупным предпринимателем в различных областях и крупным общественным деятелем, первым городским головой Иркутска, почетным гражданином города¹⁵. В 1800 году он подал прошение на отвод участка на берегу Ангары для строительства трехэтажного каменного дома и, приехав по делам в Петербург, искал архитектора для проекта своего будущего особняка¹⁶. «И будто бы он договорился с Дж. Кваренги через посредство Н. А. Львова»¹⁷, который был хорошо знаком с Кваренги и «много работал бок о бок с ним»¹⁸. А Николай Александрович Львов, архитектор, поэт, музыкант, был другом Державина, создателем поэтического львовско-державинского кружка. И если М. В. Сибиряков был знаком с Н. А. Львовым, то, вполне возможно, он был знаком и с Державиным, будучи его страстным поклонником.

Следует сказать несколько слов об особняке Сибирякова, где «проживал» вместе с хозяевами портрет Державина. Первое здание, построенное не позднее 1805 года, к 1813 сильно разрушилось (в Иркутске за это время было пять землетрясений) и обгорело. Восстанавливать его с указанием «соблюсти всю прежнюю фасадную пропорцию» пришлось уже Ксенофону Михайловичу, сыну Михаила Васильевича. Новый «сибиряковский дворец» своей роскошью затмил все городские дома. Внутри он был столь великоле-

пен, что, как писал в 1824 году А. И. Мартос, «заставляет забытья, что вы находитесь не в доме принца, а купца сибирского»¹⁹.

А сам Михаил Васильевич и его сподвижник Николай Прокопьевич Мыльников с 1809 года находились в ссылке по повелению Александра I за борьбу с иркутским губернатором Н. И. Трескиным и генерал-губернатором Сибири И. Б. Пестелем²⁰. Ксенофонт Михайлович «без мала три года» хлопотал об их помиловании: подавал прошения императору, обращался к различным высоким чинам²¹. Обращался он и к Державину, хотя тот уже с 1803 года находился в отставке. Гаврила Романович неоднократно писал М. М. Сперанскому, состоявшему тогда государственным секретарем и товарищем министра юстиции, просил его ходатайствовать о возвращении Сибирякова и Мыльникова из ссылки: «Я их никак не оправдываю, но вижу только на их стороне закон, и что они **без суда** наказаны»²². Но все хлопоты оказались напрасными. В последнем письме Сперанскому Державин писал: «Закрываю тем, что страсти человеческие, защищаемые людьми сильными, и при всем строгом исследовании и суде с трудом прямое лицо свое показывают. Время только одно иногда обнаруживает и освещает их».

Есть еще один вопрос, связанный с подарком Сибирякова Державину. Был ли конкретный повод для этого подарка? Да, стихи Державина любили в далекой Сибири: «И в Иркутске кто не знал, кто не имел стихов Державина! Всякий грамотей, часто не знавший правописания, поставлял непременно долгим списать несколько од великого поэта»²³. Да, Сибиряков был его страстным поклонником. И все-таки конкретный повод для такого подарка, скорее всего, был, должен был быть.

Этот повод видят в том, что в связи с кончиной Григория Ивановича Шелихова, «русского Колумба», Державин написал стихи, которые выбиты на надгробии Шелихова в Иркутске. Пишут об этом так: Шелихов «был поклонником Державина. Последний также ценил Шелихова. Когда Шелихов умер, Державин и Дмитриев написали оды, которые выбиты на памятнике на могиле Шелихова.<...> [Сибиряков] в благодарность за оду послал Державину очень дорогие и великолепные шубу и шапку и написал ему вос-

торженное письмо»²⁴. Утверждают даже, что стихи эти были написаны Державиным по просьбе жены Шелихова и его зятя, Николая Петровича Резанова, который в 1791–1793 годах состоял правителем канцелярии Державина, бывшего тогда кабинет-секретарем Екатерины II. И Резанов будто бы «упросил» Гаврилу Романовича и Ивана Ивановича Дмитриева «воспеть покойного тестя в стихах и прозе. <...> Не исключено личное знакомство Г. Р. Державина с Г. И. Шелиховым во время его поездок в Санкт-Петербург. Он бывал в доме своего компаньона капитана Михаила Сергеевича Голикова, жившего рядом с Державиным»²⁵.

Эти утверждения не имеют, к сожалению, документальных подтверждений. Однако само стихотворение Державина убеждает в том, что оно предназначалось для надгробного монумента и, следовательно, написано по заказу. Оно было создано Державиным в конце 1795 или в начале 1796 года и опубликовано в альманахе «Муза» под заглавием «Надгробие Рыльскому имянитому гражданину Шелехову»:

Колумб здесь Росский погребен:
Преплыл моря, открыл страны безвестны,
Но зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во Океан небесный,
Искать сокровищ горних, неземных.
Сокровище благих!
Его Ты душу успокой²⁶.

В пользу предположения о том, что стихотворение написано по заказу для надгробного памятника Шелихову, говорят «слово „здесь“ — „Колумб здесь российский погребен...“»²⁷ и последние строки эпитафии. Есть и еще одно подтверждение этого предположения. На восточной стороне надгробия помещен большой прозаический текст, торжественным слогом повествующий о личности и деяниях Шелихова, «составленный поэтом Г. Р. Державиным»²⁸. Такой текст мог быть написан только по заказу. Следовательно, заказ Державину связан с намерением соорудить монумент на могиле Шелихова, и сделан заказ был уже в год его смерти, в 1795 году.

Казалось бы, получается большой разрыв во времени между написанием эпитафии Державиным и подарком Сибирякова.

Дело, однако, в том, что огромный мраморный надгробный мавзолей с барельефом и мраморными накладными деталями, с выбитыми на нем стихами и текстами очень долго изготавливался на Урале и потом доставлялся до Знаменского монастыря в Иркутске, где у алтаря церкви был погребен Шелихов. Более того, установка на территории монастыря монумента, который был выше алтаря, потребовала специального разрешения. В длительном процессе получения этого разрешения Н. П. Резанов писал генерал-прокурору П. Х. Обольянинову: «...вижу я, что зависть Иркутских купцов и недоброхотство к нам в дружбе с ними пребывающего епископа Вениамина, представили сей родственный подвиг совсем в другом правительству виде...»²⁹. В результате только осенью 1800 года монумент был установлен.

М. В. Сибиряков, безусловно, знал историю создания и установки мавзолея, знал и о завистливом отношении части иркутских купцов к Шелихову. Поэтому представляется, что своим дорогим подарком³⁰ Державину он хотел и выразить благодарность поэту за эпитафию, и объявить свое дружеское отношение к Шелихову.

Обратимся теперь непосредственно к портретам Державина. Глядя на них, не сразу привыкаешь к мысли, что это портреты одного человека. И еще труднее признать, что это портреты того Державина, каким он предстает в своих «Записках» и стихах, в оценках, отзывах, воспоминаниях, книгах о нем.

Вот жизненный путь Державина, сжато, как итог, подведенный в одной из четырех книг о нем в серии «Жизнь замечательных людей»: «Какое совмещение контрастов в одном человеке! В молодости — бедняк, солдат, картежник, гвардейский офицер, сам вызвавшийся участвовать в подавлении восстания Пугачева; в зрелые годы — крупный чиновник, перессорившийся чуть ли не со всеми царедворцами, вельможа и гроза вельмож, статс-секретарь Екатерины II, раздражавший ее своей неумытой правдой, сенатор, генерал-прокурор и министр юстиции, вызвавший откровенное недовольство у Александра I»³¹.

А вот образ, который, как пишет другой автор, рождает его поэзия: «Из тяжелой золотой рамы кованых державинских строк пе-

ред нами с необычайной и яркой жизненностью выступает уже известный нам облик — один из замечательных русских характеров, человек исключительно горячей крови, живущий всей полнотой бытия, кипуче-деятельный, пылкий, порывистый, увлекающийся, честный, прямой, умеющий страстно любить и столь же страстно презирать и ненавидеть, владеющий даром беспощадно бьющего слова, острой насмешки, зачастую переходящей в тонкую автоиронию»³².

К этому необходимо добавить другие качества, которые отмечают авторы различных публикаций: «редкостно индивидуальный талант»; «благородная смелость»; «резкость в выражениях»; «плохой судья и чужих и своих стихов»; «эмоциональная безудержность»; «ясный сатирический ум»; «педантичное уважение к закону и долгу»; «справедливость, любовь к добру и человечеству»; «энергично и смело боролся за власть, за влияние»; «чрезвычайно напыщен»; «негибок и неуступчив»; «слабый характером, плохо воспитанный»; «малообразован»; «очень добр и очень самолюбив»; «бравировал лихим правдолюбием»; «отвергал возможное ради должного»; «излишняя доверчивость и необыкновенное добродушие»; упрямство, гордость, нетерпение, простодушие, вспыльчивость, лукавство, честолюбие — добавлять можно еще и еще.

Однако образ, который выступает из рам его живописных прижизненных портретов, далек от таких характеристик. На большинстве из них Державин, как уже говорилось, предстает как государственный деятель, что, вероятно, отвечало его самосознанию: «...на закате дней... ему по-прежнему казалось, что государственное поприще было главным делом его, его предназначением»³³. (Вспомним, как он представил себя в «Записках».) Но на портретах, исполненных на нейтральных фонах, об этом нам говорят лишь мундир и ордена; на лице же спокойное, чаще всего мягкое выражение, иногда улыбка; может мелькнуть лукавство (портрет Н. И. Аргунова), задумчивость и легкая грусть (портрет неизвестного художника), некоторая настороженность (миниатюра В. Л. Боровиковского конца 1794 г.).

Выделяется среди этих портретов работа Владимира Лукича Боровиковского 1795 года: Державин в мундире, с орденом, сидит

в кабинете у стола, заваленного бумагами, назидательно указывая на них пальцем; за его спиной занавес для фона и полки с книгами и рулонами; слева, в проеме — корабль на море; портретируемый сидит в представительной, напряженной позе, с непроницаемым лицом.

Такое композиционно сложное, нагруженное изображение, полное указаний на разнообразие и важность деятельности модели, отличает этот портрет не только от других «мундирных» портретов Державина, но и от подавляющего большинства портретов Боровиковского и вообще портретов XVIII века. В это время модель обычно изображалась на свободном, а у Боровиковского — на условно-пейзажном фоне. (Речь, разумеется, не идет о парадных портретах.) Появление такого необычного портрета Державина должно было иметь какую-то причину, какой-то толчок и, возможно, образец.

Причиной, предположительно, стало желание Державина сопровождать издание своих произведений — по примеру изданий сочинений Ломоносова — портретом автора. Еще в начале творческого пути Гаврила Романович «принял в образец Ломоносова»³⁴; и в дальнейшем, избрав собственный путь, Державин имел сочинения Михаила Васильевича в поле своего внимания. В каждом издании произведений Ломоносова на фронтисписе был помещен его гравированный портрет. Издание 1778 года вызвало восторженное четверостишие Державина «К портрету Михайла Васильевича Ломоносова». А портрет во «втором тиснении» Полного собрания сочинений Ломоносова, изданном в 1794 году, и стал, вполне вероятно, толчком к созданию и в известной степени образцом для портрета Державина 1795 года.

В этом издании сочинений Ломоносова на фронтисписе воспроизведена гравюра, которая представляет собой исправленную Х. Вортманом по замечаниям Михаила Васильевича гравюру Э. Фессара, заказанную ему в Париж И. И. Шуваловым для первого издания «сочинений в стихах и прозе Михайла Ломоносова» 1757 года. Наиболее заметным различием первоначальной и исправленной гравюр стал вид в проеме слева от фигуры: у Фессара изображено море с кораблями вдали и сверкающие молнии в небе (как знак того, что Ломоносов занимался изучением явлений ат-

мосферного электричества); у Вортмана этот вид заменен изображением Усть-Рудицкой фабрики цветного стекла (заложена Ломоносовым в 1753 году)³⁵.

Но главную роль в качестве образца для портрета Державина 1795 года сыграл живописный портрет Ломоносова, исполненный с натуры австрийским художником Г. К. Преннером, который в 1750–1755 годах работал в Петербурге по приглашению М. И. Воронцова. Живописный портрет и гравюры в основном почти совпадают; у Преннера изображен другой стол, сосуды в шкафу заменены книгами, есть и еще некоторые отличия; в проеме дан тот же пейзаж, что на гравюре Вортмана³⁶.

Портрет работы Преннера в конце XVIII века принадлежал А. А. Константинову, ученику Ломоносова и мужу его дочери, личному библиотекарю Екатерины II. С этого портрета по заказу Д. И. Фонвизина была сделана в 1780-х годах полная точная копия. Державин и/или Боровиковский наверняка видели работу Преннера (оригинал или копию) и взяли ее за образец.

Портрет Державина, исполненный Боровиковским, в целом повторяет композицию Преннера: портретируемый сидит за столом, на котором разложены бумаги, стоит чернильница с пером; за спиной занавес и книги на полках, слева от фигуры — проем. Но пейзаж в проеме у Преннера не подходил для портрета Державина. Поэтому у Боровиковского появился корабль с гравюры Фессара, который как бы подплыл к самому проему, неся на борту флаг Российской империи; это изображение знаменовало собой назначение Державина в 1794 году президентом Коммерц-коллегии. Лежащий среди бумаг на столе лист с надписью «Ода Бог» также свидетельствует о связи портрета работы Боровиковского с гравюрами, где на столе изображен лист с названием «Ода Ея Имп. Велич-ву».

Этот портрет предназначался, судя по всему, для перевода в гравюру, которая должна была сопровождать издания сочинений Державина. Убедительным подтверждением такого предназначения являются размер портрета и материал, на котором он исполнен. Изображение, которое несет явные черты парадности, требовало большого размера. Однако портрет по размеру совсем

небольшой (28,7 × 23,5), он близок и даже нередко уступает гравюрам³⁷; исполнен же он на картоне.

Стремление Державина иметь портрет для воспроизведения в изданиях своих сочинений, несомненно, подталкивалось еще одним обстоятельством. В 1793 году в Лейпциге вышло издание его стихотворений³⁸ с портретом — гравюрой Х. Г. Гейзера, исполненной по оригиналу Боровиковского (оригинал утрачен). Державин в это время стремился к изданию своих сочинений в России: в 1795 году он подготовил и преподнес Екатерине II рукописный том своих стихотворений с иллюстрациями в надежде на его печатание (подробно об этом ниже). Однако на родине лишь в 1831 году вышло издание с портретом, гравированным Н. И. Уткиным по оригиналу Боровиковского 1811 года; собрания сочинений 1843, 1845 и 1864 (I том академического издания) годов имеют портреты по оригиналу С. Тончи.

Создавая портрет Державина в 1811 году, Боровиковский вернулся к обычной композиции: нейтральный фон, поясное изображение в мундире и при орденах. В этом портрете, даже более чем в других, поражает несовместимость торжественного облачения и мягкого, доброжелательного, с легкой улыбкой, выражения лица³⁹. Правда, к этому времени Гаврила Романович уже давно находился в отставке. А как раз в 1811 году в особняке Державина состоялось открытие литературного общества «Беседа любителей русского слова», на заседания которого все участники приходили в парадных мундирах. Считают, что именно с открытием общества и могло быть связано создание этого портрета⁴⁰. Такому его назначению как раз соответствует весь облик поэта: он предстает здесь как радушный хозяин, в парадном облачении встречающий гостей. Авторское повторение этого портрета после смерти Державина было исполнено для Российской Академии, одним из первых членов которой он был.

Увидеть во всех этих «мундирных» портретах поэта, мягко говоря, трудно. Особенно трудно это сделать в наше время, когда поэт и государственный деятель, тем более, крупного масштаба, не совмещаются в одном человеке. А в XVIII — начале XIX века это бывало часто. Так, если брать только круг Державина, то высо-

кие посты занимали поэты Иван Иванович Дмитриев, Александр Семенович Хвостов, Иван Иванович Хемницер, историк, археолог Алексей Николаевич Оленин, драматург Денис Иванович Фонвизин.

При этом надо сказать, что у Боровиковского есть немало портретов, представляющих глубокие, многосложные образы. Вот, например, портрет Дмитрия Прокофьевича Трощинского (между 1796 и 1799), жизненный путь которого во многом сходен с судьбой Державина. Поднявшись из низов, он также достиг высот на государственной службе: сменил Державина на посту статс-секретаря Екатерины II, в дальнейшем был министром двора и уделов, сменил И. И. Дмитриева на посту министра юстиции; генерал-прокурор, сенатор, действительный тайный советник. И с портрета на нас смотрит человек, непреклонный в своих убеждениях, сильный, властный, независимый. Можно еще назвать исполненные Боровиковским портреты таких государственных деятелей, как А. В. Поликарпов (1796), А. И. Васильев (1800), П. Н. Дубовицкий (1804), Г. С. Волконский (1806), Л. К. Разумовский (1810–1811), Р. А. Кошелев (1819).

Но есть среди портретов Державина такой, который являет нам именно поэта — и только поэта. Иван Смирновский изобразил Гаврилу Романовича в голубом халате, опушенном мехом (его любимая одежда), с белым платком на шее и кружевным жабо⁴¹. Голова слегка откинута, на лице мечтательное и даже несколько задорное выражение. Да, это поэт, но какой? Поэзия Державина, как пишут исследователи, — это сложный сплав торжественных, хвалебных од и философской лирики, нравоучения и сатиры, страстного жизнелюбия во всех его проявлениях и сарказма; в ней отмечают неровность, своеволие, гиперболизм и грубость, разнонаправленность устремлений. Такого многогранного поэта мы на этом портрете, конечно, не видим. Но, во всяком случае, одна грань его творчества выражена здесь вполне убедительно и привлекательно: перед нами создатель анакреонтических песен⁴² и, шире, поэт, на протяжении всего творческого пути воспевавший радости жизни и любви, способный «к выражению самых нежнейших чувствований».

Последний портрет Державина был исполнен А. А. Васильевским весной 1815 года. Александра Алексеевича Васильевского, совсем еще молодого художника, который лишь год спустя закончил Академию художеств, рекомендовал Державину его друг Алексей Николаевич Оленин, который в это время был почетным членом Академии художеств и директором Императорской Публичной библиотеки. После смерти Державина Оленин заказал Васильевскому авторскую копию для библиотеки. Именно с этого портрета начал Оленин создавать в Публичной библиотеке портретную галерею русских писателей⁴³.

Если о портрете Боровиковского 1811 года, довольно близкого по времени создания, пишут, что «по консервативности самого стиля произведения портрет целиком принадлежит прошлому веку»⁴⁴, то портрет Васильевского по реалистической тенденции и, в известной степени, психологизму — это уже в полном смысле произведения XIX века, близкое портретам Тропинина, даже чуть ли не Крамского.

Портрет был написан примерно за год до смерти Державина. Как и на полотне Смирновского, Гаврила Романович представлен в халате с меховым воротником, но здесь он еще и в колпаке, в фуфайке, с платком на шее. Перед нами совсем другой человек, старый, углубленный в себя, прошедший жизненный путь, сознающий свой близкий уход: «А я над бездной гроба скользкой / Уж преклоня чело стою». Но ведь Державин в любой момент мог преобразиться, как, например, писал об этом Пушкин, вспоминая известный экзамен в Лицее 1815 года⁴⁵. Можно обратиться и к воспоминаниям Сергея Тимофеевича Аксакова — и снова увидим другого, чем на портрете, человека. Аксаков часто бывал у Державина в самом начале 1816 года, и, когда он «мастерски декламировал» Гавриле Романовичу его произведения, что происходило! «Державин превратился в слух, лицо его сделалось лучезарным, руки пришли в движение»; «Он решительно был похож на человека, одержимого корчами. <...> Он не мог сидеть, часто вскакивал, руки его делали беспреостаннные жесты, голова, все тело было в движении»⁴⁶. Как было художникам изображать такого человека?!

А теперь посмотрим на портреты Державина, исполненные С. Тончи. До сих пор речь шла о двух больших портретах, принадлежащих Третьяковской галерее и Иркутскому музею; эти портреты хорошо известны и часто воспроизводятся. Но их предвещает еще одна работа Тончи, о которой пока не упоминалось. Она определяется как этюд для портрета, хранится с 1967 года в Государственном литературном музее и мало известна. На полотне сравнительно небольшого размера Гаврила Романович изображен поколенно, сидящим, в шубе и шапке, на нейтральном фоне. Большие портреты, а точнее их назвать портреты-картины, создавались на основе этого этюда с натуры, который и сам смотрится как законченное произведение.

Создание этюда было, безусловно, необходимо Тончи для исполнения портретов с фигурой в полный рост, с добавлением пейзажа⁴⁷. Но необходимость и, возможно, спешная, в создании этюда была обусловлена еще и тем, что в конце ноября 1801 года государь вручил Державину «множество изветов» о беспорядках в Калужской губернии и повелел, «чтоб ехал в Калугу и открыл злоупотребления сии». Изучив эти бумаги, Державин в начале января 1802 года отбыл в Калугу, откуда вернулся лишь в апреле⁴⁸. А ода «Тончию» была, как мы помним, написана в ноябре 1801 года. Следовательно, создать этюд с натуры Тончи мог в 1801 году, но исполнять два больших портрета-картины ему пришлось, вероятно, уже позднее.

Портрет Державина, находящийся в Иркутском музее, в результате своей причудливой судьбы обрел облик, значительно отличающий его от полотна из собрания Третьяковской галереи. Можно сказать, что как портреты оба изображения идентичны, поскольку сама фигура Державина в иркутском варианте осталась неизменной (насколько об этом можно судить по репродукциям). Однако как картины они весьма различны, так как все, что окружает фигуру, в иркутском варианте имеет иной вид. Обычно в подписях к этому портрету после фамилии художника и названия добавляются, что вид Иркутска написан ссыльным польским художником С. Вронским в начале 1870-х годов⁴⁹. Что осталось на холсте, кроме фигуры Державина, после того, как Врон-

ский по указанию генерал-губернатора Н. П. Синельникова убрал ангела с трубой, неизвестно. Получается, что не осталось почти ничего, поскольку изображенные Вронским скала, камни, засохшие кусты и река сильно отличаются от того, что мы видим на картине из Третьяковской галереи⁵⁰. Более того, по распоряжению генерал-губернатора художник написал на заднем плане зимний Иркутск на фоне горы Хамар-Дабан — вид, который открывался из окна Белого дома⁵¹. В результате этот вариант портрета Державина стал как бы более интересен, поэтому в качестве работы Тончи чаще воспроизводят именно иркутский вариант. Однако надо признать, что заполненный горами второй план и изображение Иркутска в известной степени отвлекают внимание от главного — фигуры поэта.

На портрете Державин, несомненно, представлен как поэт. Поэт в проявлении главного в своем творчестве. «Вельможа-поэт» — так названа статья в номере казанского «Вестника образования и воспитания», посвященного столетию со дня его смерти. «Державин был *вельможа*. <...> Отличительная черта вельможной души — пышность, блеск, *величие*. И эта печать вельможного величия лежит на всем державинском творчестве»⁵². Автор статьи, вероятнее всего, отталкивался от оценки Державина, данной Н. В. Гоголем: «О Державине можно сказать, что он — певец величия. <...> Сравнительно с другими поэтами, у него все глядит исполином: его поэтические образы, не имея полной окончательности пластической, как бы теряются в каком-то духовном очертании и оттого приемлют еще более величия»⁵³.

Эти слова, сказанные Гоголем о поэтическом творчестве Державина, раскрывают и его образ на портрете-картине Тончи. Весь облик поэта, его поза, окружающая природа создают зримое воплощение величия, «исполинских свойств» Державина и его поэзии. Величием проникнуты и строки программной оды Державина «Тончию», и надпись, сделанная художником на картине, где он истолковывает элементы пейзажа, окружающего поэта, как символы правосудия, пророческого духа и честности. Значение имеет и размер полотен, «исполинский» по сравнению с другими портретами Державина.

А что говорит нам лицо поэта на портретах Тончи? Лицо на этюде в сопоставлении с лицами на рассмотренных выше портретах других художников, пожалуй, самое выразительное, в нем «чувствуется обаяние живого человеческого общения, ощущается сопричастность диалогу между художником и его моделью»⁵⁴. Можно сказать, что, работая над этюдом, художник стремился в лице воплотить пожелания поэта, высказанные им в последней строфе оды «Тончию»:

Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали
Хоть в платонической любви.

Однако на портретах-картинах лицо совсем, казалось бы, немного, но изменилось. Исчезла оживленность общения, появилась некая отстраненность, строгость в сочетании с легкой, чуть заметной иронической улыбкой; общее выражение лица отражает сознание поэтом своей значительности.

Но ведь Гоголь писал и о других гранях поэзии Державина, которые не совмещаются с таким образом: «Дико, громадно все; но где только помогла ему сила вдохновения, там весь этот громозд служит на то, чтобы неестественною силою оживить предмет, так что кажется, как бы тысячью глазами глядит он»⁵⁵. Можно вспомнить и многие другие, приведенные выше, высказывания о поэзии и личности Державина, отражения которых мы не найдем ни в этом величавом образе, ни в других портретах.

Приходится признать, что, хотя современники отмечали большое сходство портретов Державина с оригиналом, ни один из портретов не дает его глубокого раскрытия ни как государственного деятеля, ни как поэта, ни как сложной, контрастной личности. Дело, видимо, не в художниках, а в самом Державине. Вероятно, он принадлежал к тем людям, которые отмечены расхождением внешних черт и внутренних качеств; у которых сложность и богатство внутреннего мира не находят отражения в их облике. Здесь сразу же вспоминается портрет М. В. Ломоносова работы

Г. К. Преннера, о котором говорилось выше. Разве можно увидеть в изображенной модели с круглым невыразительным лицом гениального многогранного ученого, поэта, человека, который всего достиг сам? Конечно, Преннер не был великим художником, а его портрет является, к сожалению, единственным известным нам живописным портретом Ломоносова, исполненным с натуры, — так что сравнивать не с чем. И все-таки в значительной, а скорее всего, в решающей степени расхождение внешности и сущности портретируемого определялось особенностями облика самого Ломоносова.

Столь же поразительный пример такого расхождения являют портреты выдающегося государственного деятеля, реформатора и законодателя Михаила Михайловича Сперанского. Сын сельского священника, он стал при Александре I вторым лицом в империи, потом был отправлен в ссылку и вновь поднялся к вершинам государственной власти. Но облик Сперанского никак не отражает его необычной судьбы, его необычной личности. На портретах работы П. А. Иванова (1806), неизвестного художника (1812), М. А. Васильева (1820), Дж. Доу (1824) и неполной копии его портрета, исполненной А. Г. Варнеком в том же году⁵⁶, В. А. Тропинина (1839) — портретах, создававшихся на протяжении более тридцати лет, — лицо Сперанского закрытое, обтекаемое, гладкое, иногда даже несколько слащавое; часто с легкой улыбкой, с оттенком иронии. Но и на таком, казалось бы, невыразительном лице все эти художники не могли, волей-неволей и в разной степени, не отразить одну черту Сперанского, искупающую эту невыразительность, — его ум⁵⁷.

В портретах Державина какой-то неизменной черты нет, но есть во многом общее выражение лица. Судьба Державина со всеми взлетами и падениями — «падал я, вставал в свой век» — определила его высокую самооценку. «Его феерическая судьба казалась удивительной и достойной восхищения ему самому»⁵⁸. Но это сознание своей значительности, своего величия — чему есть много подтверждений в стихах — редко раскрывалось в зримых образах. Разве только в работе Тончи это достигнуто благодаря тому, что создан был не портрет в строгом смысле слова, а пор-

трет-картина. Обычно перед живописцами Державин предстал как человек, удовлетворенный своей жизнью, спокойный, часто с улыбкой на лице. Как писала в своем стихотворении, обращенном к Гавриле Романовичу, его почитательница Анна Петровна Бунина: «Чело, как утро ясно, / С устами и душой согласно»⁵⁹.

Можно только удивляться, что такое чело Державин имел (или только являл?) при всех перипетиях своей феерической судьбы и — что важнее для портретов — при своем феерическом характере. Яков Карлович Грот, подготовивший девятитомное академическое издание сочинений Державина с обстоятельными примечаниями и создавший его обширное жизнеописание, во вступительной главе так писал о нем: «Мы не можем отрицать в нем излишней самоуверенности, заносчивости, всегдашней склонности к превышению власти, непомерного самолюбия и самообольщения, из которых истекла также его податливость влиянию лести и похвалы; но зато твердость, с какою он отстаивал свои мнения и правила, самое отсутствие в нем всякой уклончивости и уступчивости в сношениях даже с такими людьми, от которых зависела его судьба, многие общественные заслуги, его горячее сочувствие всякому истинному величию, всякому благородному порыву и поступку, его добродушие и просвещенное отношение к подчиненным ему лицам и подвластным людям примиряет нас с Державиным как человеком и не позволяет нам слишком резко или иронически осуждать его недостатки»⁶⁰.

И после такой характеристики — короткое описание Гротом внешнего облика Державина: «В обыкновенном настроении духа приемы у него были мягкие, во всем существе его чувствовалось добродушие, расположение к людям. <...> Крупные черты лица его никогда не были правильны и красивы; <...> но вообще это было доброе русское, приветливое лицо, с первого же взгляда внушавшее сочувствие и доверие»⁶¹. Вот это выражение лица, проявлявшееся в большей или меньшей степени во всех изображениях Державина, и составляет то главное, что дают нам его портреты при несомненных различиях запечатленного на них облика. Поэтому и после рассмотрения его портретов приходится вернуться

к высказанной ранее мысли: трудно признать в этих портретах того Державина, каким он предстает в своих стихах и «Записках», в оценках, отзывах, воспоминаниях, книгах о нем.

Но как изобразительными средствами воплотить личность, которая в своем творчестве служила «великим идеям человечества с таким жаром, какого мы не замечаем ни у кого из других поэтов»⁶²? Решить такую задачу, вероятно, невозможно, не прибегая к языку символов и аллегорий.

И тогда вспоминается, как был преобразен портрет Державина работы Тончи, посланный Сибирякову в Иркутск. А. Д. Фатьянов писал: «Чтобы еще больше выразить свою признательность Державину, невежественный в искусстве купец решил дополнить творение Тончи новыми атрибутами. Он пригласил к себе неквалифицированного местного живописца, дав ему задание изобразить над головой поэта амура с трубой, из которой шла надпись: „Дай бог побольше таких“»⁶³.

С этими определениями купца и живописца никак нельзя согласиться. Михаил Васильевич имел значительное книжное собрание, коллекции картин и гравюр, редких книг и рукописей, старинных карт, монет⁶⁴, а также великолепный гобелен, вытканый на Императорской мануфактуре по картине А. Ван Дейка⁶⁵. О духовных интересах «невежественного в искусстве» купца говорит и увлечение творчеством Державина, и понимание того, как отобразить гениальность любимого поэта на полотне. Когда Сибиряков получил от Державина портрет, он был, несомненно, рад и горд (отвел для него отдельную комнату), но и огорчен тем, что «певец Фелицы» никак не восславлен на портрете. Он знал, как прославлялась Екатерина II на многих гравюрах: над ней, обычно окруженной мифологическими фигурами, парил ангел с трубой, символизирующий славу («Апофеоз Екатерины II», «Аллегория на императрицу Екатерину II с текстом „Наказа“», «„Триумф Екатерины“». Аллегория на путешествие императрицы Екатерины II в Крым», «Аллегория на заключение Ясского мира»⁶⁶ и др.). Михаил Васильевич решил, что и над Державиным на портрете должен парить гений с трубой. (Замечательно, что именно так Державина представил Пушкин в стихотворении «К Жуковскому»,

написанном в 1816 году: «И славный старец наш, царей певец избранный, / Крылатым гением и грацией венчанный...»).

Кто осуществил этот замысел Сибирякова, теперь никто не знает. Однако в собрании Иркутского художественного музея есть несколько замечательных портретов, исполненных неизвестными художниками конца XVIII — начала XIX века⁶⁷. Местные живописцы происходили в основном из иконописных мастерских, и Михаил Васильевич пригласил, безусловно, кого-то из лучших.

Преображенный портрет вызвал восторженное восклицание А. И. Мартоса: «Гений венчает бессмертного Лирика Екатерины!». А Мартос, отец которого был создателем знаменитого памятника Минину и Пожарскому, надо полагать, разбирался в искусстве. Стереть же летящего гения Н. П. Синельников повелел, конечно, не потому, что его не удовлетворил художественный уровень добавлений на портрете, а ради возвращения портрета к первоначальному изображению. Но еще до того, как гений на портрете в Иркутске был уничтожен, он появился на рисунке в Петербурге.

В Русском музее хранится рисунок, который представляет собой эскиз портрета Г. Р. Державина. В статье, посвященной этому рисунку, говорится, что он исполнен А. Е. Егоровым; эскиз расчерчен и на полях поставлены размеры, что свидетельствует о намерении художника «писать живописный портрет знаменитого поэта»⁶⁸. На рисунке над фигурой Державина, повторяющей фигуру с портрета Тончи, изображен ангел с трубой и доска с надписью: «Дай небо...» [далее два слова неразборчиво].

Все это связывает рисунок Егорова с преобразенным портретом работы Тончи, который находился в доме Сибирякова в Иркутске. Но как возник этот рисунок в Петербурге? Когда он был исполнен? Кто заказал Егорову такой портрет Державина? Можно предложить следующее объяснение, которое представляется вполне вероятным и даже, скорее всего, единственно возможным.

Возникнуть в Петербурге такой рисунок мог только в одном случае: если кто-то, кто видел портрет Державина в Иркутске, рассказал потом о нем в Петербурге, а возможно, и сделал набросок. На полях рисунка рукой Егорова написано: *Николай Василье-*

*вич Семивский*⁶⁹. Этот человек и является главной фигурой в истории с эскизом.

Н. В. Семивский в своем сочинении «Примечания. Об Ангаре и Байкале» поместил большое стихотворение «Воззвание к Бессмертному Певцу Бога и Фелицы», которое начинается так:

Бессмертный наш Певец и Бога и Фелицы!
Я некогда был твой; с тобою говорил,
Чем зависть приобрел; и я, я не забыл,
Ты сделать мне добро хотел; но вдруг открылось
Явленье новое. — Как солнце закатилось,
Другое же возшло, тебя не взвидел я,
И с тех пор лира мне лишь слышится твоя.

В сноске к словам «был твой» Семивский пишет: «Сочинитель сих стихов в конце 1800 и в начале 1801 годов служил под начальством Г. Р. Д.» [Державина]⁷⁰. А в 1806 году коллежский советник Н. В. Семивский был назначен вице-губернатором Иркутска («... вдруг открылось явленье новое...»), куда он и прибыл 24 марта⁷¹.

До этого он, конечно, бывал в Петербурге в доме Державина, видел его портрет работы Тончи; знал он, наверное, и о существовании портрета у Сибирякова в Иркутске. Познакомившись теперь с Михаилом Васильевичем, он увидел этот преображенный портрет Державина в его доме. Вполне вероятно, что портрет вызвал у Николая Васильевича такое же восхищение, какое позднее возникло у А. И. Мартоса. Тем более, что Семивский сам был склонен к возвышенным аллегориям: еще в 1794 году была поставлена и в том же году издана его пьеса в пяти сценах «Три грации в Храме дружбы»⁷², где грации, дочери Солнца, символизировали истинную радость, несомненную надежду и чистую любовь.

Н. В. Семивский вступил в должность, когда губернатором Иркутска стал Н. И. Трескин, а генерал-губернатором Сибири И. Б. Пестель. Как писал в своих воспоминаниях поэт И. И. Дмитриев (который в 1810–1814 годах был министром юстиции), И. Б. Пестель «в короткое время своего пребывания в Сибири сделался грозою целого края, преследуя и предавая суду именитых граждан, откупщиков и гражданских чиновников. Он уничтожал самопроизвольно контракты частных людей с казною,

ссылал без суда за Байкальское озеро...»⁷³. Сам Пестель жил почти все время в Петербурге, предоставив всю полноту власти Трескину, который «позволял себе величайшие самоуправства»⁷⁴, «неистовствовал и давил всякую попытку освободиться от его жестокого самодурства и деспотизма»⁷⁵.

Борьбу против Трескина возглавляли М. В. Сибиряков⁷⁶ и его сподвижник, человек «государственного ума» Н. П. Мыльников, «два главных столпа, на которых опиралось иркутское купечество»⁷⁷. А против них в Петербурге вел борьбу Пестель, представляя их императору как злостных нарушителей порядка. В результате, как уже говорилось, они в 1809 году были отправлены в ссылку⁷⁸.

Все это происходило на глазах вице-губернатора Н. В. Семивского. Какова была его позиция в этой истории, выяснить не удалось, но вот что достоверно: в том же году, когда Сибиряков и Мыльников были высланы из Иркутска, Семивский оставил свой пост и 28 февраля «выехал из Иркутска в Россию»⁷⁹. Можно почти не сомневаться, что его уход был связан с этими событиями. Между тем, и Трескин, и Пестель, одновременно с которыми Семивский начал свою службу в Сибири, оставались на своих постах до 1819 года, пока после ревизии М. М. Сперанского Пестель не был отстранен от должности, а Трескин отдан под суд⁸⁰.

По возвращении в Петербург Семивский, несомненно, рассказал Державину и об истории с Сибиряковым, и о том, какие изменения произошли с его портретом работы Тончи. Как воспринял все это Гаврила Романович и как, у кого возникло намерение создать новый портрет Державина на основе этого рассказа Семивского, неизвестно, опубликованных свидетельств об этом нет. Скорее всего, такой портрет заказал Семивский, глубоко почитавший Державина, сочувствовавший Сибирякову и видевший этот портрет, — недаром его имя написано художником на эскизе.

Алексей Егорович исполнил эскиз, вероятно, уже в 1809 году, когда Семивский вернулся в Петербург и рассказал Державину о его портрете⁸¹. Рисунок Егорова, вобравший в себя фигуру Державина с портрета Тончи и парящего над головой поэта гения с иркутского портрета, — это уже не портрет в традиционном понима-

нии, а сочетание портрета с аллегорией. Но при этом композиция Егорова отличается от аллегорических портретов XVIII века, где венценосные властители и окружающие их символические фигуры представлены в реальной обстановке — на фоне моря, на поле боя, в парадном интерьере⁸². На эскизе Егорова вместо изображения природы, которая окружает фигуру на портрете Тончи, изображены символические атрибуты: лира — символ поэзии; овальный щит с начертанными на нем серпом и полумесяцем, элементами герба рода Державиных⁸³, — воплощение дворянского достоинства; гений с венком и трубой в руке — аллегория гениальности поэта, венчание его лавром и прославление трубным гласом. На доске за спиной Державина гений пишет строку из его стихотворения «Мой истукан»: «Дай небо больше таковых»⁸⁴. У ног Гаврилы Романовича возлежит, вероятно, лев — символ силы, величия, мудрости.

Но кроме портрета Тончи и иркутских добавлений к нему эскиз Егорова имеет еще один источник. При рассматривании иллюстраций к стихотворениям Державина в первом томе его Сочинений, изданном в 1864 году, бросается в глаза заставка к оде «Водопад»⁸⁵. Изображенная на ней фигура сидящего воина, опирающегося локтем на овальный щит, сходна с фигурой поэта на эскизе Егорова, тоже опирающегося на овальный щит. Сходны на обоих рисунках местоположение фигуры, ее поза и разворот⁸⁶, а также камень справа от фигуры; штрихи за камнем на эскизе перекликаются с изображением водопада на заставке; меч, прислоненный к щиту на заставке, заменен в эскизе на лиру, а шлем в ногах у воина — на голову льва; место дерева над головой сидящего воина занял крылатый гений. Получается, что Егоров, создавая эскиз, во многом шел от заставки к «Водопаду». Но ведь основной смысловой и композиционный центр эскиза — сидящая около камня фигура поэта — взята, как известно, с портрета работы Тончи. Значит, и Тончи в какой-то мере ориентировался на эту заставку? Но где художники могли ее видеть в 1800-е годы, когда создавали свои произведения?

Издание стихотворений Державина с иллюстрациями имеет длинную историю. Идея такого издания родилась у поэта пример-

но в 1792 году. Сначала для подношения Екатерине и с прицелом на дальнейшее печатание был составлен большой рукописный том, переплетенный в красный сафьян, с тисненым золотом названием «Сочинения Державина. Часть 1»⁸⁷. Этот том содержит 61 стихотворение и 99 рисунков⁸⁸; туда входит и «Водопад». Заставки и концовки к стихотворениям исполнены в основном Алексеем Николаевичем Олениным, который имел широкие художественные интересы: был медальером, гравером, иллюстратором, активным участником львовско-державинского поэтического кружка⁸⁹.

На заглавном листе рукописного тома рукой Державина сделана надпись: «Поднесена была сия книга автором лично в Петербурге императрице Екатерине второй 1795 г. 6 ноября, которая по прочтении Ею и оставалась у Ея величества в Кабинете по самую ее кончину, а по восшествии на престол императора Павла I отдана обратно автору». Так что примерно с 1797 года и, во всяком случае, до 11 января 1811-го, когда Державин подарил рукопись П. П. Дубровскому, она находилась в доме поэта⁹⁰. Здесь ее видели многие друзья и гости Гаврилы Романовича и, конечно, внимательно рассматривали ее и Тончи, и Егоров.

Державин и после возвращения ему рукописи продолжал готовить иллюстрации для собрания своих сочинений и привлек к этой работе еще И. А. Иванова и А. Е. Егорова⁹¹. Преподаватель Академии художеств Егоров до своего отъезда в Италию в 1803 году исполнил для Державина более ста рисунков⁹². Вернулся он в 1806 году, знакомство с Гаврилой Романовичем возобновилось, и вскоре поэт привлек Алексея Егоровича к созданию своего нового портрета.

Однако само изображение поэта в эскизе озадачивает. Фигура Державина на картине Тончи представала на фоне скалы значительной, «вельможной», а на эскизе, внутри плотной композиции, среди различных символов она выглядит довольно скромной. Кажется, что она словно бы подавлена энергичным гением, возвышающимся над ней, опираясь на скалу. Многое, вероятно, объясняется эскизным характером изображения. (Тем более, что рисунок представляет собой не завершенный эскиз, а набросок.)

Но, может быть, художник по-разному относился к этим фигурам? В рисунках Егорова часто изображены парящие ангелы, которые активны по отношению к человеку, помогают ему, охраняют, ведут («Агарь в пустыне», «Бегство в Египет», «Воскрешение Христа» и др.). Гений и на эскизе активен — он пишет требование к небу! А фигура поэта, взятая с картины другого художника, как-то не увлекла Егорова, рядом с гением она пассивна по своему состоянию, как будто бы сжалась.

И вот что странно: лицо Державина здесь совсем иное, чем на портрете Тончи. На рисунке в нем нет величия, спокойной уверенности, но есть задумчивость, раздумья (чего не было ни на одном из портретов Державина). И к тому же, это лицо гораздо более молодого человека, чем тот, который представлен на портрете Тончи. Чем были вызваны такие изменения, с чем они связаны — даже предположить невозможно, это остается загадкой. Можно только вспомнить, что Оленин на рисунке к «Водопаду» тоже изобразил более молодого воина по сравнению с тем, как он описан в объяснении, данном в конце рукописи в Оглавлении. Там говорится: «...сидит в глубокой думе российский престарелый воин...», тогда как на рисунке в рукописи (а особенно в его гравюрном переводе, в томе I Сочинений) воин совсем не выглядит престарелым. К тому же Оленин, увлеченный античностью, изобразил на заставке античного воина, а никак не российского.

Удивительно, сколько людей, произведений и различных обстоятельств привели к созданию этого эскиза! Сибиряков и его подарок Державину; портрет Демидова работы Тончи; программа портрета, написанная поэтом; Тончи, исполнивший портрет по этой программе; снова Сибиряков с его идеей изменений на портрете и неизвестный художник, воплотивший эту идею; Семивский, рассказавший в Петербурге о преображенном иркутском портрете; некто (Семивский ?), пожелавший иметь новый портрет Державина; заставка Оленина к «Водопаду»; наконец, Егоров, создавший эскиз портрета.

Конечно, в начале XIX века, когда уже активно работали Тропинин, Кипренский, живописный портрет по этому эскизу выглядел бы анахронизмом. (Такой портрет еще можно представить в гравю-

ре.) Но он отвечал духу творчества всех, связанных с этим портретом: оды Державина наполнены аллегориями; выше говорилось о символических фигурах в пьесе Семивского, в рисунках Егорова, приводилось символическое толкование Тончи своей картины, сделанное им в надписи; наконец, вспомним приведенную строчку Пушкина о венчании Державина «крылатым гением».

Однако этот портрет на холсте, размер которого предполагался столь же значительным, какой имеют работы Тончи, вероятнее всего, не был исполнен, о нем нигде нет никаких упоминаний. Приходится, пожалуй, сожалеть об этом (как и о том, что летящий ангел был убран с портрета в Иркутске) — такой портрет, во всяком случае, был бы необычен и уже этим интересен. И главное: он стал бы единственным портретом, который с помощью символов и аллегорий провозглашал гениальность Державина.

Примечания

- 1 *Державин Г. Р.* Записки. 1743–1812. Полный текст. М., 2000. С. 9.
- 2 Там же. С. 186.
- 3 Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 3. Живопись первой половины XIX века. М., 2005. С. 859.
- 4 *Державин Г. Р.* Объяснения на Сочинения... // Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. III. С. 718. В дальнейшем ссылки на это издание.
- 5 Портрет Н. Н. Демидова хранится в Русском музее (Русский музей. Живопись. Первая половина XIX века. Каталог. СПб., 2007. Т. 3. С. 156). Портрет не датирован, в каталоге значится: «Около 1800». Между тем, в Пермской художественной галерее находится фрагментированный вариант этого портрета, на лицевой стороне которого слева внизу: 1797 г. (Пермская гос. художественная галерея. Русская живопись, скульптура XVIII — начала XX века. Каталог. Пермь, 1994. С. 82).
- 6 В настоящее время портрет из дома Державина принадлежит Государственной Третьяковской галерее, из дома Сибирякова — Иркутскому областному художественному музею им. В. П. Сукачева.
- 7 *Мартос А. И.* Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 153, 154.
- 8 Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, отредактированный и изданный городским головой В. П. Сукачевым. М., 1891. С. 38, примеч.**

- 9 Иркутская хроника // Восточное обозрение. 1899. № 71. С. 2.
- 10 *Фатьянов А. Д.* Судьба сокровищ. Иркутск, 1967. С. 20–21. Автор ошибочно пишет, что подарок Державину послал купец К. М. Сибиряков (с. 19).
- 11 *Львова А. П., Бочкарева И. А.* Род Львовых. Торжок, 2004. С. 70, 120. Бобринская В. Н., дочь Н. А. Львова-младшего, вспоминала: «...над диваном висели два громадных портрета Державина Г. Р. и его жены Дарьи Алексеевны» (Там же. С. 121).
- 12 Ю. Радченко, перечислив неудавшиеся попытки Н. П. Синельникова «навести порядок в огромном крае» и улучшить положение политических ссыльных, далее пишет: «Единственное, кажется, дело, которое удалось Синельникову, **вернуть Державина**» (*Радченко Ю.* Российский итальянец Сальваторе Тончи // Панорама искусств–9. 1986. С. 245). Между тем человек неутомимый, энергичный, Синельников устроил в Иркутске воспитательный дом, благородное собрание, общественный сад, театр; оградил город от наводнения реки Ангары громадным валом. Удостоен звания почетный гражданин Иркутска. «Синельников был один из самых популярных генерал-губернаторов в Сибири. Он пользовался особой любовью простого народа.» (*Бутковский Д.* Рассказы из сибирской старины // Колосья. 1884. № 12. С. 290). В конце жизни написал воспоминания: Записки Н. П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 1–7. О Синельникове см.: Краткий очерк 50-летней службы генерал-лейтенанта сенатора Николая Петровича Синельникова. 1823–1873. Иркутск, 1873; *Суворов П. П.* Сенатор Н. П. Синельников. СПб., 1894; *Варнек В.* Губернатор Восточной Сибири // Наука в Сибири. 2009. № 29–30.
- 13 Прошение М. А. Сибирякова находится в фонде Г. Р. Державина в Пушкинском Доме: ОР ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 5. № 82. Дело заводчика Сибирякова.
- 14 Примечание Я. К. Грота: «Державин жил недалеко от Голикова на Сенной площади, когда он написал это послание» // Сочинения Державина. Т. I. С. 102–103.
- 15 О М. В. Сибирякове см.: Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Т. 4, кн. 1. Новосибирск, 1997. С. 47–48; *Гаращенко А. Н.* Трескин и Цейдлер — иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX века. Иркутск, 2014. С. 31–33, 40–41; *Гаврилова Н. И.* Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск, 2017. Гл. I.
- 16 *Токарев М.* Кто построил Белый дом? // Восточно-сибирская правда. 1987. 11 октября. С. 3.
- 17 *Бердникова Н.* Сибиряковский период в истории «Белого дома» в Иркутске // Земля Иркутская. 2002. № 1. С. 81.
- 18 *Никулина Н. И.* Николай Львов. Л., 1971. С. 6.
- 19 *Мартос А. И.* Письма о Восточной Сибири. С. 154. Владельцем восстановленного дворца стал К. М. Сибиряков. Этим объясняется ошибка А. Д. Фатьянова (см. примеч. 10), который в своем очерке связывает историю с подар-

- ком Державину и присланным в ответ портретом с К. М. Сибиряковым. (*Фатьянов А. Д.* Судба сокровищ. Иркутск, 1967. С. 19). После смерти Ксенофонта Михайловича в 1825 г. дела семейства постепенно ухудшались, и в 1837 г., как уже говорилось, дом был продан в казну. В настоящее время «Белый дом» является памятником архитектуры федерального значения; в нем располагается библиотека Иркутского университета.
- 20 Пестель Иван Борисович, сенатор, действительный тайный советник; отец декабриста Павла Ивановича Пестеля.
- 21 Подробнее см.: *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год: в 2 т. Т. 1. СПб., 1872. С. 6–20. Приложения к первой главе № 1–6. С. 546–553; Из бумаг о Сибирякове и Мыльникове // Сб. газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 461–484; *Калашников И.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 293; РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. Оп. 2. Год 1811. Д. 69.
- 22 ОР РНБ. Ф. 731. Сперанский М. М. Ед. хр. 2063. Л. 1 об. Другие письма Г. Р. Державина и М. М. Сперанского см.: Сочинения Державина. Т. VI. С. 207–208; ОР ИРЛИ. Ф. 96 Г. Р. Державин. Оп. 2. № 10; *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Т. 1. Приложения к первой главе. № 6. С. 553.
- 23 *Калашников И.* Записки иркутского жителя. С. 330.
- 24 *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 135–136.
- 25 О памятнике Г. И. Шелихову в городе Иркутске // URL: www.shelmuз.irkutsk.ru/lektoriy/shel-pam.htm
- 26 Впервые опубликовано без подписи в журнале «Муза» (1796. Февраль. Ч. 1. С. 100). На самом памятнике текст несколько изменен в отношении прописных и строчных букв и знаков препинания; последняя строка выглядит на памятнике так: «его ТЫ БОЖЕ душу упокой» и подпись: *Гаврила Державин*. В изданиях сочинений Г. Р. Державина стихотворение публикуется без трех последних строк, под названием «Надгробие Шелихову».
- 27 *Радченко Ю.* «Колумбу Росскому...» // Панорама искусств–78. М., 1979. С. 341.
- 28 Иркутские повествования. 1661–1917 годы / авт.-сост. А. К. Чернигов. Иркутск, 2003. Т. 2.
- 29 *Гаращенко А. Н., Сатищев М.* Памятник Г. И. Шелихову: новые материалы // Иркутску 350 лет — история и современность. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. «Сибиряковские чтения» 12–13 октября 2011 г. Иркутск, 2011.
- 30 Ценность подарка М. В. Сибирякова можно понять при сравнении его стоимости — 4000 руб. со стоимостью надгробного монумента Г. И. Шелихову — 11 760 руб., указанной в Иркутских повествованиях (см. примеч. 28).
- 31 *Михайлов О. Н.* Державин. М., 1977. С. 322.

- 32 *Благой Д.* Державин. М., 1944. С. 53–54.
- 33 *Подольская И. И.* Державин // Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 7.
- 34 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Там же. С. 494.
- 35 Воспроизведение гравюр Э. Фессара и Х. Вортмана см.: *Вейнберг А. Л.* Материалы к портрету М. В. Ломоносова в собрании Гос. исторического музея. М., 1957 (и др. изд.). О. А. Александровская считает, что на гравюре Вортмана в проеме изображена солеварня (*Александровская О. А.* Прижизненные портреты М. В. Ломоносова // *Природа*. 2011. № 11. С. 74–75).
- 36 Противоречивая история создания портрета Г. К. Преннера и его взаимосвязей с названными гравюрами отражена во многих работах: *Бабкин Д. С.* Образ Ломоносова в портретах XVIII века // *Ломоносов*. Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1940. Т. I; *Анциферов Н. П.* Три портрета В. М. Ломоносова // *Ломоносов*. Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1946. Т. II; *Вейнберг А. Л.* Материалы к портрету М. В. Ломоносова в собрании Гос. исторического музея; *Глинка М. Е.* М. В. Ломоносов (опыт иконографии). М.; Л., 1961; *Варнек В. А.* Этуд о портретах Ломоносова // *Наука в Сибири*. 2011. № 46; *Александровская О. А.* Прижизненные портреты М. В. Ломоносова; *Николаев С. И.* Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26; *Морозова С. В.* Портрет в русской гравюре XVIII века. Из собр. Гос. исторического музея. Аннотир. альбом-каталог. М., 2010. С. 106.
- 37 Портрет Г. Р. Державина работы В. Л. Боровиковского 1795 г. имеет размер 28,7 × 23,5 см. (Гос. Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 2: Живопись XVIII века. М., 1998. С. 61). Для сравнения: размер гравированного портрета П. И. Шувалова, исполненного Х.-А. Вортманом по оригиналу Г. К. Преннера, 58,8 × 41,1 см. (М. В. Ломоносов и елизаветинское время. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб., 2011. С. 122, № 85. См. также: № 8, 84 и др.)
- 38 *Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschavin*. Leipzig. 1793. См. также.: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 661–662.
- 39 Насколько по-разному можно воспринимать одно и то же изображение (и вообще любое явление, событие), говорит такое высказывание об этом портрете Державина: «Строгий, не согнувшийся титулованный старик с сарказмом и скорбью глядит с полотна Боровиковского 1811 года» (*Замостьянов А.* Гаврила Державин: падал я, вставал в свой век. М., 2013. С. 394).
- 40 *Некрасов С. М.* Портрет Г. Р. Державина. Почему 1811 год? // «Беседа любителей русского слова»: 200 лет. СПб., 2013. С. 4.
- 41 Об этом портрете, находящемся в экспозиции Эрмитажа, см.: *Котельникова И.* Портрет Г. Р. Державина работы И. Смирновского // *Сообщения Гос. Эрмитажа*. Л., 1976. Вып. 41. С. 22–25. Е. Д. Евсеева выражает сомнение в том, что на портрете изображен Державин. (*Евсеева Е. Д.* Модели и заказчики портретов Ивана Смирновского: к истории частного заказа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Научно-теоретический и при-

- кладной журнал. Тамбов. 2012. № 9 (23). Ч. II. С. 64–67.
- 42 «Предание рисует Анакреона беззаботным старцем в кругу юных граций. Анакреонтическая личина как нельзя лучше подошла стареющему Державину». (*Ходасевич В. Ф.* Державин. М., 1988. С. 178.) Стремление объединить свои анакреонтические стихотворения в единый сборник появилось у Державина еще в 1796–1797 гг., но издан он был лишь несколько лет спустя. (*Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. СПб., 1804).
- 43 *Градова Б. А.* Реликвии Г. Р. Державина в Императорской Публичной библиотеке // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2011. Вып. 7. С. 120. Портрет работы А. А. Васильевского копировался чаще, чем другие прижизненные изображения Державина. Перечень повторений этого портрета, а также историю бытования оригинала см.: *Морозова Е. В.* Один из «казанских» портретов Г. Р. Державина // Державин и культура Казанского края. Материалы Всерос. науч. конф., посв. 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Казань, 2005. С. 168–172.
- 44 *Алексеева Т. В.* Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. С. 289.
- 45 *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 12. С. 158.
- 46 *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 324.
- 47 Во Владимиро-Суздальском музее хранится подготовительный рисунок Тончи для фона к портрету Державина: скала и каменные глыбы с редкой растительностью на берегу реки (Рисунки Сальватора Тончи из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир, 2005. С. 77).
- 48 *Державин Г. Р.* Записки. 1743–1812. С. 227–228, 231.
- 49 Иркутский областной художественный музей. Каталог. Л., 1961. С. 59; Иркутский художественный музей. Иркутск, 2005. С. 58.
- 50 Когда Вронский реставрировал портрет Державина, в Петербурге уже был издан в 1864 г. первый том Сочинений Державина, где на фронтисписе помещена гравюра Ф. И. Иордана, точно воспроизводящая основную часть портрета Тончи. Однако Вронский, судя по его реставрации, не видел этой гравюры.
- 51 *Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры. Иркутск, 1995. С. 129.
- 52 *Георгиевский А.* Вельможа-поэт // Вестник образования и воспитания. Казань, 1916. Май–июнь. С. 347.
- 53 *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 8. С. 373–374. «Певцом величия назвал его Гоголь, и это слово чрезвычайно метко» (*Грот Я. К.* Жизнь Державина // Сочинения Державина. Т. VIII. С. 1031).
- 54 Государственный литературный музей. М., 2004. С. 8.
- 55 *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность С. 373.

- 56 *Турчин В. С.* Александр Григорьевич Варнек. 1782–1843. М., 1985. С. 136.
- 57 «Сперанский навсегда остался в русском общественном сознании тем, кем был признан еще при жизни — самым выдающимся государственным умом в истории России» (*Томсинов В. А.* Сперанский. М., 2006. С. 21).
- 58 *Подольская И. И.* Державин // Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 5.
- 59 *Бунина А. П.* Сумерки. Гавриилу Романовичу Державину, в его деревню Званку // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 452.
- 60 *Грот Я. К.* Жизнь Державина // Сочинения Державина. Т. VIII. С. 13.
- 61 Там же. С. 14–16. Я. К. Грот, говоря в IX т. Сочинений Державина об изображениях поэта, называет следующие известные ему «подлинные портреты масляными красками» три работы В. Л. Боровиковского, портреты С. Тончи и А. А. Васильевского (С. 559–561).
- 62 Там же. Т. VIII. С. 1042–1043.
- 63 *Фатьянов А. Д.* Судьба сокровищ. С. 20. То, что автор ошибочно называет владельцем портрета К. М. Сибирякова (см. примеч. 10), не меняет дело.
- 64 *Гаврилова Н. И.* Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. С. 32; *Безруков А.* Иркутские купцы Сибиряковы: устойчивость и прогресс // Земля Иркутская. 2006. № 3. С. 79.
- 65 Гобелен вместе с другими дарами предназначался в подарок китайскому императору, однако посольство графа Ю. А. Головкина не допустили в Пекин, и все подарки были распроданы в Иркутске. А. И. Мартос писал об этом гобелене: «По моему мнению, сия редкость есть лучшее богатство Иркутска». (*Мартос А. И.* Письма о Восточной Сибири. С. 154).
- 66 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. II. Стб. 818, 866, 870, 872; «Великая Екатерина». Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб., 2010. Кат. 36, 43. С. 47, 54–55.
- 67 Сибирский портрет XVIII — начала XIX века. СПб., [1994]. С. 10–11, 26. Ил. № 5, 7–10.
- 68 *Петрова Е. Н.* Об эскизе А. Е. Егорова для портрета Г. Р. Державина из музея в Иркутске // Русская графика XVIII — первой половины XIX века. Новые материалы. Л., 1984. С. 72 (Рассмотрение несогласий с этой статьей не входит в задачу данной работы).
- 69 Там же. С. 78.
- 70 [*Семивский Н. В.*] Примечания. Об Ангаре и Байкале // Русский вестник. 1812. Ч. XIX. № 9. С. 82.
- 71 *Кротов В. А.* Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., подг. текста, коммент. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 2013. С. 119.
- 72 *Семивский Н. В.* Три грации в Храме дружбы. Детский пролог. [М., 1794].
- 73 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 188.
- 74 *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Т. 1. С. 10.
- 75 *Баснин П. П.* Из прошлого Сибири. Мученики и мучители // Исторический

- вестник. 1902. Ноябрь. С. 543.
- 76 «Прошедшее Сибирякова, как и большей части купцов того времени, имело свои темные стороны; но в то же время он уже давно был известен как человек смелый и стойкий, который постоянно стоял за права общества и защищал его от самовластия правителей» (*Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. Т. I. С. 14). Главной причиной противостояния была борьба за власть между администрацией и купеческой верхушкой (см.: *Гаращенко А. Н.* Трескин и Цейдлер — иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX века. С. 40, 42).
- 77 *Калашников И.* Записки иркутского жителя. С. 293.
- 78 И. Калашников, свидетель этих событий, писал: «...их поражает, как гром, предписание генерал-губернатора, что они... ссылаются без суда и следствия навсегда — Сибиряков в Нерчинск, Мыльников в Баргузин. Сибиряков, человек железный по своей натуре, вынес этот страшный и неожиданный удар, а Мыльникова разбил паралич, и он, уже больной, был отвезен к месту своего заточения» (Там же).
- 79 *Кротов В. А.* Летопись города Иркутска. 1652–1856. С. 122.
- 80 Там же. Комментарии. С. 321, примеч. 11, 12; *Гаращенко А. Н.* Трескин и Цейдлер — иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX века. С. 208.
- 81 О Николае Васильевиче Семивском, сыгравшем столь важную роль в появлении эскиза А. Е. Егорова, можно добавить следующее. Он посещал заседания «Беседы любителей русского слова», которые с 1811 года проходили в доме Державина, и в апреле 1812 года представил там свои «Отрывки из послания с Невы за Ангару» (*Десницкий В.* Из истории литературных обществ начала XIX века. Журналы Беседы любителей русского слова // *Десницкий В.* На литературные темы. Л., 1936. Кн. 2. С. 219. «Отрывки...» опубл.: *Русский вестник.* 1812. Ч. XIX. № 9. С. 34–84). С именем Семивского связана также книга «Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из коих многое доныне не было всем известно» (СПб., 1817). В ней девять глав, четыре из которых сопровождаются стихами Семивского. На титульном листе автор не обозначен. Пишут, что, по свидетельству краеведа С. С. Щукина, основной текст книги был написан землемером, краеведом Антоном Ивановичем Лосевым. (*Кротов В. А.* Летопись города Иркутска. Комментар., с. 320, примеч. 7). Однако в статье Н. Г. Суховой (А. И. Лосев и его роль в изучении Восточной Сибири // *Источниковедение городов Сибири конца XVI — начала XX в.* Новосибирск, 1983. С. 58) этот вывод назван ошибочным, но отмечается, что Семивский пользовался данными Лосева. Стихотворение Семивского к гл. II имеет посвящение: «К А. И. Лосеву. Любезный *Спутник* мой! и мой любезный друг!» (с. 46).
- 82 См. напр.: Я. Амикони. Портрет императора Петра I с Минервой. 1732–1734. ГЭ; И. Г. Тоннаур. Петр I в Полтавской битве. 1724–1725. ГРМ; Д. Г. Левиц-

кий. Портрет Екатерины в законодательном храме богини Правосудия. 1783. ГРМ; И. Б. Лампи Старший. Портрет Екатерины II с аллегорическими фигурами Истории и Хроноса. Не позднее 1793. ГРМ.

- 83 «На щите, имеющем голубое поле, изображены золотые серп и полумесяц, один к другому обращенные» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1800. Ч. 5. № 38; М., 2009. С. 190).
- 84 Эти слова, которые на иркутском портрете и на эскизе Егорова относятся к Державину, в его стихотворении «Мой истукан» связаны с отечеством:

Я рад отечества блаженству:
Дай больше, небо, таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!

- 85 Сочинения Державина. Т. I. С. 457.
- 86 Определенное различие в позе есть: на заставке воин скорбно склонил голову на руку, поскольку ода «Водопад» была написана на смерть князя Г. А. Потемкина.
- 87 В настоящее время этот том хранится в Отделе рукописей Рос. национальной библиотеки: Сочинения Державина. Ч 1 (ОР РНБ. Ф. XIV. 16); также см.: URL: <http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?prm=1725D796-850D-4A3D-B31F-05E295CA2F27>
- 88 Тимофеев Л. В. Кружок А. Н. Оленина и книжная графика первой трети XIX века // Русская литература и изобразительное искусство XVIII — начала XX века. Л., 1988. С. 52, 64 (примеч. 13).
- 89 Голубева О. Д. А. Н. Оленин. СПб., 1997. С. 10–11, 86–88; Российская национальная библиотека. История Библиотеки в биографиях ее директоров. 1795–2005. СПб., 2006. С. 70. В дальнейшем, как уже говорилось, Оленин стал почетным членом Академии художеств (с 1804), а затем ее президентом (с 1817), директором Императорской Публичной библиотеки (с 1811).
- 90 О подарке Дубровскому Державин сделал надпись в начале рукописного тома. Петр Петрович Дубровский, коллекционер, библиофил, в 1805–1812 гг. работал в Имп. публичной библиотеке, куда эта рукопись поступила после его кончины (см. примеч. 87). Возможно, однако, что «сей манускрипт» находился в доме Державина и позднее, после 1811 г., поскольку С. Т. Аксаков, часто посещавший Гаврилу Романовича в начале 1816 г., писал в своих воспоминаниях: «...он достал из ящика свои стихотворения, богато переплетенные в красный сафьян с золотом». Интересно, что, вспоминая увиденный им портрет работы Тончи, Аксаков пишет, будто бы художник изобразил Державина «посреди снегов, сидящего у водопада». Что вызвало у автора упоминание водопада, которого нет на портрете? Может быть, рассматривая рукописный том и обратив внимание на заставку к «Водопаду», одной из любимых своих од, Аксаков заметил ее «родство» с портретом Тончи? (см.: Аксаков С. Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Полное

собр. соч.: в 6 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 225, 223.

- 91 Всего, вместе с работами А. Н. Оленина, было создано более 400 иллюстраций. (*Грот Я.* Предисловие // Сочинения Державина. Т. I. С. IX; *Петрова Е. Н.* Об иллюстрациях конца XVIII — начала XIX века к произведениям Г. Р. Державина // Проблемы развития русского искусства. Л., 1974. Вып. VI. С. 18 (около 300 иллюстраций); *Петрова Е. Н.* Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1987. С. 382, 390). Однако при жизни поэта осуществить издание с иллюстрациями не удалось. Они были воспроизведены только в академическом собрании сочинений Державина, где три первые тома стихотворений, изданные в 1864–1866 гг., содержат около 420 иллюстраций, переведенных в гравюры.
- 92 *Грот Я.* Предисловие // Сочинения Державина. Т. I. С. XXXII.

С. В. Павлова

Художник А. А. Васильевский (новые страницы биографии)

Одно из самых ярких событий в жизни А. С. Пушкина — встреча на переводном лицейском экзамене с патриархом русской поэзии Г. Р. Державиным. В 1834 году, вспоминая об этом, Пушкин опишет не только свое состояние во время чтения стихотворения, но и внешность знаменитого поэта: «Державин был очень стар... Экзамен наш очень его утомил... Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож»¹. Автором упоминаемого портрета Г. Р. Державина был художник Александр Алексеевич Васильевский (Базилевский).

Ни с одного портрета Державина не сделано так много копий (в том числе авторских повторений), как с этой работы Васильевского².

Биографические данные о жизни и творчестве художника содержатся в нескольких справочных изданиях и сводятся к следующему: Васильевский Александр Алексеевич (04.02.1794 — после 1849) — живописец, акварелист, литограф. С 1803 года обучался в Академии художеств в классе портретной исторической живописи у А. Е. Егорова и Ф. Ф. Щедрина. В 1816 году получил аттестат 1-й степени на звание классного художника и был отправлен в Грузию на службу к генерал-майору А. П. Кутузову³. Дата возвращения Васильевского в Петербург пока не выяснена.

Документы, хранящиеся в ЦГИА СПб. (ф. Императорского Александровского Лицея) позволяют познакомиться с неизвестной ранее страницей жизни художника — службой учителем рисования в Императорском Александровском Лицее. Благодаря

новым документальным и мемуарным источникам удалось более полно представить жизненный и творческий путь художника, установить точную дату его кончины.

В сохранившемся личном деле⁴ имеется свидетельство о крещении, в котором указывается, что крестили его спустя неделю после рождения (родился 23, а крещен 30 января 1794 года) в Андреевском соборе Васильевского острова Петербурга, что отец его, Алексей Иванович Васильевский, был учителем Андреевского народного училища.

Училище это — первая школа для детей всех простых сословий — находилось на 7-й линии Васильевского острова. Свое название оно получило в честь церкви святого апостола Андрея Первозванного, рядом с которой и появилось согласно указу Екатерины II от 27 февраля 1781 года о создании первых народных школ в Петербурге.

Двухэтажное здание Андреевского народного училища, сохранившееся без изменений до наших дней, было построено по типовому проекту архитектором Волковым в 1786 году. Нижний этаж, где, по-видимому, и жили Васильевские, отводился для квартир преподавателей, в верхнем располагалось симметрично коридору четыре класса.

Согласно программе, в училищах обучали чтению, письму, закону Божьему, арифметике и рисованию. Очевидно, азы образования Александр Васильевский получил в Андреевском училище, где и проявил особые склонности к рисованию. В девятилетнем возрасте его отдают в находившуюся неподалеку Академию художеств. В ту пору обучение длилось двенадцать лет. После 9 лет учащиеся завершали образование в одном из высших классов — историческом, портретном, гравюрном, скульптурном, архитектурном. Александр Васильевский занимался в живописном историческом классе под руководством Ф. Ф. Щедрина. В 1813 году за рисунок «2 натурщика» (хранится в Государственном Русском музее) он получил малую серебряную медаль.

В 1815 году Васильевский, которому в ту пору был 21 год, написал знаменитый портрет Державина, за который при выпуске из Академии он получил большую серебряную медаль⁵. По всей

вероятности, тему этой работы предложил Ф. Ф. Щедрин по совету друга поэта, почетного члена Академии художеств А. Н. Оленина. По-видимому, Оленин и ввел Александра Васильевского в дом поэта, радушно принимавшего молодежь. Один из ее представителей — Кузьминский, посетивший Державина в 1813 году, оставил воспоминание (дошло в пересказе Я. К. Грота) о внешнем облике поэта, которого застал в халате, опущенном собоями, во фланелевой, плотно застегнутой фуфайке с белым кисейным шейным платком и в белом вязаном колпаке на голове⁶.

Именно таким изобразил Державина Васильевский, писавший его с натуры. В противовес парадному портрету 1811 года кисти В. Л. Боровиковского, где поэт представлен в сенаторском мундире, работа Васильевского относится к так называемому жанру неофициального «халатного портрета», известному по изображениям главным образом творческих личностей, а позднее и некоторых вельмож.

В сентябре 1815 года портрет был представлен на выставке в Академии художеств⁷. Увидев его, граф Д. И. Хвостов написал эпиграмму:

Кисть дерзновенная, маляр, в твоей руке
Нарисовала нам поэта в колпаке.
Певцу зеленый лавр — других нет украшений.
Поэт чужд старости — не знает смерти гений.

Позднее он сделал к ней такое примечание: «Знаменитый и почтенный Гавриила Романович Державин был представлен на выставке в Академии художеств одним неискусным живописцем в параличном состоянии в колпаке. Автор, уловляя всегда изящную природу, ополчался на подобные безобразные списки с оной, и очень сожалеет, что во многих местах встречаются бессмертного писателя Фелицы бюсты в колпаке. Желая обратить художников на дорогу настоящую, он написал эту эпиграмму»⁸.

По воспоминаниям В. И. Панаева, этот портрет пользовался большим успехом у современников⁹. По наследству и духовному завещанию вдовы поэта Дарьи Алексеевны Державиной он достался ее племяннику С. В. Капнисту¹⁰. Позднее был обнаружен директором Литературного музея Соколовым в больнице села Ве-

ликие Сорочинцы. Ему удалось выяснить, что холст много лет назад был привезен из бывшего когда-то по соседству имения Капнистов. В 1959 году портрет передан из Великосорочинского музея Н. В. Гоголя в Государственный литературный музей¹¹.

В 1816 году А. Н. Оленин приобрел у Васильевского для Императорской публичной библиотеки портрет Г. Р. Державина¹². В архиве библиотеки сохранилось распоряжение Оленина, ее директора, казначею от 31 октября 1816 года: «За купленный мною для ИПБ живописный портрет знаменитого российского лирика покойного действительного тайного советника Г. Р. Державина поручаю Вам выдать живописцу Базилевскому под его расписку из денег, остающихся из штатных издержек по библиотеке, триста рублей, которые Вы имеете записать в расход по надлежащему»¹³.

Сегодня эта работа, с которой началась галерея писательских портретов в стенах Императорской публичной библиотеки, находится в ее Рукописном отделе.

Почему Оленин начинает галерею портретов русских писателей не с парадного портрета Державина работы В. Л. Боровиковского, а с портрета, изображающего патриарха русской поэзии в домашней обстановке, в халате и колпаке? Думается, потому, что на портрете работы Боровиковского Державин представлен государственным деятелем, портрет же Васильевского более соответствовал образу поэта.

По окончании обучения Васильевский получает свидетельство, которое удостоверяет, что он окончил курс в Императорской Академии художеств по классу исторического живописного искусства и за его хорошие успехи возводится в звание художника с правом на чин 14 класса и награждается шпагою. В этом же свидетельстве отмечается «признанное в нем добронравие и честное и похвальное поведение». Свидетельство выдано 7 октября 1816 года за подписью управляющего Министерством просвещения кн. А. Голицына¹⁴.

После окончания Академии начинается его профессиональная деятельность.

Как упоминалось, Васильевский учился в классе исторической живописи. Однако из его живописного наследия сегодня из-

вестна лишь еще одна работа. Это портрет Екатерины Александровны Архаровой из собрания Государственного музея А. С. Пушкина (Москва). Подпись на портрете неразборчива. По атрибуции сотрудников музея портрет Архаровой принадлежит кисти А. А. Васильевского¹⁵. Датирован он второй половиной 1820-х годов. Как следует из «Словаря русских литографированных портретов» В. Я. Адарюкова, с этого портрета А. Васильевским был сделан рисунок, литографированный А. Мошарским. На литографии отсутствуют детали обстановки, изображенные на живописном полотне¹⁶.

Е. А. Архарова — кавалерственная дама, вторая жена генерала от инфантерии И. П. Архарова, урожденная Римская-Корсакова. Московский дом ее находился на Пречистенке. В 1820-х и 1830-х годах жила в Петербурге. Была близкой приятельницей матери А. С. Пушкина Надежды Осиповны. Поэт был знаком с дочерьми Архаровой, а также с ее внуком В. А. Соллогубом, писателем, автором мемуаров. В своих воспоминаниях Соллогуб дает словесный портрет Е. А. Архаровой, удивительно совпадающий с ее живописным портретом: «Возвратившись домой, бабушка разоблачалась, надевала на глаза свой привычный зонтик, нарядный капот сменялся другим, более поношенным, но всегда шелковым, и садилась в свое широкое кресло, перед которым ставился стол с бронзовым колокольчиком»¹⁷.

Васильевский известен также как акварелист. Назовем некоторые из его работ: портрет светлейшего князя, генерала-фельдмаршала Петра Михайловича Волконского, героя войны 1812 года, основателя Училища колонновожатых; министра императорского двора Петра Андреевича Кикина — статс-секретаря по принятию прошений на Высочайшее имя подносимых, одного из основателей Общества поощрения художников. Портрет, выполненный с оригинала К. П. Брюллова, ныне находится в Государственном Русском музее. В собрании Русского музея хранятся также портрет Николая I и портрет неизвестного генерала, датированный 1849 годом. Очевидно, портрет генерала — последняя известная работа Васильевского, и этим объясняется дата смерти художника — «после 1849 года» в справочной литературе.

Еще одна работа Васильевского принадлежит Всероссийскому музею А. С. Пушкина. Это акварельный портрет Натальи Кирилловны Загряжской — кавалерственной дамы, дальней родственницы Н. Н. Пушкиной, с которой неоднократно встречался Александр Пушкин и записал ее рассказы о Петре III, графе Потемкине, Павле I.

Основным видом творчества для Васильевского стала литография. Известность он приобрел как литограф-портретист, став одним из первых по времени в этом жанре наряду с Г. А. Гиппиусом, К. К. Гампельном, Е. И. Эстеррейхом, В. И. Погонкиным, Е. И. Гейтманом, А. И. Сандромури, К. Г. Редером.

Большую роль в деле популяризации литографии сыграло Общество поощрения художников, основанное в 1820 году по инициативе любителей и знатоков искусств. Свою деятельность оно посвятило пропаганде национального искусства. И для достижения многих из намеченных Обществом культурно-просветительских целей наиболее подходящим средством оказалась литография, став художественной летописью жизни России. И литографированный портрет в этой летописи занимал существенное место, запечатлев лица современников, — представителей императорского дома, людей, сделавшихся известными в области науки и искусств, отличившихся гражданскими или военными подвигами, декабристов. Кроме того, в 1820–1840-х годах стали появляться литографированные портреты, выполненные по заказу. Вошло в моду заказывать портреты членами целой семьи, которые запечатлевались часто в домашней обстановке. Эти портреты печатались в ограниченном количестве экземпляров. Они не продавались, а раздавались родным, близким, знакомым на память, как сейчас мы делаем это с фотографиями. Большинство литографов получало заказы через Общество поощрения художников.

В 1822 году по заданию Общества Васильевский участвовал в подготовке альбома «Литографические безделки», делая литографии с рисунков А. О. Дезарно, А. Ф. Шуха, А. П. и К. П. Брюлловых.

Васильевский — автор портретов многих лиц, имена которых вошли в историю России. Литографировал он в основном по ори-

гиналам современных ему художников. Наибольшей известностью пользуются литографированные портреты Васильевского, исполненные по оригиналам его учителя и друга П. Ф. Соколова.

Павел Соколов, сын художника, вспоминал: «Кроме дяди Ивана Павловича¹⁸, студента-академика, еще у нас запросто бывал Васильевский. Это был не особенно далекого ума человек, но с добрым сердцем, искренне любивший наш дом: по специальности он был копировщик, жил своим трудом и преимущественно рисовал на камне для литографий. Отец всегда помогал ему и, наконец, достал очень хорошую работу для издания „Историческое описание одежды и вооружения российских войск“¹⁹, составленного по высочайшему повелению и законченного Висковатовым в 1841 году. Я помню, как он делал большое количество рисунков, изображавших военные формы и вооружения допетровского времени и позднейших веков. Теперь с этого издания, составляющего библиографическую редкость, военное министерство стало производить копии. Этот человек заменял мне и брату моему Пьеру как бы гувернера, мирил нас во время наших ссор, занимал нас, когда отец был занят, и немало облегчал мать²⁰ вознею с нами»²¹.

По оригиналам Соколова Васильевский выполнил портреты М. М. Сперанского и князя А. Н. Голицына, статс-секретаря Государственного Совета, вице-президента Вольного экономического общества В. В. Долгорукова; директора Придворной певческой капеллы Ф. П. Львова, его сына, известного композитора А. Ф. Львова, автора гимна «Боже, Царя храни...»; врача-хирурга, лейб-медика Николая I, Н. Ф. Арендта; ученого А. Ф. Гумбольта и других.

Одна из лучших работ Васильевского — литографированный портрет жены декабриста Никиты Муравьева А. Г. Муравьевой. После ареста мужа Александра Григорьевна послала ему в Петропавловскую крепость свой акварельный портрет работы П. Ф. Соколова. В письме к жене в январе 1826 года Никита Михайлович писал о том, какой огромной поддержкой в минуты наибольшей подавленности служит для него этот портрет. А. Г. Муравьева первой добилась разрешения поехать в Сибирь вслед за осужденным мужем. Перед ее отъездом Васильевский

делает два портрета с оригинала Соколова — Александры Григорьевны, чтобы она могла оставить свой портрет на память родным, и Екатерины Федоровны Муравьевой — матери сосланных декабристов Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых — для отправки портрета в Сибирь сыновьям.

Еще один женский образ — Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, камер-фрейлина, единственная дочь сподвижника Екатерины II Алексея Орлова. Испытывая тягу к церковной жизни, она стала духовной дочерью архимандрита Фотия. В основе литографии Васильевского лежит живописный оригинал И. В. Баженова.

Среди литографированных портретов членов императорского дома находится и работа художника с оригинала Александра Брюллова «Великий князь цесаревич Александр Николаевич с кадетами на берегу Балтийского моря в Петергофе» (около 1831 г.). Эта литография отличается от других работ Васильевского большими размерами.

Очевидно, он был в числе художников, часто посещавших дом А. Н. Оленина. Им исполнен портрет жены Алексея Николаевича Елизаветы Марковны, литографированный затем в мастерской А. Мошарского, и совместно с Петром Алексеевичем, сыном президента Академии художеств, снял копию с портрета А. Н. Оленина работы А. Г. Варнека.

Наивысший расцвет деятельности Васильевского приходится на 1820 — 1830-е годы. Одновременно с ним работало множество знаменитых мастеров-литографов, чьи имена вошли в историю. Имя Васильевского не пользуется широкой известностью, однако в истории русского искусства его творчество оценивается высоко. Его называют виртуозом литографской техники, «непревзойденным мастером передачи тончайшего колорита акварельных оригиналов в черно-белом варианте»²².

В сентябре 2012 — январе 2013 года в залах Государственного Эрмитажа работала выставка «Портрет в русской литографии XIX века». На выставке было представлено 150 литографированных портретов из эрмитажного собрания, семь из них принадлежало Васильевскому.

С января 1843 года, как свидетельствуют документы лицейского архива, начинается педагогическая деятельность Александра Алексеевича Васильевского в Императорском Царскосельском Лицее²³.

Очевидно, работу в Лицее он по-прежнему совмещал с творческой деятельностью, а указанная дата смерти «позднее 1849 года» говорит лишь о том, что этим годом датируется его последняя работа. В Лицее он литографирует портрет профессора русской словесности Петра Георгиевича Георгиевского, учившего не только Александра Пушкина и его товарищей, но и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Оригиналом послужил рисунок лицейского воспитателя А. И. Коха. В настоящее время портрет находится в собрании Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН.

Васильевский пришел в Лицей, практически сменив на этой должности легендарного учителя рисования Сергея Гавриловича Чирикова²⁴. Начав занятия с учениками в стенах Царскосельского Лицея, Александр Алексеевич вместе с учебным заведением переехал на его новое местожительство в Петербург и стал учителем рисования теперь уже Императорского Александровского Лицея. Здесь он был произведен в чиновники 8-го класса и из коллежского регистратора превратился в коллежского асессора. Неоднократно за «отлично-усердную и ревностную службу» получал благодарности начальства. В 1846 году от имени его императорского высочества принца П. Г. Ольденбургского — попечителя Лицея — Васильевскому было объявлено монаршее благоволение²⁵. Интересно заметить, что одновременно с Васильевским в 1854–1855 годах в Александровском Лицее читал лекции по теории изящных искусств другой известный литограф того времени, лицейский воспитанник Валериан Платонович Лангер.

В момент прихода Васильевского в Лицей рисованию в учебной программе уже не отводилось того особого места, как во времена ученичества А. Пушкина, когда рисование входило как в гимназический, так и в университетский курсы. Теперь рисованием занимались только воспитанники младшего гимназического курса: 2 занятия в неделю по полтора часа. По воспоминаниям лицейцев, начальство рисованию не придавало особого значения

и образовательным этот предмет не считался. Но это не мешало лицеистам увлеченно рисовать не только на уроках, но и в свободное от занятий время. В лице Васильевского они нашли настоящего мастера, который поддерживал их увлеченность и многому мог научить. Благодаря ему они овладели искусством рисовать не только карандашом, но и пером.

Азам рисовальной науки Васильевский обучил многих известных людей, в том числе историка, государственного деятеля, директора Императорской Публичной библиотеки Дмитрия Фомича Кобеко. Особое влияние художник оказал на Вячеслава Григорьевича Шварца, будущего известного художника, одного из основоположников русской исторической реалистической живописи, став его первым учителем²⁶. Благодаря этому обстоятельству появились и сохранились воспоминания не только о лицеисте Вячеславе Шварце, о годах, проведенных в стенах Императорского Лицея будущего художника, но и о его учителе рисования — Васильевском.

Однокурсник Вячеслава Шварца Евгений Шакеев²⁷ вспоминает: «учитель рисования был у нас старичок Васильевский. Это было тихое, кроткое, скромное существо, человек, никогда ни на кого не сердившийся, несмотря на то, что мы, как все школьники, немилосердно злоупотребляли его добротой»²⁸. Было Васильевскому в ту пору 58 лет, но лицеистам он казался стариком. Его доброта проявлялась даже в речи, в употреблении в большом количестве уменьшительно-ласкательных слов. По словам критика В. В. Стасова, Васильевский обладал удивительным даром — распознавать в своих учениках талант к рисованию и помогать в развитии этого таланта. На первом же занятии Шварц показал учителю свои рисунки с видами Кавказа, а также акварель большого формата с изображением евангелиста Луки. Васильевский долго рассматривал эти рисунки, подробно расспрашивал, сам ли он их рисовал, с натуры ли. Потом сказал: «Голубчик, дорогой мой, Бог Вам талант дал, и ... ах, право не лгу... большой он будет. Только, миленький мой, учитесь...»²⁹

Угадав в Шварце будущего художника, Васильевский стал оказывать ему особое внимание. Кроме занятий в классе лицеист

в свободное время ходил к учителю домой, вместе с ним он отправлялся смотреть картины в Академии художеств, в Эрмитаже, у некоторых частных лиц. Через полтора года, к концу четвертого класса, Вячеслав сделал огромные успехи в рисовании. Он часто рисовал во время уроков, преимущественно пером, экспромтом, иллюстрируя лекции профессоров, рисовал также карикатуры на наставников и товарищей.

Очевидно, Васильевскому удалось вызвать интерес к рисованию и у других учеников. Среди однокурсников Шварца образовался своеобразный кружок «художественных добровольцев». Сюда входили и воспитанники других курсов, учившихся у Васильевского. Умение рисовать пригодилось, в частности для выражения взглядов и мнений по поводу современных событий, которые молодые лицеисты иллюстрировали в рисунках карандашом или пером. Шакееву запомнился рисунок Шварца «Смерть полковника Карамзина», на котором полковник Андрей Карамзин, сын историка, был изрублен турками в куски на русской пушке, которую защищал своим телом.

Перед переходом в следующий класс, в программе которого уже не было рисования, лицеисты простились с Васильевским самым теплым образом. «Мы все искренне любили старика за его необыкновенную доброту, — пишет Евгений Шакеев, — нам вдруг стало стыдно за наши шалости и проделки с ним». Шварц поднес ему нарисованный вид класса, где были изображены некоторые из товарищей и сам Васильевский. Учитель был тронут до слез, благодарил всех лицеистов, а Шварца умолял не забывать старика и по-прежнему много учиться. Впоследствии, узнав о материальных трудностях учителя рисования, Шварц и несколько его товарищей придумали с разрешения директора брать у Васильевского частные уроки в Лицее. «Старик был в восторге, и сначала не хотел брать платы, — „только бы на извозчика“». Однако эти занятия продолжались недолго. На прощанье учитель рисования подарил Шварцу свой карандашный рисунок. Лицеистам запомнились слова Васильевского, обращенные к Шварцу: «Я Вас всему выучил, что сам знал, Вы мне больше не по плечу. Вам надо учиться у настоящего мастера»³⁰.

Знали ли ученики, что их учитель — автор знаменитого портрета Г. Р. Державина, талантливый литограф-портретист? Говоря о нем, лицеисты прежде всего обращают внимание на его личностные качества — тихий, кроткий, скромный, добрый старичок, никогда ни на кого не сердящееся существо. Если Шакеев верно передает слова Васильевского, сказанные им Шварцу, то перед нами предстает человек, не очень-то уверенный в своих творческих силах, не умеющий по достоинству оценить свои творческие возможности. И кто знает, может быть, эти качества его натуры сыграли свою роль в том, что он, будучи бесспорно талантливым человеком, не смог в полной мере себя реализовать.

Скромность, слабохарактерность, очевидно, сказались на всей жизни художника. Лицейский архив сохранил один любопытный документ. Четвертого февраля 1851 года умерла жена Васильевского Дарья Петровна. Об этом он пишет рапорт в канцелярию Лицея с тем, чтобы это событие нашло отражение в его послужном списке. К сожалению, в настоящее время послужной список в личном деле отсутствует. Через 4 месяца Васильевский женится на мещанке Прасковье Ивановне Сакиной. Судя по всему, его новая жена, на 18 лет моложе художника, женщина с сильным характером, сумела всецело подчинить себе мужа. Четыре года спустя Васильевский пишет завещание, по которому все имущество, движимое и недвижимое, «все без изъятия», в случае его смерти переходит в полное владение его жены Прасковьи Ивановны Васильевской. «За примерное ея ко мне любовь и дружбу», — добавляет он. В завещании подчеркивается, что Васильевский лишает прав на наследство двух своих сыновей: «Сыновья же мои от первого брака Петр и Александр после моей смерти ничего не наследуют, а потому к имуществу сему и не должны иметь никаких претензий»³¹. Овдовев, Прасковья Ивановна неоднократно обращалась в Лицей, жалуясь на нездоровье и прося оказать ей материальную помощь.

В апреле 1858 года Васильевский тяжело заболел. В прошении на имя директора Лицея Н. И. Миллера он пишет: «По случаю тяжелой болезни, лишившей меня употребления рук и ног, я не могу более продолжать службу, почему имею честь покорнейше про-

свить Ваше Превосходительство уволить меня в отставку»³². Скончался художник 9 мая 1858 года.

4 февраля 2019 года исполнилось 225 лет со дня рождения А. А. Васильевского. Будем благодарны художнику и за портрет Г. Р. Державина, и за литографированные портреты современников, и за уроки мастерства, преподанные лицеисту Шварцу.

Примечания

- ¹ *Пушкин А. С.* Table-talk <Державин> // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 16 т. М.; Л, 1937–1959. Т. 12. С. 158.
- ² *Морозова Е. В.* Об одном из «казанских» портретов Г. Р. Державина // Державин и культура казанского края: материалы Всерос. науч. конф., посв. 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина (г. Лаишево, 26–28 июня 2008 г.). Казань, 2008. С. 168–172.
- ³ См.: Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / сост. С. Н. Кондаков; в 2 ч. Пг., [1914–1915]. Ч. 2. С. 31 (репр. изд.: М., 2002); Художники народов СССР. XI–XX вв. Биобиблиографический словарь: в 6 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 195; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания (Серия: Рисунок XVIII–XX вв.). М., 1996–... Т. 2. Кн. 1: Рисунок XIX (Кн. 1. А–В). М., 2007. С. 264.
- ⁴ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3499. Л. 2.
- ⁵ См.: Портрет в русской литографии XIX века. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 68.
- ⁶ *Грот Я. К.* Жизнь Державина // Сочинения Державина. Т. VIII. С. 957.
- ⁷ См.: *Панаев В. И.* О Державине. Из моих воспоминаний // Г. Р. Державин в воспоминаниях современников. СПб., 2018. С. 122–123.
- ⁸ Хвостов Д. И. Полн. собр. соч.: в 7 т. СПб., 1828–1834. Т. 7. С. 278.
- ⁹ *Панаев В. И.* О Державине. Из моих воспоминаний. С. 394 (примеч. 13).
- ¹⁰ См.: *Дзюбанов С. Д.* Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2005. Вып. 2. С. 209.
- ¹¹ Памятники. Реликвии, шедевры Гос. Литературного музея: Выставка сокровища фондов // Советский музей. 1984. № 5. С. 22–23.
- ¹² См.: *Градова Б. А.* Реликвии Г. Р. Державина в Императорской Публичной библиотеке // Г. Р. Державин и его время. СПб. 2011. Вып. 7. С. 120.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3499. Л. 5.
- ¹⁵ См. Государственный каталог музейного фонда РФ. № 8995050, № по ГИК (КП): ГМП–2694, инв. № ОР-665.

- 16 *Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А.* Словарь русских литографированных портретов. 1916. Т. I. А–Д. С. 84.
- 17 *Соллогуб В. А.* Воспоминания. 1931. С. 194.
- 18 Брюллов (1814–1834), художник, брат матери П. Соколова.
- 19 Историческое описание одежды и вооружения российских войск / под ред. А. В. Висковатова: в 30 т. СПб., 1841–1862.
- 20 Брюллова Юлия Павловна (около 1804–1877), сестра художников Карла и Александра Брюлловых, супруга П. Ф. Соколова (с 1820 г.).
- 21 *Соколов П. П.* Воспоминания / ред., вступ. ст. и примеч. Э. Голлербаха. Л., 1930. С. 56–57. Выражаю признательность Б. А. Градовой, сообщившей мне об этом источнике.
- 22 *Миролубова Г. А.* Вступ. статья // Портрет в русской литографии XIX века. С. 12.
- 23 ЦГИА СПб. Ф 11. Оп. 1. Д. 3499. Л. 1, 4.
- 24 В 1841 г. исполнилось 30 лет служебной деятельности Сергея Гавриловича Чирикова, бывшего учителем рисования Пушкина и его товарищей. В этом же году он покинул учебное заведение. Временно должность учителя рисования занимал воспитатель Алексей Иванович Кох, в ходатайстве которого о зачислении в Лицей в 1829 году говорилось, что он может быть воспитателем и обучать математике, географии и рисованию. Будучи художником-любителем, он занимался рисованием с воспитанниками Лицея немногим более года.
- 25 ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 907. Л 1 об.; Д. 909. Л. 19.
- 26 Шварц Вячеслав Григорьевич (1838–1869) — русский живописец, почетный вольный общник Императорской Академии художеств. Основоположник историко-бытового жанра в русской живописи. Воспитанник 23 курса Императорского Александровского (бывш. Царскосельского) Лицея (1853–1859).
- 27 Шакеев Евгений Александрович (1839–1899) — воспитанник 23 курса Лицея. Служил в Министерстве гос. имуществ. В 1866 г. в Санкт-Петербургском уездном земском собрании избран первым в участковые мировые судьи; позже в течение 28 лет непреременный член и председатель съезда мировых судей. Статский советник. Шурин Д. Ф. Кобеко.
- 28 *Шакеев Е. А.* Воспоминания о Шварце. ИРЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 120; См. также: *Стасов В. В.* Вячеслав Григорьевич Шварц // Стасов В. В. Собр. соч. 1843–1886: в 4 т. СПб., 1894. Т. 2. Стб. 334–335.
- 29 Там же. Стб. 335.
- 30 Там же. Стб. 335.
- 31 ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3499. Л. 13, 13 об.
- 32 Там же. Л. 27.

С. Д. Дзюбанов

«Не хочу говорить
об этой странной женщине...»
(штрихи к биографии Е. И. Ланской,
урожденной Вилламовой)

Елизавете Ивановне Ланской, урожденной Вилламовой, посвящена содержательная статья Е. Е. Дмитриевой в Словаре русских писателей XIX века¹. В ней подробно проанализировано творчество Ланской, в то же время ее биография может быть существенно дополнена благодаря новым архивным материалам.

Елизавета (Луиза Элизабет Констанса) родилась 3 сентября 1764 года в Восточной Пруссии в семье немецкого поэта и переводчика Иоганна Готлиба Вилламова (Вилламовиуса) (1736–1777), который приехал в Россию в 1767 году и стал инспектором немецкой школы при Петрикирхе в Петербурге. В России у Вилламовых родились сын Григорий и дочь Анна. В подведомственной Вилламову немецкой школе дела пошли не лучшим образом, и в 1772 году он был вынужден уйти в отставку². Позднее преподавал в Императорском воспитательном обществе благородных девиц, где надзирательницей над классами служила его жена Констанция Сусанна (урожденная Кло). В Петербурге Вилламов издавал еженедельный журнал «Spaziergänge» («Прогулки») на немецком языке. Еще до приезда в Россию он приобрел известность реконструкцией древних гимнов, издав книгу «Dithyramben» (Berlin, 1766). В 1771 году Вилламов напечатал перевод с древнегреческого на немецкий «Батрахомиомахии» (Homerus. Watrachomyomachie <...> St. Petersburg, 1771).

После смерти отца Елизавета воспитывалась при матери в Императорском воспитательном обществе³, а с 1782 по 1789 год служила там же учительницей⁴. Затем она была назначена помощни-

цей к Шарлотте Карловне Ливен (1743–1828), воспитательнице дочерей Павла I, и стала учительницей великой княжны Александры Павловны (1783–1801). Позднее за эту службу Елизавета Ивановна получила пенсион 500 рублей в год пожизненно⁵. Н. И. Греч (1787–1867) в своих записках отмечал, что «императрица Екатерина II ее жаловала, а императрица Мария Федоровна ненавидела»⁶.

В 1796 году Елизавета Ивановна вышла замуж за гвардии ротмистра Сергея Сергеевича Ланского, двоюродного брата фаворита Екатерины II А. Д. Ланского (1758–1784). Венчались, по-видимому, еще до восшествия на престол Павла I⁷. Сергей Сергеевич родился 7 сентября 1761 года в семье холмского помещика Сергея Артемьевича Ланского (1711–?) и Анны Федоровны, урожденной Ушаковой (1724–1809). В 1777 году он был записан в военную службу, по-видимому, только номинально. Действительную службу Сергей Сергеевич проходил в лейб-гвардии Конном полку, где с 1788 по 1796 год «прирастал чинами» от вахмистра до ротмистра⁸. Взошедший на престол Павел I благоволил семье Ланских. Уже 20 ноября 1796 года Сергей Сергеевич был назначен камергером к великому князю Александру Павловичу; 5 апреля 1797 года Павел I пожаловал Елизавете Ивановне 600 душ крепостных в селе Спасском Тамбовского уезда, расположенном на плодородных землях⁹. Имение приносило немалый доход. Четырнадцатого декабря того же года император вместе с дочерью Александрой Павловной (воспитанницей Елизаветы Ивановны) воспринимали от купели при крещении в церкви Зимнего дворца первенца Ланских — Павла Сергеевича¹⁰. В следующем, 1798, году отношение Павла I к Ланскому переменилось: 1 ноября императорским указом Сергей Сергеевич был уволен от службы при дворе¹¹. По свидетельству князя И. М. Долгорукова, после отставки Ланские ненадолго выезжали в псковское имение¹², но вскоре возвратились в Петербург, где 17 октября 1799 года у них родилась дочь Александра. Девочку крестили в церкви при госпитале Преображенского полка, а воспитателем от купели был секретарь императрицы Марии Федоровны генерал-майор Михаил Иванович Полетика (1768–1824)¹³. Опала продолжалась недолго: указом

императора от 9 ноября 1800 года Ланской был восстановлен в прежней должности при дворе.

В декабре 1801 года он получил новое назначение. По представлению вдовствующей императрицы Марии Федоровны Ланской был определен почетным опекуном Опекунского совета и одновременно управляющим Александровской (текстильной) мануфактурой¹⁴. Сергей Сергеевич энергично взялся за дело. Под его руководством Александровская мануфактура быстро превращалась в современное, технически оснащенное предприятие. Еще исправные, но уже морально устаревшие станки заменялись новыми. На старые станки находились покупатели. Сибирский предприниматель М. Т. Куткин (1756–1810) в 1804 году приобрел два чулочных стана, ранее использовавшихся на Александровской мануфактуре, для своей тобольской фабрики¹⁵. Ланской уделял внимание подготовке кадров для подведомственного ему предприятия. Некоторые специалисты командировались в Англию для обучения на самых передовых в то время лондонских мануфактурах¹⁶. За свою ревностную службу он получал награды: 19 февраля 1802 года был пожалован табакеркой, а в марте 1804-го получил орден св. Анны I степени. 20 мая 1804 года у Ланских родилась младшая дочь Елизавета¹⁷. Однако семейное благополучие уже тогда омрачалось тяжелой болезнью Сергея Сергеевича, почти не совместимой со службой. Он получил отпуск с мая по ноябрь 1804 года, в мае 1805 еще на год, а в 1806 году отпуск продлили до выздоровления. Ланской обычно не решался прямо сказать своей начальнице Марии Федоровне, что не в состоянии выполнять ее поручения. За мужа через третьих лиц хлопотала Елизавета Ивановна¹⁸. Она была вынуждена вникать в служебные дела Сергея Сергеевича. Находясь в отпуске, Ланской поправлял здоровье, в том числе на заграничных курортах. Выезжал он и в тамбовское имение. В этих поездках Ланских сопровождала сестра Елизаветы Ивановны Анна. В Тамбовской губернии они посещали владельца села Земетчино генерал-майора Ф. Х. Циммермана (1736–1812), у которого в 1806 году родился внук Федор — будущий композитор и гитарист-виртуоз. Бывали Ланские и в имении Баратынских Мара в Кирсановском уезде. К периоду 1806–1807 го-

дов относится сохранившаяся переписка на французском языке Елизаветы Ивановны с Александрой Федоровной Баратынской (1776–1852), урожденной Черепановой, смолянкой 8-го выпуска и матерью будущего поэта и философа Е. А. Баратынского¹⁹. Александра Федоровна была, вероятно, ученицей Елизаветы Ивановны в Императорском воспитательном обществе. Ланская посылала Баратынской книги²⁰.

Лечение Ланского стало приносить результаты, болезнь временно отступила, и 1 января 1809 года Сергей Сергеевич был назначен сенатором во 2-й апелляционный департамент Правительствующего Сената и одновременно произведен в чин тайного советника. В 1811 году новые служебные поручения привели Ланского в державинский дом на Фонтанке. В дополнение к обязанностям в Сенате он был назначен главным распорядителем по опеке над имением и долгами шталмейстера князя Ивана Алексеевича Гагарина (1771–1832) и вторым опекуном над Шкловским имением, которым когда-то владел С. Г. Неранчич-Зорич (1743–1799)²¹. Ранее эти опеки состояли в ведении Державина. Дела по опекам, в особенности по второй, были очень сложными и запутанными. Сергей Сергеевич, по-видимому, советовался с Державиным по этим делам, что требовало визитов к Гавриилу Романовичу, который, в свою очередь, бывал в доме Ланских. В марте 1811 года в усадьбе Державина начались заседания «Беседы любителей русского слова», к которым, конечно, проявили интерес и Ланские. По просьбе Державина Елизавета Ивановна доставляла печатные экземпляры «Чтений» «Беседы» вдовствующей императрице Марии Федоровне. В письме от 24 июля 1811 года Ланская оправдывалась перед Гавриилом Романовичем, что не доставила императрице экземпляр вторых «Чтений», так как сама не имела этого издания (VI, 216). В октябре того же года Елизавета Ивановна, находясь под впечатлением от визита Державина, написала стихотворное послание поэту:

В лучезарной колеснице
Феб спустился с облаков!
Он несет певцу Фелицы
Не один, а тьму венцов:

«Не хочу говорить об этой странной женщине...»

Каждое его творенье
Увенчал Парнаса бог,
Векам поздним в удивленье
И бессмертия в залог!
Наших дней Анакреона
Слабой лирой не воспеть:
Сам властитель Геликона
Дар сей может лишь иметь... (III, 516–517).

Это наиболее раннее из известных нам литературных произведений Ланской содержалось в ее письме к Державину от 16 октября 1811 года (VI, 226), на обороте которого Гавриил Романович написал черновик ответного мадригала:

На колеснице лучезарной
Коль в полночь Феб к тебе съезжал,
Сквозь двери в день небес янтарной
Знать, зрел тебя и страстен стал
Тобой. — Теперь его лучами
Ты, быв наделена дарами,
В числе быть Муз его должна.
Конечно, быв умом богатой,
Ты будешь Музою десятой
Чрез твой альбаум почтена (III, 516–517).

Державин адресовал Ланской также стихотворную надпись:

Отец твой, Вакха воспевая,
Бессмертным učinил себя;
А я, бессмертия желая,
Бессмертным стал, хваля тебя. (III, 517).

Елизавета Ивановна, зарекомендовавшая себя как ценитель и знаток литературы, в следующем, 1812, году была избрана почетным членом «Беседы».

Между тем состояние здоровья Ланского вновь ухудшилось. Медики характеризовали его положение как почти безнадежное. Однако Мария Федоровна настаивала на командировке Ланского в Шклов. Елизавета Ивановна просила секретаря Марии Федоровны Ивана Францевича Вольфа (1774–1836) «довести до сведения ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны настоящее положение Сергея Сергеевича»²² и попытаться отменить командировку, но все усилия были

тщетны. Ланской возвратился из Шклова в таком болезненном состоянии, что не смог даже сделать доклад императрице. Пятого апреля 1814 года он был отправлен в отпуск до выздоровления, на следующий день уволен от должности почетного опекуна, а 1 мая скончался. Ланского похоронили в Александро-Невской лавре. 17 мая Державин посетил Ланскую и лично выразил ей соболезнование по случаю тяжелой утраты (VI, 291). На надгробном памятнике мужу Елизавета Ивановна поместила эпитафию:

Отрада дней моих, души моей блаженство,
Моих желаний цель, спокойствия залог,
Кем счастья моего венчалось совершенство.
И твой здесь прах... А мне покров, подпора — Бог²³.

Овдовев, пятидесятилетняя и еще вполне энергичная Ланская почувствовала в себе силы для занятий большими и серьезными делами. В те годы женщины, лишённые возможности проявить себя на государственной службе, нередко пытались реализовать себя в предпринимательской деятельности. «Сорока побелела, а женщины стали дельцы», — эти слова Державина об А. П. Квашниной-Самариной²⁴ вполне можно отнести и к Ланской. В начале XIX века особенно перспективным представлялось производство бумаги. Спрос на бумагу возрастал. Изобретение в 1799 году французом Л. Робером (1761–1828) бумагоделательной машины с непрерывной подачей бумажной массы и усовершенствование этой машины в последующие годы Б. Донкином в Англии произвели революцию в бумажном деле. Организация такого производства в России представлялась весьма доходным делом. Наследница графа Я. Е. Сиверса (1731–1808) баронесса Е. Я. Иксуль (1776–1865), урожденная Сиверс, продавала тогда имение в Ораниенбаумском уезде Санкт-Петербургской губернии, включавшее мызы Готобужи и Лопатино с деревнями (район современной станции Калище). В имении были бумажная фабрика (мыза Готобужи) на реке Воронке, небольшой стекольный завод на реке Коваш, пильная мельница. Стекольный завод был основан в 1743 году, бумажная фабрика строилась в середине XVIII века. Предприятия обветшали и морально устарели. Производство нужно было мо-

дернизировать. Такого рода деятельность была хорошо знакома Ланской по службе ее мужа в должности управляющего Александровской мануфактурой. Производство стекла, как и бумаги, тогда было также перспективным и быстро развивающимся направлением²⁵. Самой сложной и дорогостоящей была модернизация главного предприятия имения — Готовужской бумажной фабрики. Ланская продала свое тамбовское имение (подарок Павла I) Н. А. Челищеву и приобрела в 1819 году в рассрочку на шесть лет имение у баронессы Иксуль. Залогом послужило само приобретаемое имение. Для переоборудования бумажной фабрики требовались значительные суммы. Не только сами бумагоделательные машины, но и большинство деталей для них были уникальными. Значительно усложняло дело то, что многие механизмы должны были работать в агрессивной химической среде. Ланская не смогла взять нужный ей кредит в государственном банке на длительный срок под приемлемые проценты из-за отсутствия необходимых залогов. Компетентные оценочные отделы появились в банках позднее, а тогда залогом оценивали по старинке: по числу душ крепостных и десятин земли. Елизавета Ивановна была вынуждена занимать деньги у частных лиц под залог оставшейся у нее недвижимости в Петербургской и Псковской губерниях, а также под поручительство своего брата Григория Ивановича Вилламова, состоявшего тогда секретарем при императрице Марии Федоровне, и родственников покойного мужа. Займы были краткосрочными и иногда с повышенным кредитным процентом. Ланская заняла в общей сложности около двух миллионов рублей. По ее подсчетам, с началом получения готовой продукции можно было постепенно погасить все долги. Управляющий Готовужским имением майор Вестенрик²⁶ оказался деятельным помощником Елизаветы Ивановны. Фабрика заработала, но расчеты Ланской не оправдались. Европейские производители в деле технического перевооружения промышленности были на шаг впереди российских. В Россию хлынул поток импортной бумаги. В 1819 году Федором Ивановичем Вистингаузеном была запущена и отечественная казенная Петергофская бумажная фабрика с новейшим оборудованием²⁷. Это обрушило цены на бумагу вну-

три России. Приблизительно так же обстояло дело и со стеклом. Правительство не поддержало отечественного производителя введением пошлин. Так, на ввоз в Россию готовых изделий из стекла действовала символическая пошлина 1%. Для производства стекла использовался поташ, который вывозился из России. Экспортная пошлина составляла в зависимости от сорта не более 4%. Массовый вывоз поташа привел к повышению внутренних цен на это сырье²⁸. Отечественные производители терпели убытки, некоторые из них разорялись.

Несмотря на неблагоприятные условия, Ланской удалось создать рентабельные и хорошо оснащенные предприятия. Прибыль, которую приносила одна только бумажная фабрика, вскоре достигла 70 тысяч рублей в год. Можно было продолжать наращивать производительность, увеличивать прибыль, но получаемые доходы оказались недостаточными для своевременного погашения кредитов. Кредиторы один за другим начали выставлять иски о взыскании долга с Елизаветы Ивановны²⁹. Ланская продала принадлежавшие ей два деревянных дома в Петербурге П. Ф. Малиновскому³⁰, а сама переселилась к младшей дочери Елизавете Сергеевне, по мужу Тютчевой, которая в 1821 году приобрела каменный дом на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (современный адрес: Литейный проспект, д. 23) у иностранки Шарлотты Шульц. Елизавета Ивановна входила в новые долги для погашения старых. По двум кредитам на сумму 20 тысяч рублей был поручителем ее зять Николай Михайлович Тютчев (1797–1830), в то время отставной гвардии штабс-ротмистр³¹. Предпринятые Ланской меры не имели успеха, они лишь немного отсрочили надвигающуюся катастрофу. Уже 17 ноября 1822 года Константин Яковлевич Булгаков (1782–1835) упоминал в письме к брату Александру о банкротстве Ланской³². Собственность несостоятельного должника подлежала описи и продаже с публичных торгов. Елизавета Ивановна приводила разумные доводы, «что внезапная продажа ее имущества по обыкновенной оценке душ и земель влечет за собой непременно гибель для кредиторов ее, вверивших ей последний свой капитал, тогда как имущество сие по источникам промышленности и по лесам, в нем заключаю-

щимся, может доставить уплату всех долгов»³³. Эту точку зрения Ланская отстаивала в письмах в разные инстанции, в том числе и во всеподданнейшем прошении на высочайшее имя. Она предлагала назначить комиссию во главе с сенатором В. И. Болгарским (1771–1848), которая должна была собирать доходы с предприятий и имений и распределять их среди кредиторов пропорционально суммам кредитов. Однако вскоре бароны Иксули отобрали у Ланской бумажную фабрику на том основании, что залогом при покупке имения в кредит было само имение. Управляющий имением Ланской майор Вестенрик передал фабрику мужу бывшей хозяйки отставному штаб-ротмистру барону Я. Б. Иксулю. Позднее то же самое произошло со стекольным заводом и прочими частями имения. Иксули оказались в значительном выигрыше. В конечном итоге они модернизировали и расширили принадлежавшие им ранее и вновь обретенные предприятия за чужой счет. Все было оплачено Ланской и прочими ее кредиторами. Для погашения долгов с аукциона продавалось псковское имение Елизаветы Ивановны, также с молотка продавали движимое имущество: бриллианты, золотые и серебряные изделия, мебель, экипажи и прочее. Вырученные деньги покрывали лишь небольшую часть долгов. Для некоторых кредиторов, вверивших Ланской свои последние деньги в надежде на их приращение, это было катастрофой. В сложной ситуации оказались и ее поручители. Н. М. Карамзин в июле 1823 года писал И. И. Дмитриеву из Царского Села: «Любезнейший друг! Тревога твоего сердца, произведенная письмом Ланской, заставила меня плакать. Не хочу говорить об этой странной женщине...»³⁴ В 1825 году Елизавета Ивановна вновь обратилась с письмом к императору. Она просила выкупить у барона Иксуля закладную на казенные деньги, обратит доход от имения на выплату долгов, а затем либо оставить его в казенном ведомстве, либо продать, но уже по реальной его стоимости. По ее расчетам выходило, что для решения проблем с долгами потребуется не более восьми лет. Прощение Ланской осталось без удовлетворения. Барон Иксуль получал доходы от бумажной фабрики и стекольного завода вплоть до 1861 года. На предприятиях барона работали его кре-

постные, записанные как дворовые. При освобождении их из крепостной зависимости у Иксуля возникли серьезные проблемы. Он просил у правительства особых условий для своего имения, но они не были предоставлены³⁵. Пришлось приостановить предприятия, работавшие ранее непрерывно более ста лет. Позднее Иксуль продал фабрику и завод А. Н. Демидову (князь Сан-Дonato). Предприятия были окончательно закрыты уже в советское время.

Разбирательство с долгами Ланской затянулось на несколько лет. В результате она лишилась всего своего состояния. Многие биографы Елизаветы Ивановны указывают, что остаток дней она провела в бедности. Это не вполне соответствует действительности. В 1827 году в России изменилось пенсионное законодательство. По новым законам Ланская получила право на пенсию за службу мужа. В письме к министру юстиции князю А. А. Долгорукову от 7 февраля 1827 года она просила о содействии в скорейшем оформлении пенсии. Содействие было оказано, но решение вопроса затянулось. Возникло непредвиденное препятствие: не удалось найти ни одного формулярного списка покойного Сергея Сергеевича. По закону формулярный список на своих подчиненных должен был ежегодно составлять начальник. Начальником Ланского в последние 14 лет его службы являлась вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая, по-видимому, не следила за своевременным составлением формулярных списков, а Сергей Сергеевич не решался об этом напоминать. Единственный формулярный список о службе Ланского был составлен в 1828 году, через 14 лет после его смерти. Елизавета Ивановна получила пенсию размером 1500 рублей в год. Пенсия должна была выплачиваться в Петербурге, из чего заключаем, что Ланская продолжала проживать в столице³⁶. Тогда же, в 1828 году, Елизавете Ивановне был назначен еще один пенсион размером 500 рублей в год по духовному завещанию почившей в бозе Марии Федоровны за то, что Ланская (тогда еще Вилламова) «состояла при великих княжнах». Итак, получаемая ею пенсия в сумме составила 2000 рублей в год. На эти деньги вполне можно было жить если не роскошно, то, во всяком случае, безбедно.

Седьмого февраля 1830 года Ланская подала прошение в Цензурный комитет Министерства внутренних дел о разрешении на издание сборника ее сочинений на французском языке, а 9 февраля ее брат Григорий Вилламов обратился к К. М. Бороздину (1781–1848) с ходатайством об ускорении пропуска этой книги в печать. Цензором назначили О. И. Сенковского (1800–1858), и разрешение вскоре было получено. В русском переводе название книги звучало так: «Литературная смесь, обращенная к снисходительности». Книга выходила отдельными выпусками с 1-го по 8-й ежемесячно, из которых составилось два тома, включавших прозу, поэзию и комедии в стихах. В документах Цензурного комитета сборник Ланской называли «повременным изданием», имея в виду, что сборник будет состоять из отдельных выпусков, выходящих в разное время. Кто-то из чиновников, по видимому, решил, что речь идет о журнале, и дело, заведенное в комитете, получило заголовок: «Об исходатайствовании дозволения на издание тайной советнице Е. И. Ланской, урожденной Вилламовой, журнала на французском языке»³⁷. Так появился миф о том, что Елизавета Ивановна будто бы намеревалась издавать журнал, составила его программу, но не осуществила задуманного (III, 517). Издание книги отдельными выпусками было удобно для Ланской в финансовом отношении: продажа первых выпусков доставляла средства для печати последующих. Издание нового журнала было делом очень затратным и не предполагало получения скорой прибыли. Для Ланской в то время это было невозможно.

Составившие сборник произведения представляли собой парафраз на темы и сюжеты, популярные в литературе конца XVIII – начала XIX века. Среди современников Елизавета Ивановна пользовалась репутацией детской писательницы в силу своей установки быть «рассказчицей», «сказочницей» и пересказывать, адаптировать известные во «взрослой» литературе сюжеты. Французский язык Ланской отличался высоким уровнем и одновременно некоторой архаичностью, которая объясняется не только особенностями бытования языка в чужой и замкнутой среде, но также и тем, что многие произведения были написаны, вероятно,

задолго до их публикации. По-видимому, значительная часть сборника относилась к периоду, когда Елизавета Ивановна служила в Императорском воспитательном обществе и при великих княжнах.

Ланская была в дружеских отношениях со многими известными литераторами своего времени. Выше упоминались Г. Р. Державин и И. И. Дмитриев. Князь И. М. Долгоруков (1764–1823) посвятил Ланской несколько страниц книги «Капище моего сердца», отмечая ее высокие душевные качества³⁸. С первой женой Долгорукова Евгенией Сергеевной, урожденной Смирновой (1770–1804), смолянкой 4-го выпуска 1785 года, Елизавета Ивановна была хорошо знакома по Императорскому воспитательному обществу и дружила с юности. Ланская состояла в переписке с Долгоруковым более 30 лет. Писательница Софья Шердей посвятила Ланской двухтомное сочинение «Сказки и анекдоты» на французском языке³⁹. Около 1833 года Ланская переписывалась с князем В. Ф. Одоевским (1804–1869), которого называла «любителем изящного, талантами отличными украшенным»⁴⁰.

О последних годах жизни Ланской пока ничего не известно. Дату ее смерти узнаем из дневника М. А. Корфа (1800–1876), который 8 октября 1847 года сделал запись: «Умерла на 80-м году тайная советница Елизавета Ивановна Ланская...»⁴¹.

Примечания

- ¹ *Дмитриева Е. Е.* Ланская Елизавета Ивановна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. С. 288–289.
- ² ЦГИА СПб. Ф. 708. Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра. Оп. 1. Д. 48. Переписка о приглашении Иоганна Готтлиба Вилламова на должность инспектора училища св. Петра и об увольнении его с этой должности в отставку в 1771 г.; Д. 49. Докладные записки инспектора школы Вилламова на предложения членов церковного совета о переходе школы на самооплачиваемость, об уничтожении школьного пансионата, об учебных планах и прочее.
- ³ В официальных списках выпускниц Императорского Воспитательного общества Елизавета Вилламова отсутствует.
- ⁴ Автор благодарит потомка рода Вилламовых Нину Вячеславовну Новикову за сообщенные сведения.

- 5 РГИА. Ф. 472. Канцелярия министерства императорского двора. Оп. 1. Д. 622. О назначении пенсионов по духовному завещанию блаженной памяти императрицы Марии Федоровны. Л. 4.
- 6 *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 84.
- 7 Скорее всего, венчание было между Успенским и Рождественским постами 1796 г., т. е. в сентябре–октябре. В сохранившемся экземпляре метрической книги придворной церкви Зимнего дворца утрачены листы с записями за этот период.
- 8 РГИА. Ф. 1405. Министерство юстиции. Оп. 26. Д. 4673. Дело по прошению вдовы сенатора С. С. Ланского Е. Ланской о назначении ей пенсии за мужа. Л. 15.
- 9 РГИА. Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената. Оп. 1. Д. 393. Переписка по поводу назначения пожалованных разным лицам земель. Л. 21, 51, 108; Д. 394. Копии высочайших указов о пожаловании имений разным лицам. Л. 14 об.
- 10 РГИА. Ф. 805. Канцелярия заведующего придворным духовенством. Оп. 2. Д. 31. Метрическая книга собора Зимнего дворца. Л. 65.
- 11 РГИА. Ф. 1329. Именные указы и высочайшие повеления Сенату. Оп. 3. Д. 261. Копии с именных указов, сообщенные из разных присутственных мест и должностных лиц: с апреля по июль 1799 года. Л. 139 об.
- 12 *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М., 1997. С. 210.
- 13 ЦГИА СПб. Ф. 19. Петербургская духовная консистория. Оп. 111. Д. 125. Метрические книги церквей СПб. 1799 г. Л. 217 об.
- 14 РГИА. Ф. 758. Опекунский совет ведомства учреждений императрицы Марии. Оп. 7. Д. 40. Об определении почетным опекуном камергера Сергея Ланского. Л. 1–2.
- 15 ОР РНБ. Ф. 682. Селифонтов Н. Н. Оп. 1. Д. 387. Письма Куткина Селифонтову. Л. 1–3.
- 16 ОР РНБ. Ф. 143. Вилламов Г. И. Оп. 1. Д. 239. Письмо графа А. Р. Воронцова С. С. Ланскому. Л. 1.
- 17 ЦГИА СПб. Ф. 19. Петербургская духовная консистория. Оп. 111. Д. 137-2. Метрические книги церквей СПб. 1804 г. Л. 317.
- 18 РГИА. Ф. 759. Собственная ЕИВ канцелярия по учреждениям императрицы Марии. Оп. 6. Д. 1141. Письмо Вольфа И. Ф. Ланской (урожд. Вилламовой) Е. И., о состоянии здоровья ее мужа камергера С. С. Ланского. Л. 1; ОР РНБ. Ф. 143. Вилламов Г. И. Оп. 1. Д. 152. Письмо Е. И. Ланской И. Ф. Вольфу. Л. 1–2.
- 19 РГАЛИ. Ф. 51. Баратынские. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–75. Письма Е. Ланской к А. Баратынской на французском языке. Имеются приписки на русском, адресованные мужу Баратынской Абраму Андреевичу (л. 4 об.–5, 38–38 об., 63–64). На л. 55 приписка сестры Ланской Анны Ивановны.
- 20 Там же. Л. 11.

- 21 РГИА. Ф. 1400. Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции. Оп. 2. Д. 69, О предоставлении должностей, повышений в чине, отпусках, пособиях. Л. 47–47 об.
- 22 ОР РНБ. Ф. 143. Вилламов Г. И. Оп. 1. Д. 152. Письмо Е. И. Ланской И. Ф. Вольфу. Л. 1–2.
- 23 Петербургский некрополь: в 4 т. / сост. В. И. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 608.
- 24 См. о ней: *Дзюбанов С. Д.* «Опасные связи (Г. Р. Державин и фрейлина Квашнина-Самарина) // Державин и его время. СПб., 2017. Вып. 12. С. 80–90.
- 25 Племянник Державина Л. Н. Львов в эти годы строил завод по производству бемского стекла в Тверской губернии.
- 26 См. о нем: РГИА. Ф. 468. Кабинет его императорского величества. Оп. 43. Д. 323. Дело о военной службе капитана Вестенрика и о пожаловании ему за заслуги арендной дачи в Лифляндии.
- 27 *Связев И. И.* Краткое описание императорской бумажной фабрики в Петергофе. СПб., 1819. С. 10.
- 28 РГИА. Ф. 16. Отделение мануфактур экспедиции государственного хозяйства Министерства внутренних дел. Оп. 1. Д. 166. Дело по прошению владельцев стекольных заводов о запрещении ввоза из-за границы стеклянных изделий или увеличении ввозной пошлины.
- 29 РГИА. Ф. 1151. Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. Оп. 2. 1830 г. Д. 176. О продаже с публичного торгового заложения тайной советницей Ланской надворному советнику Горяинову имения в Псковской губернии. Л. 1–11; Ф. 1263. Комитет министров. Оп. 1. Д. 373. Приложения к журналам, июнь 1824. Л. 240; Д. 414. Приложения к журналам, февраль 1825. Л. 255–256; Д. 419. Приложения к журналам, июль 1825. Л. 76, 136–138; Ф. 1348. Оп. 51. Д. 834. О претензии коллежского секретаря Передкова на тайную советницу Ланскую. Л. 1–18; Д. 1436. Генерала от инфантерии Балашова с тайной советницей Ланской о денежной претензии. Л. 1–35; ЦГАМ. Ф. 16. Канцелярия московского генерал-губернатора. Оп. 9. Д. 219. Дело 1831 г. Кредиторами Ланской были: баронесса Икскуль, генерал от инфантерии А. Д. Балашов, чиновник 6-го класса Лачинов, действительный статский советник А. Ф. Негри, иностранец Брокет, коллежский секретарь И. И. Передков, часовой мастер Иосиф Гейс, титулярный советник Кистер, мещанин Эйзлер, графиня Завадовская, надворный советник Горяинов, тайный советник граф Мусин-Пушкин-Брюс, придворный музыкант И. Руссо, князь М. А. Дондуков-Корсаков, отставной унтер-офицер Мерлини и др.
- 30 *Иванов А. А.* Дома и люди: из истории петербургских особняков. СПб., 1997. С. 446.
- 31 Автор благодарит Д. В. Радченко за сведения, сообщенные о семье Тютчевых.
- 32 Из писем К. Я. Булгакова к брату его // Русский архив. 1903. № 3. С. 321.

«Не хочу говорить об этой странной женщине...»

- 33 РГИА. Ф. 1263. Комитет министров. Оп. 1. Д. 373. Приложения к журналам, июнь 1824. Л. 240.
- 34 *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 355.
- 35 РГИА. Ф. 583. Оп. 6. Д. 387. По всеподданейшей просьбе барона Иксуля о назначении ссуды. Л. 1–14.
- 36 Домашний адрес Ланской в те годы нам неизвестен. В петербургском доме Тютчевых Елизавета Ивановна прожила только около трех лет. 24 ноября 1824 г. Елизавета Сергеевна Тютчева продала дом на Литейном проспекте генерал-майору П. А. Клейнмихелю (1793–1869) за 80 тысяч рублей, а семья выехала в Москву.
- 37 РГИА. Ф. 777. Петербургский цензурный комитет Министерства внутренних дел. Оп. 1. Д. 1053. О разрешении Е. И. Ланской издавать журнал на французском языке. Л. 1–11.
- 38 *Долгоруков И. М.* Указ. соч. С. 210–211.
- 39 *Contes et anecdotes.* [Т. 1–2] / Par Sophie de S.- Petersburg: à l'imprimerie de l'Administration de la guerre, [Т. 1], 1813. С. 5.
- 40 ОР РНБ. Ф. 539. Одоевский В. Ф. Оп. 2. Д. 689. Письмо Е. И. Ланской Одоевскому. Л. 1–4.
- 41 *Корф М. А.* Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 305.

В. С. Трофимова

Женщины-писательницы — почетные члены «Беседы любителей русского слова»

Самым масштабным литературным обществом из числа возникших в России на рубеже XVIII–XIX веков была «Беседа любителей русского слова», официально учрежденная в 1811 году. Она имела собственный устав, четкую внутреннюю структуру (24 действительных члена, члены-сотрудники и почетные члены), распорядок встреч, как закрытых, так и публичных, а также печатный орган — «Чтения в Беседе любителей русского слова». Среди почетных членов было сначала три, а с 1813 года как минимум четыре женщины.

В 1790-е годы женское литературное творчество в России переживает расцвет: писательницы активно публикуются в журналах, иногда издают свои сочинения отдельными сборниками. К женскому сочинительству не всегда относились благосклонно. Право женщин заниматься литературой отстаивала Александра Петровна Мурзина¹. В стихотворении «К читателям», опубликованном в сборнике ее произведений «Распускающаяся роза, или Разные сочинения в стихах и прозе», она обрушивается на критиков, которые считают женщин глупее мужчин:

Но более тому
Я слушая дивилась,
Что к полу моему
Сатира вся клонилась;
Как будто женский пол
Жизнь в мраке провождает;
Мущина ж, презря дол,
Умом в звездах летает².

Женщины-писательницы — почетные члены «Беседы любителей русского слова»

Поэтесса обличает мужское распутство, притворство и поверхностность суждения и в поисках справедливости взывает к Господу:

Ужель премудрый Бог
Имел в своем совете,
Чтобы мущина мог
Один судить о свете?³

Лучшим примером наделенной умом женщины в стихотворении названа императрица Екатерина II, которая также занималась литературным творчеством:

Из опыта всем видно,
Что в женщинах ум есть,
Сия небес награда;
Пример могу привести:
Се Российская Паллада!⁴

Мурзина признает, что и среди мужчин, и среди женщин есть как просвещенные люди, так и невежды, и завершает свое рассуждение словами о том, «Что смертных род Творец / Во всех дарах равняет»⁵.

Право на литературное творчество женщин признавали и в «Беседе любителей русского слова». Изначально ее почетными членами были три писательницы — княжна Екатерина Сергеевна Урусова, выступившая в печати еще в 1770-е годы, Анна Алексеевна Волкова, публиковавшаяся с 1794 года и Анна Петровна Бунина — с 1799 года. А. С. Шишков 9 марта 1811 года получил от А. П. Буниной письмо, «изъявляющее признательность... Беседе за избрание ее в почетные члены»⁶. Спустя месяц, 11 апреля, благодарственное письмо от княжны Е. С. Урусовой пришло Г. Р. Державину⁷. А. А. Волкова предпочла облечь благодарность «Беседе» в стихотворную форму. Ее «Стихи к Беседе любителей русского слова» хотя и не прозвучали на первом открытом заседании общества 14 марта 1811 года, были напечатаны в первом выпуске «Чтений в Беседе»⁸. Волкова вслед за Мурзиной поднимает «женский вопрос»:

В сем храме юноши и жены
Бессмертия вкушают плод.
Не так, как гордые масоны,
Что нас нескромными зовут,

Беседы наши за препоны
В таинственных работах чтут,
Пол женский слабым почитают
Не только телом, но умом...

Поэтесса делает недвусмысленный выпад против масонских лож, закрытых и недоступных для женщин. В противоположность масонам, члены «Беседы»

<...>дозволяют
Нам так же действовать пером;
На тихие ума забавы
Они нам право здесь дают
И нас с собой к жилищу славы
Стезей цветущею введут.

В этот же выпуск журнала вошли стихи княжны Урусовой «К Творцу Кадма»⁹, написанные на смерть поэта М. М. Хераскова.

Деятельность «Беседы» получила одобрение вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Ей был поднесен первый номер «Чтений», и она пожелала иметь их и впредь¹⁰. Учитывая, что в этом номере были напечатаны стихи Урусовой и Волковой, можно предположить, что Мария Федоровна одобряла активное участие дам в работе «Беседы».

Первым женским сочинением, прозвучавшим на открытом для публики заседании «Беседы» 26 мая 1811 года, было «Послание к Леону» (или «Эпистола к Леону») А. П. Буниной, которое прочел А. С. Шишков. Именно сочинения Буниной вызывали наибольший отклик у читателей и слушателей. Д. И. Хвостов отметил, что в ее «Послании» «слог жесткий и щеголеватый, но есть не худые стихи»¹¹. Это было единственное сочинение А. П. Буниной, напечатанное в «Чтениях» под ее именем. Поэму «Падение Фаэтона», присланную в «Беседу» как сочинение неизвестного¹², читал в отредактированном виде на открытом заседании 11 ноября 1811 года И. А. Крылов. Поэтесса была возмущена правкой ее текста, в результате которой пропали целые фрагменты поэмы; в следующем году она опубликовала авторский вариант «Падения Фаэтона»¹³. Следующее стихотворение Буниной — идиллия «Счастливый Меналк» — было прочитано в «Беседе» через несколько лет, 22 февраля 1815 года, и напечатано в 19-й книге «Чтений» без имени автора¹⁴.

Несмотря на негативный опыт А. П. Буниной, Е. С. Урусова и А. А. Волкова продолжали отправлять свои сочинения в «Беседу» и печатать их под собственными именами. Так, 23 марта 1812 года на открытом заседании общества, собравшем «посетителей обоюбого пола до 300 человек», было прочитано стихотворение княжны Урусовой «К моему гению»¹⁵, а 4 мая — стихотворение «Чувство при наступлении весны» А. А. Волковой. Ее же «Гимн Славе» слушали 7 января 1814 года; на февральском заседании — «Песнь благодарственную Богу при чтении Манифеста, изданного декабря 6 дня 1813». Все эти произведения были опубликованы в «Чтениях в Беседе любителей русского слова». Возможно, там печаталась и поэтесса А. А. Турчанинова¹⁶. В 1813 году почетным членом «Беседы» стала Елизавета Ивановна Ланская¹⁷, дочь немецкого поэта и переводчика И. Г. Вилламова.

К середине 1820-х годов слава А. П. Буниной, Е. С. Урусовой и А. А. Волковой достигла Европы. В 1823 году Э. Дюпре де Сен-Мор упоминает этих трех поэтесс в предисловии к «Антологии русской поэзии»¹⁸, особо выделяя Бунину как автора трехтомного поэтического сборника и как переводчицу «Поэтического искусства» Н. Буало. В те же годы А. П. Бунина и А. А. Волкова становятся известны в Великобритании. Их имена появляются в статье о русской литературе в журнале «Вестминстерское обозрение» за 1824 год, которая была перепечатана в лондонской газете «Литературная хроника» (1824. № 246. 31 янв.). В публикации отмечают «разнообразные красоты» «Падения Фаэтона» Буниной и выражается надежда, что интеллектуальное развитие женщин постепенно смягчит деспотизм в России. В 1830 году в одной из гамбургских газет было напечатано известие о кончине Анны Петровны Буниной — первой профессиональной русской поэтессы.

Примечания

- ¹ Степанов В. П. Мурзина Александра Петровна // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. Л. / СПб., 1988–2010. Вып. 2. К–П. С. 314–315.
- ² Мурзина А. П. Распускающаяся роза, или Разные сочинения в прозе и стихах. М., 1799. С. 46.

- 3 Там же. С. 48.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 49.
- 6 *Десницкий В.* На литературные темы. Л., 1936. Кн. 2. С. 205.
- 7 Там же. С. 208.
- 8 *Волкова А.* Стихи к Беседе любителей русского слова // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1811. Кн. 1. С. 82–85.
- 9 *Урусова Е.* К Творцу Кадма // Там же. С. 78–81.
- 10 См.: *Десницкий В.* На литературные темы. С. 207.
- 11 *Морозова Н. П.* О хронологии заседаний литературного общества «Беседа любителей русского слова» // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2010. Вып. 6. С. 61.
- 12 *Десницкий В.* На литературные темы. С. 214.
- 13 См.: *Бунина А. П.* Неопытная муза Анны Буниной: в 2 ч. СПб., 1809–1812. Ч. 2. С. 77–131.
- 14 [*Бунина А. П.*]. Счастливый Меналк. Идиллия // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1815. Кн. 19. С. 53–58.
- 15 Там же. С. 218.
- 16 *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 252.
- 17 О ней см. статью С. Д. Дзюбанова в наст. изд.
- 18 Dupré de Saint-Maure. Anthologie russe. Paris, 1823. P. XXXVII.

В. И. Симанков

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабывтое издание графа Д. И. Хвостова

К периодическим изданиям конца XVIII века, не часто привлекавшим внимание исследователей, можно отнести петербургский журнал «Новости», четыре книжки которого выходили с мая по октябрь 1799 года¹. Основные сведения о нем содержатся в «Историческом разыскании» А. Н. Неустроева² и работах Н. М. Петровского³. Издателем журнала был молодой литератор, «коллегии-юнкер» Петр Иванович Голубков⁴.

Трудно сказать, как 18-летний юноша и автор нескольких стихотворений, опубликованных в московском журнале «Приятное и полезное препровождение времени» за 1797 год⁵, мог стать редактором журнала, в котором помещали свои сочинения такие поэты, как Г. Р. Державин и В. В. Капнист. Анализ содержания журнала «Новости» показывает, что главным вдохновителем и участником этого издания был граф Д. И. Хвостов. С прекращением выхода «Новых ежемесячных сочинений», где было помещено множество его сочинений⁶, графу фактически стало негде печататься. Повидимому, в какой-то момент он понял, что лучше издавать свой собственный журнал, чем мыкаться по чужим, но поскольку дело это чрезвычайно хлопотное и совсем не графское, тут-то ему и потребовался «Голубков». Журнал «Новости», претендовавший на публикацию исключительно новых сочинений, просуществовал недолго — всего четыре месяца. Последний номер обрывается на полуслове, и причины остановки «Новостей» нам неизвестны. Через три года Д. И. Хвостов еще раз соберет вокруг себя друзей и приступит к выпуску нового журнала — «Друг просвещения» (1804–1806). В литературе принято недооценивать это издание, но иногда в нем появлялись довольно ценные материалы (например, публикации

неизвестных стихов Ломоносова и проч.)⁷. «Друг просвещения» представляет собой своего рода собрание сочинений Хвостова, поскольку на страницах этого журнала мы находим перепечатки или переделки стихов, впервые опубликованных Дмитрием Ивановичем в журналах «Покоящийся трудолюбец», «Лекарство от скуки и забот», «Новые ежемесячные сочинения», «Новости» и др.

В специальной литературе внимание к «Новостям» было незначительным. Пожалуй, единственный серьезный вкладчик в изучение истории петербургского журнала — казанский филолог и библиограф Н. М. Петровский (1875–1921)⁸. Ему удалось раскрыть значительное число анонимных и криптонимных материалов, напечатанных на страницах «Новостей»⁹. Впоследствии появлялись работы, в которых было установлено происхождение того или иного сочинения, однако находки эти носили локальный характер и не были приведены в систему. Впрочем, идеальной системы здесь и не выстроить. Дело в том, что материалы, представленные нами далее, неизбежно наводят на мысль о существовании треугольника: «Новости» (1799) — «Аониды» (1799) — «Иппокрена» (1799). Легко заметить, что часть авторов «Новостей» явно перешла из «Иппокрены» П. А. Сохацкого, другая же часть печаталась и в «Новостях» Д. И. Хвостова, и в «Аонидах» Н. М. Карамзина, публикуя в обоих изданиях одни и те же сочинения. Как такое случилось — можно лишь строить догадки. Так, в 1799 году одним из кураторов Московского университета был П. И. Голенищев-Кутузов. Он анонимно печатался на страницах «Иппокрены»¹⁰ и, возможно, именно он, «пользуясь служебным положением», и предоставил Д. И. Хвостову часть молодых сотрудников московского журнала. Посредником же между «Новостями» и «Аонидами» был, вероятнее всего, И. И. Дмитриев. Примечательно, что Н. М. Карамзин в одном из писем к другу (от 25 июня 1799 г.) просил его прислать журнал «Новости»¹¹, подписчиком которого тот являлся. Другим посредником между «Новостями» и частью авторов был, вне всякого сомнения, Г. Р. Державин. В журнале принимали участие около 30 человек, в том числе А. В. Храповицкий, В. В. Капнист, И. М. Долгоруков, А. А. Шаховской, Н. Р. Политковский, А. А. Писарев и др. Ниже приводится полная роспись содержания журнала

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

с восстановлением авторства тех или иных анонимных или криптонимных публикаций, а также — если речь идет о переводах — с указанием выявленных источников (знаком → отмечается издание, к которому восходит тот или иной текст посредством перевода, перепечатки или модификации, а знаком = обозначается реальный источник, т. е. издание, с которым непосредственно работал русский переводчик).

НОВОСТИ.

Ежемесячное издание на 1799 год / [изд.: П. И. Голубков]
СПб.: Тип. Гос. Мед. Колл., 1799. Кн. 1 (Май) —
4 (Авг.)

Кн. 1. МАЙ

[П. И. Голубков]. Предупреждение от издателя. — С. 3–4.

I. [Д. И. Хвостов (?)]. Мысли, почерпнутые из псалма [XLIV]: *отрыгну сердце мое слово благо*. На случай участия в войне против французов Императора Всероссийского («Восторгом духа возбужденны...»). — С. 5–10.

Возможно, автором «Мыслей...» был Д. И. Хвостов, поскольку и кн. 2–4 «Новостей» открываются его духовными одами. С точки зрения «поэтики заглавий» ср.: *Хвостов Д. И.* Мысли, почерпнутые из пророка Исаяи // Журнал древней и новой словесности. 1819. Ч. 5. № 5. С. 9–13; *Он же.* Подражание псалму XLIV: *отрыгну сердце мое слово благо*. На день священного коронования и миропомазания Его Величества Государя Императора Николая Павловича, в Москве 1826 г. августа. СПб., 1826.

II. [Г. Р. Державин]. По случаю отбытия Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского из Санкт-Петербурга 1799 г. февраля дня («Носитель молнии и грома...»). — С. 11–12.

Напеч. в новой ред. с подписью автора в «Аонидах» (1799. С. 208–210).

Восторженный отклик см.: *Каченовский М.* Чувство по прочтении Орла («Полнощный Оссиян¹² едва коснулся лире...») // Иппокрена. 1799. Ч. 3. № 58. С. 96.

Грот 1883, 454; *Петровский* 1898, 106. См. также: *Грот* 1865, 240.

III. **[В. В. Капнист]**. Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому («Пространную обшед Вселенну...») / В. Капнист. — С. 13–14.

Вторая ред. с подписью автора и загл.: «Графу Суворову-Рымникскому на прибытие Его в Санктпетербург 1799 года, февраля дня» напеч. в «Аонидах» (1799. С. 211–213), третья («Ода на отъезд в Италию Графа Суворова Римникского, 1799 года») — в «Лирических сочинениях Василия Капниста» (СПб., 1806. С. 74–76).

Еще одна, не атрибутированная В. В. Капнисту, публикация: Подражание Горациевой оды. *Solvitar aevus hyems grota vice venis et fovori [= Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni]* («Уж дни весенни возвратились...») / [В. В. Капнист] // Друг просвещения. 1806. Ч. 1. № 3 (Март). С. 229–231¹³.

IV. **Май** («Пришел по светлости эфира...»). — С. 15–16.

V. **Баснь**. Две волны («Бореи море взволновали...»). — С. 17.

VI. **[Тимковский И. Ф.]**. Весть («Не даром сердце тосковало...») / И-я Тмквск. — С. 18–21.

Стихотворение написано на смерть Федора Назарьевича Тимковского (1739–1790), отца автора. Вторая ред.: Печальная весть («Не даром сердце тосковало...») / И-я Т...кий // Новости русской литературы. 1804. Ч. 12. № 90. С. 188–191¹⁴. Под названием «Сетование об отце» перепечатано без первых двух строф в кн.: Новый способ наставления малолетних детей, сочинение г. Жанлис. Орел, 1816. (Пенз. разр. 12 апр. 1810). Ч. 2. С. 187–189 (разд. «Поэмы исторические и моральные в пользу воспитания детей и юношества», составленный главным образом из произведений «наших отечественных стихотворцев»¹⁵).

VII. **[Карабанов П. М.]**. На рождение в 10-й д. ноября 1798 г. («Супружеской любви лобзая первый плод...») / П. К. — С. 22–23.

Напеч. в новой ред. под названием «Приношение Марине Дмитриевне, перворожденной дочери Их Превосходительства Дмитрия Львовича и Марии Антоновны Нарышкиных, при крещении ея в 10 день Ноября 1798 года («Супружеской любви лобзая первый плод...») в кн.: Стихотворения Петра Карабанова. СПб., 1801. С. 242. См. также: Стихотворения Петра Карабанова. СПб., 1812. Ч. 1. С. 292.

VIII. **[Долгоруков И. М.]**. Песня («Все со временем проходит...»). — С. 24.

В несколько измененном виде в кн.: «Любовное волшебство. Опера в трех действиях. Сочинил кн. Иван Михайлович Долгоруков». (М., 1799. С. 60–62); «Бытие

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукаго» (М., 1802. С. 355–356).

IX. Ермилу Ивановичу Кострову («Костров переводя божественна Гомера...»). — С. 25.

Перепеч. в кн.: Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. СПб., 1802. Ч. 1. С. 203.

X. На день рождения. [Посвящается] С. К. К. («На крыльях белоснежных...»). — С. 25–26.

XI. [Озеров В. А.] Ода Г. Р. Д. на случай получения ордена Св. Анны I-й степени («Сей дух, которым ты Д***...»). — С. 27–29.

Напеч. в новой ред. в кн.: Сочинения В. А. Озерова. СПб., 1817. Ч. 1. С. 122–124. Автограф с подписью: «От истинного почитателя стихов и особы его превосходительства Владислава Озерова» в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 25. Л. 67–68)¹⁶.

Атрибуция «Оды» в «Новостях»: *Грот* 1883, 507; *Петровский* 1898, 106.

XII. [Хвостов Д. И.] Стихи Государю Императору на взятие крепости Бретчио у французоз («Узнали ныне вы, о галлы дерзновенны...»). — С. 30–32.

Отд. издание: Стихи Государю Императору, на взятие крепости Бретчио у французоз. [СПб., 1799]. [3] с. 4^о. «Автор установлен на основании автографа Г. Р. Державина на экземпляре ГПБ. Его рукой в конце стихотворения подписано: Дмитрий Хвостов» (СК XVIII Т. 3. С. 328 (№ 7948). Рукописная копия «Стихов...» в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 25).

XIII. [Карабанов П. М.] Мысль Метастазия («Иногда моей прекрасной...»). — С. 33.

Перепеч. в кн.: Стихотворения Петра Карабанова. СПб., 1812. Ч. 1. С. 224.

Атрибуция П. М. Карабанову: *Петровский* 1907, 357.

XIV. К прекрасной («Ты Венера — красотою...»). — С. 3.

XV. [Хвостов Д. И.] Отрывок («Я мыслил о себе, что я стихи плету...»). — С. 34–35.

Вторая ред.: На победы 1799 года («Я мыслил о себе, что я стихи плету...») / Г. Д. Хвостов // Друг просвещения. 1804. Ч. 4. № 12 (Дек.). С. 231.

Подробнее см.: *Виницкий*, 78. Рукописная копия стихов в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 25).

XVI. **К богине Венере** («Везде с тобою мир; где ты Богиня — там...»). — С. 35–36.

Возможно, в стихотворении слышны отголоски гимна Венере, открывающего книгу Лукреция «О природе вещей». Ср. также: *Imitation de Lucrèce. Ode Anacréontique / Par M. Masson de Morvilliers // Almanach des Muses. Année 1781. Paris, [1780]. P. 145–146.*

[Проза]

XVII. **Разговор мертвых.** Софист и сапожник. — С. 37–42.

XVIII. **Письмо к издателям / Смоленской губернии в г. Красном г. Реров.** — С. 43–55.

Продолжение, обрывающееся на полуслове, опублик. в кн. 4. С. 346–[?].

Из числа участников «Новостей» смоленскими уроженцами были А. В. Храповицкий¹⁷ и А. А. Шаховской, С. Н. Глинка. Автор письма выражает надежду, что кроме почитаемого всеми Державина издатель журнала «упросит сообщать свои сочинения и других авторов», которые «прекрасными стихотворениями украшают Парнас наш», не позабыв «сочинителя сказочки Модная жена», т. е. И. И. Дмитриева.

Автор «Письма к издателю» оставил также следующее сообщение о своих литературных сочинениях, так, впрочем, и не увидевших свет на страницах «Новостей»: «Находится у меня древняя польская рукописная новость, под названием: *Читай безделки, жди беды*: то я, переведа оную, вам сообщаю тем более, что как быль сия другое столетие в Польше известна, и рукопись, по тамошним местам переходя из рук в руки, слывет и поднесь *Новость*; то и по праву уже одинакого названия имеет место в издании вашем...». К сожалению, невозможно разгадать все намеки автора, поскольку не вполне понятно, о каком сочинении здесь идет речь.

Переводы

XIX. **Гимн божеству** (с аглинского). («Воспряни, душа моя, на крыльях Серафимов...») / [пер. В. И. Созонович]. — С. 55–67.

= An Hymn to the Supreme Being. In Imitation of the 104th Psalm (“Arise, my soul! on wings seraphic rise!..”) / Blacklock [= Thomas Blacklock, 1721–1791] // *Elegant Extracts* <...>. London, 1791. Vol. 1. P. 13–14¹⁸.

→ An Hymn to the Supreme Being. In Imitation of the CIV. Psalm (“Arise, my soul! on wings seraphic rise...”) // *Poems on Several Occasions / By Thomas Blacklock, Student of Philosophy in the University of Edinburgh. Edinburgh: Printed by Hamilton, Balfour and Neill, 1754. P. 8–15¹⁹.*

Вторая, более исправленная ред. перевода: Гимн божеству / с аглинского Василий Созонович // *Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 41. С. 209–220.*

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

В «Иппокрене» в 1799 г. был помещен еще один перевод В. И. Созиновича. См.: Геба / Перевел с иностранного языка В. Созинович // Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 43. С. 241–247. = Hébé // Le Panthéon, ou les figures de la fable, dessinées par M. Gois <...> et gravées par Simon; avec leurs historiques par M. Sylvain Maréchal. [Paris, 1787]. P. 27–32²⁰.

[XX]. **Сошествие** Одина. Извлеченное из Нордских песней. Подлинник находится в творениях Барфолина под заглавием: Причины презирают смертью. Копенгаген, 1689, в 4 / пер. П...ъ Ль...ъ [П. Ю. Львов]. — С. 67–74.

= Ode VIII. La descente d'Odin tiré de la langue norse. L'original se trouve dans l'ouvrage de Bartholinus intitulé de causis contemnendæ mortis in 4° à Hafnia 1689 // Les Poésies de Mr. Thomas Gray traduites en François par Mr. D. B. [= Du Bois]. Londres, 1797. P. 102–110.

“Les Poésies de Mr. Thomas Gray” (1797) представляет собой билингву, в которой английский оригинал сопровождается французским прозаическим переводом. Можно предположить, что именно этим изданием пользовались многие русские переводчики, обращавшиеся к творчеству Томаса Грея, в частности А. А. Мусин-Пушкин и П. И. Голенищев-Кутузов.

[XXI]. **Роковые** сестры. Подражание языку нордскому. Подлинник сей частицы находится в Оркадах Фермодия Торсея. Копенгаген, 1697 / пер. П...ъ Ль...ъ [П. Ю. Львов]. — С. 75–80.

= Ode VII. Les Fatales Sœurs. L'original de cette piece imitée de la langue Norse se trouve dans les Orcades de Thermodus Torfæus in-folio à Hafniæ 1697. & dans Bartholinus // Les Poésies de Mr. Thomas Gray traduites en François par Mr. D. B. [= Du Bois]. Londres, 1797. P. 90–101.

VIII. [XXII]. **Алкандр** и Септимий. История, взятая из сочинений доктора Голдшмита. Пер. с франц. / [пер.] Т. В. Тула. — С. 81–92.

= Alcandre & Septimius, histoire tirée des essais du docteur Goldsmith, auteur du *Vicaire de Wakefield* / (Par M. de Larival) // Mercure de France. 1787. № 13 (31. Mars). P. 202–208. [Перепечатка: L'Esprit des Journaux. 1787. Juin. P. 223–228].

→ The Story of Alcander and Septimius. Translated from a Byzantine historian / [By O. Goldsmith] // The Bee. 1759. № 1²¹.

Кн. 2. Июнь

I. [**Хвостов Д. И.**]. Гимн Богу. — 1796-го Декабря 5 дня («Пою всех дышащих Творца...»). — С. 95–97.

Вторая редакция: Гимн Богу («Пою всех дышащих творца...») / [Д. И. Хвостов] // Друг просвещения. 1806. Ч. 2. № 6 (Июнь). С. 166–168. В перерабо-

танном виде напеч. в «Полном собрании стихотворений графа Д. И. Хвостова» (СПб., 1834. Т. 7. С. 1–2) со следующим авторским примечанием: «Гимн Богу, сочинен 10-го ноября 1796 года и первый раз печатается в полном издании».

См.: *Виницкий*, 93–94.

II. Ода. Время («Крылатый старец и избранный...»). — С. 98–105.

Одноименные стихотворения есть у многих авторов (Д. И. Хвостов, В. И. Майков, М. С. Доброгорский, Н. С. Ильинский, А. И. Голицын и др.), но вопрос об атрибуции этой оды остается открытым.

III. [Вышеславцев М. М.]. Минвана. Отрывок из поэмы Оссиановой («Минвана в горести, в унынии, в разлуке, / С утесистой горы глядит на бездну вод...») / Вшслвцв. — С. 106–109.

Вторая (?) ред.: Минвана. Отрывок из поэмы Оссиановой («С пылающим лицом печальная Минвана / С утесистой горы глядит на бездну вод...») / Вшслвцв. // Аониды. 1799. С. 307–311.

См.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980. С. 157 (№ 44); Поэмы Оссиана / изд. подг. Ю. Д. Левин. Л., 1983. С. 298–299, 560.

IV. Прах чужестранца («Под кровом тихой ночи темной...»). — С. 109–114.

IV. [= V]. На победы графа Суворова («Как лестно, славно, благородно...») / — С. 114–117.

Копия этого стихотворения под названием «Стансы» находится в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 25. Л. 26); см. также: Отчет, 1895, 64. Рукопись помещена между стихотворением «Из небыллицы быть» Ф. П. Львова и «Песней мечты» графа А. А. Мусина-Пушкина²².

V. [= VI.] [Львов Ф. П.]. Ручей («Красавец резвый беспримерный...») / Ф. П. Л. — С. 117–121.

Вторая ред.: Ручей («Красавец резвый, беспримерный...») / Федор Львов // Новости русской литературы. 1802. Ч. 4. № 105. С. 421–424. Третья ред.: Ручей («Красавец резвый, беспримерный...») / Ф. Львов // Чтение в Беседе любителей русского слова. СПб., 1811. Кн. 2, ч. 2. С. 11–14²³.

Перепеч. в кн. Ф. П. Львова «Часы свободы в молодости» (СПб., 1831. Ч. 1. С. 5–8), второе изд., с науч. коммент.: *Львов Ф. П.* Часы свободы в молодости / изд. подг. Е. Ю. Жаровой, М. В. Строгановым. Тверь, 2006. С. 347–350. См. также: *Тимофеев Л. В.* Приют, любовью муз согреть. СПб., 2007. С. 71.

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

VII. **К другу А. А. Ж.** («Кто дал тебе мой друг искусство...») / Сп. Мб. [= ?]. — С. 121–123.

В списке подписчиков на журнал «Новости» указан Александр Александрович Жеребцов. Возможно, он адресат стихотворения. К сожалению, криптоним «Сп. Мб.» раскрыть пока не удалось.

VIII. **[Державин Г. Р.]**. Ода на победы над французами в Италии, одержанная фельдмаршалом графом Суворовым Рымникским 1799 года («Ударь во серебряный, священный...»). — С. 124–126.

Отд. изд.: Ода на победы французов в Италии, фельдмаршалом графом Суворовым Рымникским 1799 году. [СПб., 1799]. [2] с. 2°. В конце текста автор: Державин. Одобрена Санктпетербургской цензурой для напечатания 12 мая 1799 г. (СК XVIII. Т. 1, 280, № 1782).

[Критика]

IX. **[Сиряков И. И. (?)]**. О знаменовании поэта вообще и о достоинстве поэта лирического / С-въ. — С. 127–149.

На основании идейно-тематической и фразеологической близости рассуждения «О знаменовании поэта вообще...» и рассуждения об эпической поэзии И. И. Сирякова в предисловии ко второму изд. переведенной им «Генриады» Вольтера (СПб., 1822. С. I–XLVI) можно предположить, что автором статьи в «Новостях» был И. И. Сиряков²⁴.

Переводы

XI. [= X.] **Меланхолия**. Из Мильтона / пер. [с франц.] Пав. Львов [П. Ю. Львов]. — С. 150–159.

→ Il Pensero de Milton, traduit de l'anglois // Le Paradis Reconquis, traduit de l'anglois, de Milton, avec quelques autres pieces de poësies. Paris: Cailleau [etc], 1730. P. 235–247.

Франц. пер. выдержал множество переизданий.

[XI.] **Веселие**. Из Мильтона / пер. [с франц.] Пав. Львов [П. Ю. Львов]. — С. 160–168.

→ L'Allegro de Milton, traduit de l'anglois // Le Paradis Reconquis, traduit de l'anglois, de Milton, avec quelques autres pieces de poësies. Paris: Cailleau [etc], 1730. P. 225–234.

[XII.]–[XIV.] **Патриотические** песни за здравие. Петые за столом в кругу многих италианцов, во изъявление радости о победах,

одержанных Императорско-Австрийскими и Российскими войсками. Мая 9 дня 1799 года в Аугартене. Соч. Гиозепа де Карпани Медиоландца, перевод с италианского. — С. 169–173.

= Patriotische Gesundheiten, welche bey einem Mittagessen gebracht wurden, das mehrere Italiäner, zu Bezeugung ihrer Freude über die von den kaiserlichen Oesterreichisch-Russischen Armeen erfochtenen Siege, den 9. May 1799, im Augarten mit einander hielten. Von Giusseppe de Carpani, einem Mayländer. Aus dem Italiänischen übersetzt. [Wien, 1799]. — [4 s.]

Во многих библиотечных каталогах, в частности в библиографии сочинений Дж. Карпани²⁵, брошюра «Patriotische Gesundheiten» ошибочно датируется 1810 г.

Анонимный переводчик выбрал только песни, касающиеся российской стороны: «Павлу I-му Императору Всероссийскому» (с. 170–171); «Фельдмаршалу графу Суворову Рымникскому» (с. 172); «Российскому войску в Италии» (с. 173).

Имяна особ подписавшихся в мае и июне. — С. 174–179.

См.: Самарин А. Ю. Читательская аудитория русских журналов в последней четверти XVIII века // Букинистическая торговля и история книги. М., 2000. Вып. 8. С. 41–73; *Он же*. Писатели XVIII века в списках подписчиков на книги и журналы (1762–1800) // XVIII век. М.; СПб., 2017. Сб. 29. С. 529–562.

Кн. 3. Июль

I. **[Хвостов Д. И.]**. Ода Бог. Пресвященнейшему Амвросию Архиепископу Казанскому и Свяжскому («Амвросий! Ты мое светило...») / „ — ь. — С. 195–204.

Первонач. ред. оды «Бог». Печ. в измененном виде во всех «Полных собраниях стихотворений графа Хвостова» (1817. Т. 1.; 1821. Т. 1. С. 1–5; 1827. Т. 1. С. 281; 1829. Т. 1).

Подробнее см.: *Петровский* 1907, 355–356; *Виницкий*, 92.

II. **[Магницкий М. Л. (?)]**. Его Сиятельству Князю Италийскому, Графу Александр Васильевичу Суворову-Рымникскому, на случай вступления Его с победоносными Российскими войсками в пределы Италии («Нам ли россам не гордиться...») / М — „ . — С. 205–208.

Предположительно, автором стихов является М. Л. Магницкий. Ср.: Стихи Графу Суворову-Рымникскому, на приезд Его в Вену («Оставь места уединенны...») / М. М. [М. Л. Магницкий]. Вена, Марта 15, 1799 // Аониды. 1799. С. 321–324. Ср. также: Отрывок из письма к приятелю М. М. С. [М. М. Сперанскому (?)] («Тщетно пышность ослепляет...») / М. М. [М. Л. Магницкий] Вена // Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 35. С. 124–125.

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

III. [А. А. Писарев]. Амур живописец («Любви Бог некогда меж Грациев играя...») / „ — „ . — С. 209.

Ранее считалось, что первые публикации А. А. Писарева появились в московском журнале «Новости русской литературы» (1802)²⁶, где, как и в других периодических изданиях («Журнале российской словесности», «Лицее» и др.), они подписаны криптонимом «„ — „».

IV. [Шаховской А. А.]. К К: П: Г: Г: [Кн. Павлу Гавриловичу Гагарину²⁷] («Питомец муз приятный нежный...») / А — „ . — С. 210–211.

Обоснование атрибуции см. ниже в примеч. к стихотворению «Подражание Феокриту».

V. [Шаховской А. А.]. Цветок («От чего цветочик милой...») / А — „ . — С. 211–212.

Обоснование атрибуции см. ниже в примечании к стихотворению «Подражание Феокриту».

VI. [Шаховской А. А.]. Подражание Феокриту («Амур дал празднество Венере...») / А — „ . — С. 213.

Вторая редакция: Подражание древним («Амур дал празднество Венере...») / А. [А. А. Шаховской] // Драматический вестник. 1808. Ч. 3. № 64. С. 95. Многократно переч. в различных антологиях. Принято считать, что под криптонимом «А» в «Драматическом вестнике» печатался А. А. Шаховской. Можно считать, что «Подражание Феокриту», как и стихотворения «К К: П: Г: Г:» и «Цветок», опубликованные в «Новостях», также принадлежат его перу.

VII. [Храповицкий А. В.]. Жизнь сельская («Щастлив кто в тишине невинной и любезной...») / **** . — С. 214–216.

Атрибутируется А. А. Храповицкому на основании Записок Н. В. Сушкова²⁸. «Его превосходительство Александр Васильевич Храповицкой» фигурирует в списке подписчиков на журнал «Новости».

VIII. [Тейльс А.]. К чижу прекрасной Лизы («Прекрасной чижик милой...») / А. Тейльс. — С. 216–218.

Считается, что стихи, напечатанные в «Новостях» (1799. Кн. 3) и «Иппокрене» (1799. Ч. 2)²⁹ за подписью «А. Тейльс» или «А. де Тейльс», принадлежат Антону Антоновичу Тейльсу (1733–1811/1818), который будто бы впервые выступил в печати как поэт в 66 лет³⁰. Это представляется весьма сомнительным, и вот почему. Если «А. де Тейльс», являющийся автором стихотворения «Надпись Карлу XII» (Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 45. С. 286–288), опубликовал новую редакцию

этих же стихов в журнале «Лицей» (1806. Ч. 1. Кн. 2. С. 13–14) за подписью «Ан. Тейльс», то следует признать, что он же является и автором многих других стихотворений, напечатанных в журнале «Лицей»³¹, в частности стихотворения «Мысли из Еклезиаста» (Лицей. 1806. Ч. 4. Кн. 3. С. 26–29). Неожиданность заключается в том, что только под последним сочинением стоит полное имя автора — «Андрей Тейльс». Кто такой Андрей Тейльс, установить сейчас нет возможности. Ясно только, что им не может быть Андрей Антонович Тейльс (ок. 1708–1815), московский губернский прокурор. Им также не может быть Андрей Дмитриевич Тейльс (1800–1870), помещик Одоевского уезда, автор агрономических трудов³² и мистик. Интересующий нас «Андрей Тейльс» был, вероятно всего, человеком молодым. Учитывая тот факт, что Тейльс эпизодически публиковался в журналах «Иппокрена» (1799) и «Новости русской литературы» (1803) можно заключить, что в конце 1790-х гг. он обучался в Московском университете и что родился он около 1783 г.³³

IX. [Тейльс А.]. К Юлии («Где делось время счастья...») / А. Тейльс. — С. 219.

Перепеч. с небольшими изменениями под названием «Стихи к К...» в «Северном вестнике» (1805. Ч. 8. № 11) и «К Крт. Бзс.» в «Северном Меркурии» (1811. Ч. 10. № 17)³⁴.

X. Ушаков П. Разлука, писанная на берегу Волги под тению сосн («Солнце за горы скатилось...») / 1799 года, мая 10 дня. Петр Ушаков — деревня Юрькино. — С. 220–225.

XI. Стихи на заданные рифмы («Кто создал весь сей свет...») / о — о. — С. 226.

Подробнее о криптониме «о — о» см. ниже в примеч. к «Отрывку из путешествия в Константинополь...» (Новости. 1799. Кн. 3. С. 265–270).

XII. [Писарев А. А.]. Эпиграммы: 1. «И станом, головой похож ты на Сенеку...» / „ — „ [= А. А. Писарев]; 2. «Ветрон везде любим, везде он торжествует...» / „ — „ [= А. А. Писарев]; 3. «Ни Бахус, ни Амур Ленгтя не смягчит...» / „ — „ [= А. А. Писарев] // Новости. 1799. Кн. 3 (Июль). С. 226–227.

Обоснование атрибуции см. выше в примечании к стихотворению «Амур живописец» (Новости. 1799. Кн. 3. С. 209).

[Проза]

XIII. [Львов П. Ю.]. Александр и Юлия. Истинная русская повесть. — С. 228–264.

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

Отд. изд.: *Львов П. Ю.* Александр и Юлия. Истинная русская повесть. СПб., 1801.

Переводы

XIV. **Отрывок** из путешествия в Константинополь, в Италию и на Архипелажские Острова, чрез Германию и Венгрию в 1790 и 1791 годах / [Пер. с франц. о. о.]. — С. 265–270.

= Voyage à Constantinople, en Italie et aux îles de l'Archipel, par l'Allemagne et la Hongrie, en 1790 et 1791. — à Paris, chez Maradan, 1 vol. in 8vo. / [Par] J. A. // Le Spectateur du Nord. 1799. Avril. P. 45, 50–54³⁵.

Вторая ред.: Отрывок из путешествия в Константинополь, в Италию и на Архипелажские Острова, чрез Германию и Венгрию в 1790 и 1791 годах / [пер. с франц.] о. о. // И отдых в пользу, или Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1804. С. 230–235.

Под этим же криптонимом напечатан оссиановский очерк «Гостомысл» в сб.: В удовольствие и пользу. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1810. Кн. 1. С. 170–174. Автор, очевидно, был одним из воспитанников пансиона. Высказывались предположения о принадлежности криптонима «о. о.» А. Г. Волкову или М. Олешеву³⁶. Любопытно в этой связи, что Олешеву (фамилия могла произноситься Олешёв) принадлежит стихотворение «Лотрек. Из песней Оссиана» (Свиток муз. 1803. Кн. 2. С. 78–82).

[Критика]

XV. **Объявление** о повести Евгений. — С. 271–283.

Рец. на кн.: Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества. Повесть, написанная А. Измайловым. СПб., 1799. [Ч. 1].

Кн. 4. Август

I. [**Хвостов Д. И.**]. Ода Человек («Исполнись благородна жара...») / „ — ъ. — С. 287–302.

Вторая ред.: Ода Человек. Сочинение Гр. Хвостова («Исполнись благородна жара...») // Друг просвещения. 1806. Ч. 1. № 1 (Генв.). С. 10–17.

В другой ред. напеч. в «Лирических творениях графа Хвостова» (СПб., 1810. С. 91–101), с названием «Мир» в «Полном собрании стихотворений графа Хвостова» (1821. Т. I. С. 123–131), где в примеч. (с. XXII) сказано: «Сие стихотворение под названием *Человек* было напечатано в первом издании и много раз переправлено, что и подало случай одному приятелю сказать: мы этого человека знали еще детиною». Об этом см.: *Петровский* 1907, 356.

II. [Тимковский И. Ф.]. Утренняя прогулка («Утренняя заря румяна...») / И-я Тмквск. — С. 302–305.

О знакомстве И. Ф. Тимковского с Г. Р. Державинными и Д. И. Хвостовым см.: Записки Ильи Федоровича Тимковского. Мое определение в службу / (сообщено М. А. Максимовичем) // Русский архив. 1874. № 6. Стб. 1448–1450.

III. К Сильвии («Хоть время вижу я прекрасно...») / 14–23. — С. 305–309.

А. Н. Неустров при чтении данного криптонима через церковнославянский алфавит получил «Ди–Кг.»³⁷. При чтении через дореформенную русскую азбуку получаем: «Н. Ц.» (ср., напр., криптоним «14.33» [Н. Яковлев] в журнале «Благонамеренный»). Возможно, в криптониме допущена опечатка и в исходном виде было: не «14–23», а «14–28», т. е. «Н. Щ.». Под этими инициалами печатался Николай Герасимович Щеголев (1771–1820)³⁸.

IV. [Политковский Н. Р. (?)]. Сон Темиры («Здесь стоит и стирает...») / Пол. — С. 309–312.

Первая ред.: Сон Темиры («Здесь стоит и стирает...») / Пол. [Н. Р. Политковский (?)] // Аониды. Кн. 3. 1799. С. 228–230. Под криптонимом «Пол.» в третьей части «Аонид» (1799) напечатано более десятка стихотворений³⁹.

В «Новостях» стихотворение «Соловей» (см. ниже под № IX) подписано: П-ой. Можно предположить, что автором его и «Сна Темиры» был молодой поэт-сентименталист Николай Романович Политковский (1777–1831?)⁴⁰, печатавшийся в «Приятном и полезном».

V. [Шаховской А. А.]. К другу моему («Ты вчера / Разсердись...») / А — „ — С. 312–316.

Обоснование атрибуции см. выше в примечании к стихотворению «Подражание Феокриту» (Новости. 1799. Кн. 3. С. 213).

Написанное одностопным анапестом со сплошь мужскими окончаниями, оно почти не имеет аналогов в русской поэзии⁴¹. Существуют косвенные доказательства того, что столь редким размером сочинял стихи А. С. Хвостов. Так, в качестве версификационного состязания П. И. Голенищев-Кутузов сочинил «Стишки к А. И. Г. К. 1795 января 14 [дня], который спорил, что не могу писать сим родом стихов, каким пред тем незадолго писал А. С. Х. [= А. С. Хвостов]»⁴². Приведем начало этих «Стишков...»: «Друг драгой! / Ты со мной / Говорил, / Мне твердил, / Что писать / И слагать / Так стихов / Как Х... [= Хвостов] / Не могу...». Перу Голенищева-Кутузова принадлежит, по меньшей мере еще одно стихотворение, написанное одностопным анапестом, — «Весна» (1804)⁴³. Если бы мы не знали, что автором стихов «К другу моему» является А. А. Шаховской, то, опираясь исключительно на «память метра», можно было бы атрибутировать

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

эти стихи А. С. Хвостову или П. И. Голеничеву-Кутузову. Эту умозрительную атрибуцию можно было бы подкрепить еще и тем, что Голеничев-Кутузов использовал криптоним «А...» в одной из своих публикаций в журнале «Друг Просвещения» [см.: СКСИР 2000(2): 108 (№ 14757)], а также перелagal Феокрита⁴⁴ (ср. «Подражание Феокриту» выше).

VI. [**Карабанов П. М.**]. Изображение Анеты («Хочу твое изображение...»). — С. 317–322.

Вторая ред. опубли. в кн.: Стихотворения Петра Карабанова <...>. СПб., 1812. Ч. 1. С. 229–233.

VII. [**Урусова К. С.**]. Пастушка и эхо («Как розы здесь растут в кустах между лесами — сами...») / К...н.. К... У...а. — С. 323.

Вторая, улучшенная ред., напеч. в «Ипшокрене» (1799. Ч. 4. № 88. С. 159–160).

Отд. оттиск из журнала «Новости» в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 25. Ал. 11).

См.: *Кочеткова Н. Д.* Урусова Екатерина Сергеевна // СРП XVIII. Вып. 3. (Р–Я). С. 298; *Она же.* Княжна Урусова и ее литературные собеседники // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 94–103.

Об анонимных публикациях княжны Урусовой в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1798. Ч. 18) см.: *Simankov V.* Originals and Translations: A Study Based on Old Slavic Texts and Russian Eighteenth-Century Journals. Ph. D. Thesis. Providence, RI: Brown University, 2017. P. 208.

VII. [= VIII.] [**Хвостов Д. И.**]. Ода анакреонтическая. Г. Б*** [Д. С. Бортнянскому] на прекрасной его домик в городе Павловск («В бочке думал Диоген...»). — С. 324.

С заглавием: «Д. С. Бортнянскому на прекрасный его домик в Павловске. 1797 года» напеч. в «Полном собрании стихотворений графа Хвостова» (V, 142–143).

См.: *Петровский* 1907, 356.

IX. [**Политковский Н. Р. (?)**]. Соловей («Глас по роще разсыпает...») / П-ой. — С. 325–326.

Обоснование возможной атрибуции Н. Р. Политковскому см. выше в примеч. к стихотворению «Сон Темиры» (Новости. 1799. Кн. 4. С. 309–312).

X. [**Писарев А. А. (?)**]. Стихи: К Е. С. Ю... («Хотел я чтоб Амур наперстником мне был...») / „ — „ . — С. 327.

Обоснование атрибуции А. А. Писареву см. выше в примеч. к стихотворению «Амур живописец» (Новости. 1799. Кн. 3. С. 209).

XI. [Писарев А. А. (?)]. К двум красавицам («Равно к обоим я пылаю...») / „ — „. — С. 327.

Обоснование атрибуции А. А. Писареву см. выше в примеч. к стихотворению «Амур живописец» (Новости. 1799. Кн. 3. С. 209).

XII. [Писарев А. А. (?)]. Епиграммы: 1. «На свете нашему покорно все уму...»; 2. (подражание Латинскому) «Угрюм и весел ты, не сносен...» / „ — „. — С. 328.

Обоснование атрибуции А. А. Писареву см. выше в примечании к стихотворению «Амур живописец» (Новости. 1799. Кн. 3. С. 209).

[Проза]

XIV. [= XIII.] [Тимковский И. Ф.]. Пчела без крыльев. — С. 329–332.

Во второй ред. напеч. с подписью «И-я Т-кий» в журнале «Новости русской литературы» (1804. Ч. 12. № 83. С. 71–74)⁴⁵ и сборнике «Друг юности, наставлениями и примерами руководствующий к просвещению и добродетели. Переводы и подражания» (М., 1821. Ч. 1. С. 172–177), составленном В. П. Победоносцевым из публикаций в журналах, редактором которых он был.

Переводы

XIII [= XIV]. **Грации** / Из Герштенберга [пер. с франц.]. — С. 333–335.

= Contes Anacréontiques, de M. de Gerstenberg. Grâces // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris, 1766. T. 2. P. 330–332⁴⁶.

→ Die Grazien // Tändeleyen / [Heinrich Wilhelm von Gerstenberg, 1737–1823]. Leipzig, 1759. S. 50–53. — [Drews 2007, 226 (№ 394)].

Переводы из «Choix de Poésies Allemandes» («Антология немецкой поэзии»), составителем которой был Михаэль Губер (Мишель Юбер, 1727–1804), можно найти во многих периодических изданиях. См.: *Simankov V. Originals and Translations*. С. 268.

XIV. [= XV.] **Песнь** лапландца / из Клейста [пер. с франц.]. — С. 336–337.

= Chansons de M. de Kleist. Chanson d'un Lappon // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris: Humblot, 1766. T. 2. P. 385–386⁴⁷.

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

→ Lied eines Lappländers / Christian Ewald von Kleist (1715–1759)⁴⁸.

XV. [= XVI.] **Пчела** / Из Лесинга [пер. с франц.]. — С. 337–338.

= Chansons de M. Lessing. L'Abeille // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris: Humblot, 1766. Т. 2. P. 349.

→ Die Biene // Kleinigkeiten von G. E. Lessing. Frankfurt und Leipzig, 1757. — [Drews 2007, 275 (№ 988)].

XVI [= XVII.] **Обмен** / Из Глейма [Пер. с франц.]. — С. 338–339.

= Chansons Anacréontiques, de M. Gleim. Le Troc // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris: Humblot, 1766. Т. 2. P. 304.

→ Der Tausch // Versuch in Scherzhaften Liedern / [Von J. L. W. Gleim, 1719–1803]. Berlin, 1753. — [Drews 2007, 230 (№ 406)]⁴⁹.

XVII. [= XVIII.] **К ручью** / из Глейма [пер. с франц.]. — С. 339–340.

= Chansons Anacréontiques, de M. Gleim. Au Ruisseau // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris: Humblot, 1766. Т. 2. P. 313.

→ An den Goldbache // Versuch in Scherzhaften Liedern / [Von J. L. W. Gleim, 1719–1803]. Berlin, 1753⁵⁰.

XVIII. [= XIX.] **Смерть** / из Лесинга [пер. с франц.]. — С. 340–342.

= Chansons de M. Lessing. La Mort // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris: Humblot, 1766. Т. 2. P. 349–350.

→ Der Tod // Kleinigkeiten von G. E. Lessing. Frankfurt und Leipzig, 1757⁵¹.

XIX [= XX.] **Похвала** верности / [пер. с франц.]. — С. 342–345.

= Contes Anacréontiques, de M. de Gerstenberg. Éloge de la Fidélité // Choix de Poésies Allemandes, Par M. Huber. Paris: Humblot, 1766. Т. 2. P. 324–326.

→ Der verliebte Wunsch // Tändeleyn / [Heinrich Wilhelm von Gerstenberg, 1737–1823]. Leipzig, 1759. S. 37–39.

[Критика]

[XXI] **Письмо** к издателю]. — С. 346–(?).

О возможном авторе «Письма» см. выше в примеч. к «Письму к издателям» (Новости. 1799. Кн. 1. С. 43–55).

Во всех известных экземплярах четвертой части журнала отсутствуют страницы с окончанием письма. См.: *Неустроев*, 832; СК XVIII 1966 (4), 154.

Сокращения

- Аониды* — Аониды, или Собрание разных новых стихотворений / [изд. и сост. Н. М. Карамзин]: в 3 кн. М., 1796–1799. Кн. 3.
- Виницкий* — Виницкий И. [Ю.] Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура <...>. М., 2017. — (Научное приложение. Вып. CLIX).
- Грот 1865* — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб.: 1864–1883. Т. 2.
- Грот 1883* — Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом: в 2 т. СПб., 1883. Т. 2.
- Неустроев* — Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных А. Н. Неустроевым. СПб., 1874.
- Отчет* — Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1892 год. СПб., 1895.
- Петровский 1898* — Петровский Н. М. Библиографические заметки о русских журналах XVIII века [Статья 1] // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. XXXV. № 1 (Янв.). Отд. 2. С. 85–107.
- Петровский 1907* — Петровский Н. М. Библиографические заметки о русских журналах XVIII века [Статья 2] // Изв. отд. рус. языка и словесности. 1907. Т. XII. Кн. 2. С. 290–359.
- СК XVIII — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: в 6 т. 1725–1800. М., 1962–1975.
- СК XIX — Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М., 2000–2013. Т. 1–3. — Издание продолжается.
- СКСИР — Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 1997–2015. Т. 1–4. — Издание продолжается.
- СРП XVIII — Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. Л./СПб., 1988–2010.
- Drews* — Drews P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München, 2007. (Slavistische Beiträge. Bd. 460).

Примечания

¹ Новости. Ежемесячное издание на 1799 год / [изд.: П. И. Голубков]. СПб., 1799. Кн. 1 (Май) — 4 (Авг.). См.: СКСИР. Т. 4. С. 154.

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

- 2 *Неустроев А. Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 г., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874. С. 831–835.
- 3 *Петровский Н. М.* Библиографические заметки о русских журналах XVIII века [Статья 1] // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. СССХV. № 1 (Янв.). Отд. 2. С. 106; *Он же.* Библиографические заметки о русских журналах XVIII века [Статья 2] // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. 1907. Т. XII. Кн. 2. С. 290–359.
- 4 Биографическую справку о нем см. в Приложении к настоящей статье, с. 147.
- 5 1) Простота («Что может быть тебя почтенней...») / Тула. 1797 года, июня 5 дня. П. Г.....въ [= П. И. Голубков] // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 14. С. 351–352; 2) Решимость любить («Чувствительна, приятна, нежна...») / П. Г.....въ [= П. И. Голубков] // Там же. 1797. Ч. 14. С. 399–400.
- 6 Из анонимных публикаций Д. И. Хвостова, не отмеченных ранее в литературе, укажем следующие: 1) Портрет («Любовь! начни изображенье...») / [Д. И. Хвостов?] // Новые ежемес. соч. 1788. Ч. XXVIII. Окт. С. 67–68. = 2-я ред.: Портрет («Любовь! начни изображенье...») / [Д. И. Хвостов?] // Друг просвещения. 1805. Ч. 2. № 6. С. 188–189; 2) Из драмы коминж («В сей мрачной пустыне, для смерти посвященной...») / [Д. И. Хвостов?] // Нов. ежемес. соч. 1792. Ч. LXXXIV. Август. С. 67–68. = 2-я ред.: Перевод I-го явления, драмы: Коминж («В сей мрачной пустыне, для смерти посвященной...») / [Д. И. Хвостов?] // Друг просвещения. 1805. Ч. 3. № 7. С. 21–23; 3) Желания («Я искренне того желаю...») / [Д. И. Хвостов] // Нов. ежемес. соч. 1793. Ч. LXXXVII. Сент. С. 55–57. = 2-я ред.: Станс. Желания 1793 года («Я искренне, друзья! желаю...») / г. Д. Хвостов // Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 1. С. 10–11; 4) Сатира г. Буало. Господину Молиеру («О редкой славный ум! твой дар всегда обильный...») / [Д. И. Хвостов] // Нов. ежемес. соч. 1793. Ч. LXXXVIII. Окт. С. 84–87. = 2-я ред.: Сатира. Буало Молиеру («О редкой, славной ум! твой дар всегда обильный...») / г. Д. Хвостов // Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 4. С. 13–16; 5) Ручей и Река («Ручей прохладный и шумливый...») / [Д. И. Хвостов] // Нов. ежемес. соч. 1794. Ч. XCI. Янв. С. 46–48. = 2-я ред.: Станс. Ручей и река («Ручей прохладный и шумливый...») / г. Д. Хвостов // Друг просвещения. 1804. Ч. 3. № 8. С. 95–96.
- 7 Из анонимных публикаций М. В. Ломоносова, не отмеченных ранее в литературе, укажем следующую: Шутка. В честь приятелю, которой говорил, что лавровые венки для него малы и слишком обыкновенны («Смеется, и поет, и о звездах толкует...») / [М. В. Ломоносов] // Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 4. С. 34. Здесь же и примеч.: «Сии стихи, сочиненные лет сорок тому назад, никогда не были напечатаны и найдены в бумагах одного известного в литературе и почтенного по достоинствам и заслугам к отечеству мужа».

- 8 Вводные биобиблиографические данные см. в кн.: Памяти славистов Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских: каталог выставки / авт.-сост.: М. В. Колмакова, Д. Ю. Чернышенко. СПб., 2018. Вып. 3 (Сер. «Славянский фонд»).
- 9 См. примеч. 3.
- 10 См., напр.: 1) К вере («Луч драгоценный / Веры святой!..») / [П. И. Голенищев-Кутузов] // Иппокрена. 1799. Ч. 4. № 83. С. 65–67. *То же*: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1803. Ч. 1. С. 45–47; 2) Переложение главы VII Премудрости Соломоновой («Я смертный человек подобно всем рожден...») / [П. И. Голенищев-Кутузов] // Иппокрена. 1799. Ч. 4. № 83. С. 68–71. *То же*: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1803. Ч. 1. С. 38–40. По-видимому, именно эти стихи стали объектом эпиграммы Андрея Тургенева («О, как священная религия страдает: / Вольтер ее бранит, Кутузов — защищает»). В литературе, впрочем, принято придерживаться иной трактовки.
- 11 «Пришли мне Петербургской журнал Новости. Я очень буду благодарен» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 113).
- 12 Любопытно, что формула «Полночный Оссиан», обращенная автором «Чувства...» к Г. Р. Державину, была впервые применена М. М. Херасковым по отношению к Баяну из еще неопубликованного «Слова о полку Игореве». Так, в 3-м издании поэмы «Владимир» (1797) есть следующие строки: «О! древних лет певец, полночный Осиан! / В развалинах веков погребшийся Баян!» К этим стихам Херасков сделал следующее примечание: «Недавно отыскана рукопись под названием: Песнь полку Игореву не известным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Баян Российский песнопевец». Также в 1798 г. появилось стихотворение В. Н. Нарезного «Песнь Владимиру Киевских Баянов» (1798). Каким образом Нарезный мог ознакомиться со «Словом о полку Игореве» до публикации гениального памятника, по-прежнему остается загадкой. Одно из возможных решений см.: *Simankov V. Originals and Translations: A Study Based on Old Slavic Texts and Russian Eighteenth-Century Journals*. Ph. D. Thesis. Providence, RI: Brown University, 2017. P. 129–130.
- 13 1-я ред.: Подражание IV оде Горация («Уж дни весенни возвратились...») / Капнист // Аониды. 1799. С. 17–19. 3-я ред.: Весна («Уж юный май в весенней неге...») // Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 167–169. См. также: *Капнист В. В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / изд. подг. А. О. Дёмин*. СПб., 2013. С. 378–379.
- 14 В СКСР Т. 4. С. 119 (№ 31537) криптоним остался нераскрытым.
- 15 Приведем полный состав двух стихотворных отделений из «Нового способа...»: «Поэмы исторические» (С. 166–178): 1. Песнь Альфреда Великого в Датском лагере («В хижине простой родился...») = *Le Chant d'Alfred le Grand dans le camp des Danois* («Né dans l'obscurité d'une simple chaumière...») / [Par Ma-

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

dame de Genlis]; 2. «Жил был в свете доброй царь...» Н. М. Карамзина; 3. Граф Гваринос. Древняя Гишпанская Историческая песня («Худо, худо, ах Французы!...») Н. М. Карамзина (Впервые: Московский журнал. 1792. Ч. VI. С. 219–226 (анонимно). Вероятнее всего, «Граф Гваринос» цитируется переводчиком «Нового метода...» по изд.: Сочинения Карамзина. М., 1803. Т. 1. С. 147–153.

«Поэмы нравственные» (С. 179–189): 1. Дитя («Вид невинности любезной...») = Sur un Enfant («Rien n'est joli comme un enfant; / C'est l'image de l'innocence...») / [Par Madame de Genlis]; 2. «Стократ благословен тот смертный...» [«К Н. А. Львову»] Г. Р. Державина; 3. Любовь к природе («Природы красотой пленяюсь...») [автор не установлен]; 4. Осень («Веют осенние ветры...») Н. М. Карамзина; 5. Сетование отца («Он был, и вдруг его не стало...») = «Весть» / «Печальная весть» И. Ф. Тимковского.

Можно предположить, что переводчиком «Нового способа» был сам Тимковский. Возможно, он также автор стихотворения «Любовь к природе». Примечательно, что почти все стихотворения, отобранные для раздела «Поэмы нравственные», написаны нерифмованным стихом. Свидетельством симпатии Тимковского к такой версификации служит стихотворение «Добродетель» («Путешественник прешедши...») / И-я Тмквск.] // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 10. С. 264–268.

- 16 См.: 1) [Отчет 1895, 66]; 2) *Кукушкина Е. Д.* Стихотворные послания Державину (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 169. Об истории отношений Державина и Озерова писали неоднократно. См., в частности: *Вильк Е. А.* К истории творческого диалога Державина и Озерова: поэзия и политика // Державинские чтения. СПб., 1997. Вып. 1. С. 93–108.
- 17 А. В. Храповицкий (из записок Н. В. Сушкова) // Раут: историч. и литер. сб. М., 1854. Кн. 3. С. 138. См. также: Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. I.
- 18 Из многократно переиздававшейся английской антологии „Elegant Extracts“ Вас. Созонович сделал, по меньшей мере, еще один перевод. См.: Гимн божеству («Боже жизни моей, и Творец дней моих!..») / пер. с аглинского Василий Созонович // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 18. № 44. С. 273–277 = An Address to the Deity (“God of my life! and Author of my days!..”) / Mrs. Barbauld [= Anna Laetitia Barbauld, 1743–1825] // Elegant Extracts. London, 1791. Vol. 1. P. 24–25.
- 19 Английский оригинал указан в библиографическом приложении к ст.: *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 270–271 (№ 9).
- 20 Другие переводы из «Пантеона» Сильвена Марешаля: 1) Амур / [пер. с франц.] Дсн. [= Десницкий] // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 13. С. 81–87; 2) Нечто о баснословии / [пер. с франц.] //

- Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 42. С. 225–228; 3) Ганимед / [пер. с франц.] // Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 42. С. 229–233.
- 21 *Левин Ю. Д.* К истории восприятия в России Оливера Голдсмита // Русская литература. 1994. № 2. С. 276 (№ 9, 17). Другой перевод: Алкандр и Септимий, Византийский анекдот / из сочинений Голдсмита [пер. с франц. В. В. Измайлов] // Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 11. Июнь. С. 163–169. Источник перевода В. В. Измайлова: Alcandre et Septimius, Anecdote extraite de l'Histoire Byzantine, et traduit de l'anglais de Goldsmith / [Par] Salgues // Le Spectateur du Nord. 1801. Juillet. P. 91–97. Другие переводы В. В. Измайлова из «Le Spectateur du Nord» см.: Simankov 2017, 226 (№ 369).
- 22 «Песня мечты», а также другие стихотворения графа А. А. Мусина-Пушкина, находящиеся в державинском архиве, опубликованы в ст.: *Латто-Дашилевский К. Ю.* Литературные досуги графа А. А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 194–213.
- 23 Из откликов см., напр.: Константин Николаевич Батюшков в письмах к Ник. Ив. Гнедичу. 1811 / [сообщил П. А. Ефремов] // Русская старина. 1883. Т. XXXVIII. № 5 (Май). С. 343: «Открылась ли „Беседа“? Что делают ваши петухи? <...> Львова стихи похожи на Шаликова, и напоминают мне „Le ruisseau amant de la prairie“, сонет Фонтенелев, над которым со смеху надседался Вольтер. Ни слогу, ни мыслей, ни стихов! все площадное! вялое!»
- 24 О нем см.: *Рябов А. К.* Сиряков, Серяков Иван Иванович // Русские писатели. Т. 5. P–С, 617–618.
- 25 *Lives of Haydn, Mozart and Metastasio* / By Stendahl. London, 1972. P. 283–291.
- 26 См.: Поэты-радищевцы: Вольное общество любителей словесности, наук и художеств / ред. и коммент. Вл. Орлова. [Л.], 1935. С. 618; *Жуковская В. А., Лямина Е. Э.* Писарев Александр Александрович // Русские писатели. Т. 4. С. 609.
- 27 О нем см.: *Кочеткова Н. Д.* Гагарин Павел Гаврилович // СРП XVIII в. Вып. 1. (А–И). С. 191–192.
- 28 А. В. Храповицкий (из записок Н. В. Сушкова). С. 143–145. См. также: Дневник А. В. Храповицкого. С. XXII.
- 29 1) Надпись Карлу XII («Сей камень ужас ощущает...») (Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 45. С. 286–288); 2) Эпитафии: 1. Младенцу («Сокрытый среди сих грозящих...»); 2. Его Превос. Ф. Ф. А. («Среди сих кипарисов мрачных...») (Там же. № 46. С. 303).
- 30 См.: *Модзалевский Вад.* Тейльс (де), Антон Антонович // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. «Суворова – Ткачев». С. 436–437; *Травников С. Н.* Тейльс Антон Антонович // СРП XVIII. Вып. 3. P–Я. С. 224.
- 31 Ср. также: Лицей. 1806. Ч. 2. Кн. 2. С. 18. «В вар. „Лицея“ изм. в 6–8 строках» (СКСИР 2006(3): 170 (№ 25962)).
- 32 *Тейльс А.* Ручная библиотека для людей, употребляемых по русскому сельскому хозяйству и по части домоводства. М., 1838. Кн. 1–7. Книга эта написана замечательным сказовым языком.

Петербургский журнал «Новости» (1799): позабытое издание графа Д. И. Хвостова

- 33 В опубликованных списках студентов Московского университета Андрей Тейльс не значится. См., напр.: *Феофанов А. М.* Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: библиографический словарь. М., 2013.
- 34 См.: *Травников С. Н.* Тейльс Антон Антонович // СРП XVIII. Вып. 3. Р–Я. С. 224.
- 35 Другой пер.: Отрывок из *Voyage à Constantinople etc. en 1790 et 1791. Lettre XXXVI* // Иппокрена. 1799. Ч. 4. № 89. С. 170–176. Источник перевода указан в ст.: *Рак В. Д.* Библиографические заметки [статья 5] // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 319.
- 36 См.: Заметки А. Х. Востокова о его жизни / сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901. С. 70; *Костин А. А., Костина Т. В.* Стихотворный сборник «Праздное время» (1798). К предыстории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 177–178.
- 37 *Неустроев А. Н.* Историческое разыскание. С. 833.
- 38 О нем см.: *Травников С. Н.* Щеголев Николай Герасимович // СРП XVIII. Вып. 3. С. 433–435; *Неустроев Н. А.* Историческое разыскание. С. 772, 773, 776. Возможно, Щеголеву в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» принадлежит, помимо отмеченных Неустроевым, стихотворение «В день моего рождения. Ноября 15 («Во храме бренности седое время сидя...») (1797. Ч. 16. С. 358–363), поскольку он родился именно в этот день.
- 39 1. К моей приятельнице. Подражание немецкому («Пусть завоеватель гордый / Насыщает бранью дух...» — с. 51–54). = An meine Freundin C. v. S. («Laß Eroberer stolz um Ehrsucht streiten...») / C. v. B. [= Caroline von Brandenstein, 1754–1813] // Der Teutsche Merkur. 1774. Bd. 8. St. 3 (Dec.). S. 211–213;
2. К Амуру. Перевод из Геснера («О Амур! Амур любезной!...» — с. 55);
3. Соловей. Перевод из Гварини («Ты разлукою скучаешь...» — с. 83);
4. Пчела («На цветке пчела сидела...» — с. 221–222);
5. Красота и убор («Красотой твоей пленяться...» — с. 223);
6. К цветку («О цветочик ароматный...» — с. 224–226);
7. Памятник отцу, оплакиваемому тремя дочерьми («Здесь не мрамор ограждает...» — 227);
8. Сон Темиры («Здесь стоит и простирает...» — с. 228–230);
9. Последняя отрада («Мчитесь, легкие зефиры...» — с. 231–232);
10. К Фанни. Подражание немецкому («Погляди на розу, Фанни!...» — с. 233–234) = An Fanny («Sieh' Fanny, an der Rose hier...») / B–ch [= F. J. Bertuch, 1747–1822] // Der Teutsche Merkur. 1774. Bd. 6. St. 1 (Apr.). S. 5–6.
- 40 О нем см.: *Щеглова Н. Н.* Политковский Николай Романович // СРП XVIII. Вып. 2. (Л–П). С. 461–462.
- 41 Из метрических параллелей, да и то не полных, укажем, в частности, на стихотворение Н. С. Гумилева «Цепи башен / И могил...» (1918), а также М. А. Кузмина «О, нездешние / Вечера...» (1919).

- 42 Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 2. С. 116–117. (То же: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1804. Ч. 3. С. 106–107). К «А. И. Г. К.» обращено еще одно стихотворение П. И. Голенищева-Кутузова, также посвященное вопросу русской просодии. См.: Дактиль, к А. И. Г. К., который говорил, что трудно дактилем писать («Тщетно пугаешься мыслью ужасной...») // Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1810. Ч. 4. С. 51–52.
- 43 Друг просвещения. 1806. Ч. 1. № 1. С. 37–38. (То же: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1810. Ч. 4). Атрибуция: [СКСИР 2000(2): 119 (№ 15096)].
- 44 Перелажая идиллии Феокрита, П. И. Голенищев-Кутузов использовал, вероятнее всего, французский прозаический перевод Ж.-Л. Жоффруа (*Idylles de Théocrite, traduites en français, avec des remarques, par Julien-Louis Geoffroy. Paris, an VIII [= 1799]*). См.: *Волков А. В. П. И. Голенищев-Кутузов — переводчик древнегреческой поэзии // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века. СПб., 2017. С. 139–141.*
- 45 В СКСИР (Т. 4. С. 118, № 31514) криптоним остался нераскрытым.
- 46 Другой перевод: Грации (пер. из Герстемберга) / [пер. с франц.] „ — „ [А. А. Писарев] // *Новости русской литературы. 1803. Ч. 6. № 41. С. 230–232.* Здесь же помещены еще два перевода А. А. Писарева из Герстенберга: «Сладость поцелуя» и «Песня одного негра» (С. 233–237). Ср. также: 1) Песнь негра / пер. [с франц.] Пав...ъ Ль...въ [П. Ю. Львов]. Матвеевское. 1800 // Иппокрена. 1801. Ч. 9. № 36. С. 158–160; 2) Песня влюбленного негра / Герстемберг // *Новости русской литературы. 1804. Ч. 11. № 78. С. 410–411.*
- 47 Другие переводы: 1) Песнь лапонца / пер. [с франц.] Пав...ъ Ль...въ [= П. Ю. Львов]. Матвеевское. 1800 // Иппокрена. 1801. Ч. 8. № 26. С. 410–411. (То же: Иппокрена. 1801. Ч. 9. № 41. С. 239–240); 2) Песня одного лапландца. (Перевод из Клейста) / [Пер. с франц.] „ — „ [= А. А. Писарев] // *Новости русской литературы. 1803. Ч. 6. № 41. С. 237–238;* 3) Песня влюбленного лапонца / Клейст // Там же. 1804. Ч. 11. № 73. С. 334–335.
- 48 «Песнь лапландца» неоднократно переводилась на русский язык. См.: *Мазья М. Г. Раннее переводное стихотворение Кюхельбекера «Песнь лапландца» // Русская литература. 1982. № 3. С. 160–164.* См. также: [Drews, 258 (№ 746)].
- 49 Другой пер.: Обмен / Глейм // *Новости русской литературы. 1804. Ч. 11. № 69. С. 270 [= 271].*
- 50 Другой пер.: К ручью // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч. 4. № 81. С. 51–52. См.: *Пак В. Д. Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 245 (№ 68); Drews, 230 (№ 406).*
- 51 Другой перевод: Смерть / Лессинг // *Новости русской литературы. 1804. Ч. 12. № 81. С. 46–48; Drews, 275 (№ 988).*

П. И. Голубков (биографическая справка)*

Петр Иванович Голубков (1781, Тульская губ. – около 1830), чиновник (коллежский ассессор), литератор. Отец Иван Васильевич Голубков (1749–?), секунд-майор, затем коллежский советник, владелец сельца Бабошино Одоевского уезда Тульской губернии, в 1792–1796 годах тульский городничий, в 1807–1817 – одоевский уездный предводитель дворянства. Мать – «польская шляхтенка» Елена Григорьевна (в девичестве Радецкая)¹. В начале 1790-х годов П. Голубков обучался в тульском пансионе Х. Ф. Роде (закрылся в 1792) вместе с В. А. Жуковским. В письме Голубкову от 25 мая 1809 из Белева Жуковский называет его «старым своим приятелем и сослуживцем по полку знаменитого Роде», а в конце добавляет: «Не забудь, что ты обещал побывать в наших краях. Прости. Когда будешь писать к батюшке и матушке, не забудь передать им мое почтение»². Под непосредственным начальством «батюшки» – тульского полицмейстера И. В. Голубкова служил в 1790-е годы пристав уголовных дел поручик Андрей Григорьевич Жуковский, усыновивший поэта³.

После закрытия пансиона Голубков мог, подобно другим питомцам Роде, обучаться в Тульском народном училище, преподавателем которого был Феофилакт Гаврилович Покровский (1768–1843). Он же давал уроки в доме В. А. Юшковой, старшей сестры поэта, где собиралось до 16 учеников, в числе которых, по воспоминаниям А. П. Зонтаг, была «маленькая девочка Голубкова,

* Справка составлена Н. П. Морозовой.

дочь тульского полицмейстера»⁴, то есть сестра П. Голубкова Ольга (род. в 1790)⁵. В 1796–1798 годах Покровский публиковал свои литературно-философские статьи в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Здесь же, возможно при его посредничестве, в 1797 году были напечатаны стихотворения Голубкова «Простота» и «Решимость любви»⁶. Первое из них написано в Туле 5 июня. В мае–июне 1797 года во время каникул написал первое из опубликованных (в том же журнале) стихотворений Жуковский⁷.

В июле 1793 года недоросль Петр Голубков обратился в Тульское дворянское депутатское собрание с просьбой («объявлением») о выдаче ему грамоты на дворянство «для записи в службу»⁸. Неизвестно, куда он был записан, в дальнейшем же обучался в юнкерской школе Сената, восстановленной указом Павла I от 1 января 1797 года и преобразованной в Юнкерский институт указом Александра I от 19 декабря 1801 года. Инспектором школы в 1797–1801 годах был М. Н. Цветков, впоследствии редактор газеты «Северная почта» (с 1809 г.), а непосредственным руководителем — обер-прокурор 3-го департамента Сената, известный литератор и журналист (редактор «Собеседника любителей русского слова» (1783–1784), основатель газеты «Северная почта») О. П. Козодавлев. Школа находилась в ведении главы Сената генерал-прокурора П. В. Лопухина. В октябре 1798 года по его запросу о «представлении способнейших по старшинству» к замещению вакансии подканцеляриста гр. Д. И. Хвостов, обер-прокурор 4-го департамента Сената (в октябре 1799 г. назначен обер-прокурором Синода), рекомендовал на эту вакансию коллегии-юнкера П. Голубкова, «который довольно оказал успеха и впредь надежду показывает в препоручаемых ему делах»⁹. «Главным учения предметом» в юнкерской школе были «правоведение и юриспруденция». Их преподавал юрист и известный литератор Илья Федорович Тимковский (1773–1853). Он станет одним из основных авторов журнала «Новости», который в 1799 году, вероятно по инициативе Д. И. Хвостова, начнет издавать Голубков (с мая по декабрь вышло 4 книжки). Возможно, среди 16 анонимных публикаций журнала были и сочинения его

издателя. В числе тульских подписчиков «Новостей» значится и Ф. Г. Покровский.

С 1 апреля 1802 года Голубков имел чин штабс-капитана¹⁰. О месте его службы до 1806 года данных обнаружить пока не удалось.

В 1806 году он напечатал в журнале «Друг просвещения» стихотворение «Графу Д. И. Хвостову. В день именин»¹¹.

В 1806–1807 годах принимал участие в Тульском земском ополчении. Награжден медалью земского войска¹². 31 декабря 1808 года дворянство Тульской губернии за участие в милиции было пожаловано царской грамотой. Голубков в связи с этим написал «Оду на случай все милостивейшего пожалования государем императором Александром первым Грамоты за подвиг Земского ополчения» (М.: Унив. тип., 1810. — 7, [1] с.).

В 1809–1811 годах Голубков служит в чине коллежского асессора заседателем Тульской гражданской палаты¹³. В 1812–1814 — участник Тульского ополчения (записан в 3-й казачий пехотный полк штабс-капитаном), служил старшим адъютантом, сотенным начальником¹⁴. Ополчение участвовало в боевых действиях от Мало-Ярославца до Данцига. За отличие при блокаде и осаде Данцига награжден 18 июля 1814 года орденом св. Владимира 4-й степени («Был послан с разными препоручениями во время сражений, исполнял оные с особенным мужеством и усердием, управляя и письменными делами по всему ополчению с отличным успехом»)¹⁵.

1816-м годом датируются два стихотворения П. Голубкова («Говорят, что долг поэта...» и «Прелестнейшей Марии») в альбоме М. В. Беклемишевой (урожд. Сушкой, 1792–1863)¹⁶, сочиненные 23 апреля в Москве (ОР ИРЛИ. 9661/LVШб. 1, автограф).

Голубков был владельцем с. Бабошино Одоевского уезда, где имел 17 крепостных. В 1821 году он дал согласие на строительство там церкви св. Архангела Михаила взамен сгоревшей 25 марта того же года деревянной. Каменная церковь была построена его зятем артиллерии поручиком, коллежским асессором П. П. Красовским в 1832-м, по-видимому, уже после смерти Голубкова¹⁷. В 1824 году Тульское губернское правление рассматривало дело об описи имения коллежского асессора Голубкова (с. Бабошино), заложенного за 2550 руб., в 1828 оно было выку-

плено¹⁸. К 3 февраля 1826 относится прошение на имя тульского губернского предводителя дворянства, в котором Петр Иванович подтверждал, что его племянник поручик Егор Васильевич Голубков, желающий продолжить службу в кавалерии, имеет состояние в деньгах и может «себя содержать по означенной службе»¹⁹.

У дочери П. И. Голубкова Варвары (1802–9.12.1882, Тула) в браке с Платоном Петровичем Красовским (1795–?), участником войны 1812 года и заграничных походов, дважды награжденным орденом св. Анны 4-й степени²⁰, родились дети: Ахилл (31.01.1823), Всеволод (15.01.1831), Александра, Зинаида (13.07.1826), Эмилия²¹. Восприемником при крещении Ахилла и Зинаиды был П. И. Голубков²². Скончался он, по-видимому, около 1830 года.

Примечания

- ¹ См.: РГИА. Ф. 1343. Третий департамент Сената. Оп. 51. Д. 529. Родословная книга дворян Тульской губернии. Ч. 3. Л. 12 об.; Гос. архив Тульской области. Ф. 39. Тульское дворянское депутатское собрание. Оп. 2. Д. 558. О внесении в родословную книгу Голубкова Ивана Васильевича; *Ельчанинов Е. Н.* Материалы по генеалогии Ярославского дворянства: Вып. 1–9. Ярославль, 1909–1915. Вып. 2. С. 535.
- ² Письмо В. А. Жуковского к Голубкову // Русский архив. 1863. № 8–9. Стб. 708–709. Составляя в 1806 г. план автобиографии «Прошедшая жизнь», Жуковский предполагал включить в нее воспоминание о Голубкове (по-видимому, Петре Ивановиче). См.: *Жуковский В. А.* Журнал 1805–1806 гг. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М., 1999. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 33. Во время полугодового путешествия по России с великим князем Александром Николаевичем в 1837 г., остановившись в Венёве, Жуковский провел вечер 17 августа со своим давним знакомым майором Д. Г. Постниковым, воспоминания общих скончавшихся знакомых, среди которых назван и Голубков (*Жуковский В. А.* Путешествие с <еликим> к <нязем> 1837 // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. Т. 14: 1834–1847 гг. С. 71).
- ³ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1792. СПб., 1792. С. 141.
- ⁴ *Зонтаг А. П.* Несколько слов о детстве Жуковского // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 104.
- ⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 529. Л. 12 об.; Дворянское сословие Тульской губернии / сост. В. И. Чернопяттов. Т. I (X)–XIII (XXII). М., 1908–1916. Т. III

- (XII). Родословец. Ч. 3. Материалы. С. 40. См. также: *Ельчанинов Е. Н.* Материалы по генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. С. 535.
- 6 Простота. Тула. 1797 года, июня 5 дня. П. Г...въ // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 14. С. 351–352; Решимость любви / П. Г... въ // Там же. С. 399–400. Атрибутированы В. И. Симанковым.
- 7 *Жуковский В. А.* Майское утро // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 16. С. 286–287 (с подписью: «Василий Жуковский»). Поводом к написанию этого стихотворения стала, вероятно, кончина сводной сестры поэта В. А. Юшковой.
- 8 ГАТО. Ф. 39. Тульское дворянское депутатское собрание. Оп. 2. Д. 558. Л. 12.
- 9 РГИА. Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената. Оп. 2. Д. 1272. [Об увольнении из 4-го департамента Сената тит. советника Михайлова и определении на его место коллегии-юнкера Голубкова]. Л. 3 (всего 7 полулистов).
- 10 Указано в «Ведомости о наличных чиновниках и урядниках из дворян Тульского военного ополчения. Июля 4 дня 1813 г.» // Дворянское сословие Тульской губернии. Т. V (XIV): Ополчение 1812 г. [Вып. 1]. Материалы. С. 20.
- 11 *Голубков П.* Графу Д. И. Хвостову. В день именин // Друг просвещения. Ч. 4. № 10 (Окт.). С. 24
- 12 См.: Дворянское сословие Тульской губернии. Т. V (XIV). С. 151. В то же время о нем нет данных в кн.: Дворянское сословие Тульской губернии. Т. XIII (XXII). Материалы генеалогические и Милиции 1806–1807 гг. / сост. В. И. Чернопятков. М., 1916.
- 13 Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1809. СПб., 1809. Ч. 2. С. 129; 1810. Ч. 2. С. 135; 1811. Ч. 2. С. 132.
- 14 См.: Список Тульского военного ополчения 3-го пешего казачьего полка всем воинским чинам, для получения медалей. Февраля 15 дня 1814 года // Дворянское сословие Тульской губернии. Т. V (XIV). С. 65. В Списке, составленном 20 марта 1814 г., сотенный начальник коллежский ассессор Петр Иванович Голубков значится уволенным в отпуск по 15 марта 1814 г. // Там же. С. 67. В Списке «нового образования» Тульского ополчения, составленном генералом от кавалерии герцогом Александром Виртембергским 26 января 1814 г., штаб-капитан Голубков назван в числе оставшихся в ополчении после осады Данцига офицеров // Там же. С. 162.
- 15 См.: Список чиновникам и урядникам из дворян Тульского военного ополчения, представляемым к награждению. Ноября 19 дня 1813 года (старший адъютант Голубков, имеющий медаль земского войска, представлен к ордену св. Владимира 4-й степени) // Там же. С. 151. Список генералам, штаб и обер-офицерам, награжденным главнокомандующим армиями генералом фельдмаршалом графом Барклаем-де-Толли за отличие во время блокады и осады Г. Данцига по представлению генерала от кавалерии герцога Александра

- Виртембергского. Июля 18 дня 1814 года (Высочайшая резолюция: «Утвердить») // Там же. С. 173.
- 16 Об этом альбоме см.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 52–53.
- 17 См.: Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. С. 620; Дворянское сословие Тульской губернии. Т. VI (XV). Храмоводители и ревнители церковного благолепия. С. 29.
- 18 ГАТО. Ф. 51. Тульское Губернское правление. Оп. 12. Д. 1731. Об описи имения коллежского ассессора Голубкова.
- 19 ГАТО. Ф. 39. Тульское дворянское депутатское собрание. Оп. 2. Д. 558. Л. 37.
- 20 О нем см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник: в 4 т. Киев, 1908–1914. Т. 2. Е–К. С. 572.
- 21 Там же. С. 579–580; Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословец. Ч. 6. С. 287.
- 22 См.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Т. 2. С. 579–580. Восприемниками при крещении Всеволода Платоновича (1831) были его сестра Александра и Василий Иванович Голубков (1806–1890, возможно, брат Петра Ивановича). О нем см.: *Ельчанинов Е. Н.* Материалы по генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. С. 536; Московский некрополь // [В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский]; [Авт. предисл. и изд. Вел. кн. Николай Михайлович].: в 4 т. СПб., 1907–1908. Т. 1. А–И. С. 314.

П. И. Голубков

Простота

Что может быть тебя почтенней,
Любезнейшая простота?
Ничто не может быть священной
Тебя, душевна красота!

Ты тихо, мирно обитаешь
В соломой крытом шалаше,
Богатств далеко убегаешь,
Блестит богатство лишь в душе, —

В душе, порокам не причастной,
В которой ты всегда живешь;
Страстям жестоким не подвластной,
В которую ты радость льешь.

П. И. Голубков

Чертоги пышны, возвышенны,
Блестящи златом и серебром,
Где чада счастья надменны
Живут, гнушаяся добром! —

В вас счастья найти не можно,
Вы не жилище простоты;
В вас чувство обитает ложно,
Вы только гордости мечты,

В вас не сияет добродетель,
И простота в вас не цветет;
Невинность, наших благ содетель,
В вас с кротостию не живет.

Тула. 1797 года, июня 5 дня

Решимость любить

Чувствительна, приятна, нежна,
Любовь! тебя я петь хочу,
Ты душ владычица любезна,
Тебе я сердце посвящу. —

Ты нравы смертных умягчаешь,
Ты чувства кротки им даешь,
Сердца жестоки укрощаешь,
В них радости рекою льешь.

Лиешь, — с улыбкою зриаешь,
Тебе где фимиам курят.
Любуешься, благословляешь,
И все тебя благодарят.

Сердца собою ты связуешь,
Утеху, счастье даришь,
Любить друг друга обязуешь,
Губить друг друга ты претишь.

Тебе все смертные приносят
В залог покорности — сердца,
С усердием успеха просят,
Желаниям своим венца.

Приложение

Хотя ты мне определила
Любимым вечно не бывать,
И мила Хлоя осудила
Всегда терзаться и стонать,

Но слабый смертный невозвратно
Себя любви уж посвятил,
И сердце, пламенем объято,
Тиранке милой я вручил.

1797

Графу Д. И. Хвостову. В день именин

В благодаренье учредили
Пифийски игры Аполлону:
Последуя сердец закону,
Их греки жертвою почтили. —
Угоден Фебу был давно
И Музам девственным торжественнейший глас! —
Так их наперснику равно
От сердца подношу стихи и ананас.

1806

Прелестнейшей Марии

Однажды вздумалось Венере
Учредить осмотр красот всех на Цитере; —
Ей надобна была одна,
Которая б была умна,
Жива, любезна и ловка,
Приятна в нраве и кротка —
И к поиску Амур употреблял все меры,
Но тщетен был успех — погиб весь труд Венеры. —
И отчего же дело встало? —
Тебя одной не доставало.

23 апреля 1816

Н. П. Морозова

1810-й год в жизни Г. Р. Державина (материалы к летописи)

В 1810 году Гаврила Романович Державин был увлечен работой над «Рассуждением о лирической поэзии», параллельно с которой размышлял в духовно-философских одах о справедливости Божьего суда; переводил Козегартена и Горация; занимался учреждением литературного общества «Беседа любителей русского слова».

Волновали его и события политической жизни: Русско-турецкая война (1806–1812 гг.), переменные успехи в которой сопровождались большими потерями русской армии, и наметившийся антагонизм русско-французских отношений, пришедший на смену тильзитским мирным договоренностям. Во внутренней российской политике — реформы М. М. Сперанского¹, «даровитого и красноречивого выразителя тайных стремлений Александра»: 1 января был создан Государственный совет, 2 февраля началось преобразование финансовой системы, 25 июля — министерств. В архиве Державина сохранился «Проект министерского устава» (СПб., 1810) с пометами относительно содержания².

Оставаясь и в отставке государственным человеком, Гаврила Романович дорабатывает начатый в 1807 году проект документа «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (VII, 439–459), в 46 пунктах которого излагает принципы формирования и содержания российской армии, а в предисловии — взгляды на историческую миссию России и тогдашнюю политическую ситуацию: «Россия имела счастье отторженные от себя области в давние времена в прошедшем веку возвратить, и теперь находится в таком обширном положении, что кроткому и великодушному... ее Монарху распространять далее свои преде-

лы нет нужды... остается ему только утвердить сие обширное здание неколебимыми столпами... быть посредником и миротворцем терзающей себя кровопролитным междоусобием Европы» (VII, 442). Для того «чтоб учинить восхитительную мечту сию сбыточною», необходимо внешних врагов обуздать правильным «распоряжением военных сил», которое и предлагается в написанном проекте. Возможным стимулом работы над ним было создание в 1810 году возглавленной М. Л. Магницким Комиссии для сочинения уставов и уложений по всем частям военного ведомства, которая подготовила «Учреждение для управления Большой действующей армией», утвержденное 27 января 1812 года.

Мысли, изложенные в предисловии к «Мечтам», созвучны духовно-философской оде Державина «Слава»³, написанной 24 июня в Званке. Рассуждая о сущности подлинной и мнимой славы, он противопоставляет завоевателю, под которым в первую очередь угадывается Наполеон, доброго царя, т. е. Александра I:

Возьмем же, в противоположность
Тирану, доброго царя,
Всю истоцившего возможность,
Блаженство подданных твоя:
Не зри ли Геня в нем неба,
Блестяща радуги лучом,
В том — мрачна демона Эреба⁴?
Тот сыплет свет, — сей вержет гром (III, 50).

Сам же император в речи при открытии Государственного Совета так выразил свое отношение к славе: «Уповая на благословение Всевышнего, мой долг будет разделять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтоб некогда, в поздних временах, когда меня уже не будет, истинные сыны отечества, ощутив пользу сего учреждения, вспомнили, что оно установлено было при мне и моим искренним желанием блага России»⁵.

Вслед за «Славой» Державин пишет 27 июня оду «Идолопоклонство» (III, 52–55), где в размышлениях о ложных кумирах («тщетна кумиров власть») и «предначертанной стезе», которой катится мира колесо, можно увидеть намеки не только на Наполеона, но и на Сперанского:

К чему ж гордыней надыматься,
Когда случится возвышаться?
Мы завтра можем вниз упасть (III, 54).

Поклоняться следует только Богу, что и делает автор:

Творцу я поклоняюсь мира,
В лице Его служу царю.
Нигде, ни в ком себе кумира
И не творил и не творю.
Почто ж мне идолы бесчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкруг ползать ваших алтарей? –
Почто, — коль в хижине безвестной
Доволен под рукой небесной
Я долею моей? (III, 52).

Тогда же у поэта появился повод воспеть великую княжну Екатерину Павловну, возглавлявшую оппозицию Сперанскому (в 1810 году был «расцвет доверия» к нему императора).

В июне Екатерина Павловна, ожидавшая рождения первенца, в сопровождении супруга принца Георгия Ольденбургского, новгородского, тверского и ярославского генерал-губернатора⁶, предприняла путешествие водным путем из Твери в Петербург, где ее ожидала Мария Федоровна. Плыли на специально построенном баркасе, в путь отправились 9 июня («с колокольным звоном, и прочих судов немало для свиты ее»⁷), на несколько дней останавливались в Вышнем Волочке (с 12 по 16 июня)⁸, возможно и в Новгороде, в Петербург прибыли 30 июня. Следовательно, Званку проплывали в середине 20-х чисел июня. Это событие вдохновило Державина на создание оды «Шествие по Волхову российской Амфитриты»⁹, которая начинается такой строфой:

Что сияет от заката
В полночь полудневный свет?
Средь багряна сткляна злата
Кто по Волхову плывет?
Полк Тритонов трубит в трубы,
Рыб на дне сребрится бег,
Пляшут холмы, скачут дубы,
С плеском рук бежит вслед брег
И шумят струи жемчужны! (III, 37)

И после ряда поэтических предположений (Амфитрита, Прекраса, т. е. древнерусская княгиня Ольга) читаем ответ:

Нет, — не древних див картина
Удивляет смертных взгляд;
Шествует Екатерина
Со Георгом в Петроград! (III, 38)

В Екатерине Павловне, разносторонне образованной и обладавшей волевым характером, красота и необыкновенная любезность сочетались с огромным патриотизмом. Популярность любимой сестры императора особенно возросла после отказа Наполеону, сватавшемуся к ней в 1808 году (аллюзией на это событие стала трагедия Державина «Евпраксия»¹⁰). На ее брак с принцем Георгием Ольденбургским поэт откликнулся одой «Геба» (1809), а в 1807 году начал «Послание к великой княгине Екатерине Павловне о покровительстве отечественного слова» (III, 527–530).

Сопровождая мысленно российскую Амфитриту в ее «шестивии по Волхову» в столицу, Державин создает поэтические шедевры — картины и «портреты»¹¹:

Ладогана¹² зрю сурова;
Снего-блещущи власы
Он взбугря чела седова,
Из-под длани на красы
Взор стремится звезды полночной (III, 38).

Далее в трех строфах воспевается Петрополь, в который по знаку восхищенного Ладогана «его прекрасна дочь» Нева ведет, «преклонши зрак», путешественницу:

Вижу, Севера столица
Как цветник меж рек цветет, —
В свете всех градов царица,
И ее прекрасней нет!
Бельт в безмолвии зеркало
Держит пред ее лицом,
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народам всем,
Как румяный отблеск зарьный.

<...>

Вижу пристаней цепь, зданий,
Торжищ, стогнов чистоту,
Злачных рощ, путей, гуляний
Блеск, богатство, красоту (III, 39–40).

Вторая половина оды (5 строф из 12) наполнена проникновенными словами в адрес императорской фамилии. Говоря об Александре, Державин едва ли не единственный раз обращается к теме Русско-турецкой войны. Он выражает общее одобрение назначением главнокомандующим молодого генерала Н. М. Каменского (сына фельдмаршала М. Ф. Каменского, 1738–1809), который уже прославился военными подвигами:

Феникс сей, из праха отча
Встав, парит во звездный круг;
Гордость, зависть, злоба, молча
В нем признав воинский дух,
Защищать Стамбул престанут,
В Азию Магмет уйдет (III, 40).

Пока же «Норда царь тем веселится, / Что меж звезд растет Парнас». Больше всего автора оды восхищают «милосердья алтари» и «всех нив благих посев» Марииной рукою, то есть благотворительные и воспитательные учреждения императрицы. Этой одой Державин напомнил о себе. В октябре он был приглашен Марией Федоровной на камерный обед, затем на именины Екатерины Павловны (24 ноября) и на празднование Рождества Христова. В следующие пять лет поэт получает подобные приглашения 61 раз.

Но вернемся в летнюю Званку. После «Славы» и «Идолопоклонства» Державин продолжил писать духовно-философские оды. Следующей из них стала «Добродетель», созданная 12 июля. По свидетельству Я. Грота, в ее рукописи имелось зачеркнутое примечание: «Написано по спору, в котором с одной стороны утверждали, что нет добродетели, что она только существует мечтательно и умозрительно» (III, 56). Для поэта Добродетель «добротой Богу подобна», ею «стоит сей только свет». Спустя несколько дней — 21 июля — заканчивает оду «Истина», предвосхитившую поэму «Христос» (1814), в которой о Сыне Божьем сказано:

Он — шедша Истина с небес,
Он — Добродетель воплощенна (III, 203).

Я. Грот отмечает, что в рукописи оде был предпослан библейский эпиграф: «Аще кто меня отвержется пред человеки, и аз отвергнуся его пред Ангелами Божиими» (III, 61), в журнальной публикации сохранивший только первую половину (Соч. и пер. Рос. акад. 1811. Ч. V. С. 160). Поэт дает разнообразные определения Истине; в первой строфе оды оно такое:

Источник всех начал, зерно
Понятий, мыслей, чувств высоких,
Среда и корень тайн глубоких,
Отколь и кем все создано,
Числ содержательница счета,
Сосференного в твердь сию,
О Истина! о голос Света!
Тебя, бессмертная, пою (III, 61–62).

Обращение к Истине в последней строфе автор заканчивает просьбой-заклинанием:

Когда сей плоти совлекуся,
Хоть был бы чист, как блеск огня,
Но как к тебе на суд явлюся,
Не отвратися от меня (III, 67).

К духовно-философским одам близки переводы Державина из Людвиг Козегартена (1738–1802), о котором Я. Грот пишет: «пастор и профессор, один из самых плодovitых поэтов лучшего периода германской литературы, замечательный разнообразием топов своей поэзии и обилием ее форм. Он писал и драмы, и романы и пользовался в свое время большою известностью; однако ж позднейшая критика признала его только первым между второстепенными поэтами той эпохи. По словам Гервинуса (Gesch. d. D. Dichtung, t. V, с. 582), Козегартен плавает по всему морю поэзии и нигде не бросает якоря; только заметно, что он вышел из гавани, где стоял Клопшток» (III, 68).

Державин переводит четыре оды (Poesieen. T. 1–3. Leipzig, 1798–1802), по-видимому, наиболее созвучные размышлениями о Творце и возможности вечной жизни его тогдашнему настроению: «Тоска души», «Явление», «Предвестие» и «Проблеск».

Ода «Тоска души» замечательна необыкновенными пейзажными картинами, сопровождающими встречу лирического героя со Всевышним.

В оде «Явление» помимо пейзажной зарисовки («Лежал я на травном ковре зеленом, / На берегу шумящего ручья, / Под темносвесистым, лаплистым кленом») видим созданный мечтой героя портрет юной девы:

Как снег, тончица бела обвеваает
Ее орехокурчаты влады;
С очей ее блестяща отливалась
Эфира чистого лазурна даль;
Среди ланит лилейных расширялась
Заря, сквозясь в кристаль (III, 73–74).

Когда воображаемая «юная жена» померкла «так, как лунна ночь», взведя напоследок «взор важный и глубокомудрый свой» на звездное небо, он понял:

Не стоит хвал, любви, но паче слезно
Само-блестяще на земли житье;
Но там, но там с тобой цветет любезно
Отечество мое (III, 74).

Самой мрачной по тональности стала ода «Предвестие», близкая кладбищенской поэзии романтиков. В ней «вечереюще светило» своим «печальнейшим закатом» «расстиляет гроба тень», «холодная с кладбищ погода / разносит хлад по всей стране». Унылый пейзаж вызывает у героя унылые мысли о неизбежности смерти («Седем, стареем, дряхлеем / И падаем в ров тли стремглав»), причиной которой может стать «злого рока скрежетанье». Лишь смирение и «щит Христовой веры» помогут попасть «в блаженну вечность для утех», в «невестник Ангелов».

Мысль о бессмертии становится сюжетообразующей в оде «Проблеск» (первоначально «Просвет»), последнем подражании Козегартену. Ее герой, оглядываясь на пройденный путь, перечисляет свои нравственные заслуги и качества души: «не был горд и подл», из самолюбия не пролезал «в сонм вельмож», был «сердцем кроток, тих, боголюбив душою», «домогалясь лишь везде единой правды», «бедным завсегда желал помочь», «истину и правду чтил». Эти черты позволяют надеяться на милосердие Небесного

Отца и будущее «утешение в эдемских куцах», где он сможет наслаждаться беседою святых и возглашать на арфе «Творцу хваленье». В последней строфе оды поэт просит «мысль о бессмертии»:

Хотя болезнь когда, хоть смерть мне приражится,
Не преставай елей свой в грудь мне лить
И по последний вздох в уме твердиться,
Что в гроб иду не умирать, но жить,
Тех вечных благ вкушать, что в небе приготовил
Бог любящим Его (III, 74).

Обращению к теме смерти в одах 1810 года способствовали и обстоятельства семейной жизни Державина: 23 марта скончалась племянница его супруги Надежда Ильинична (жена Ф. П. Львова), оставив сиротами десятерых детей. Летом они гостили в Званке, где Державин 10 июня пишет стихотворение «В записную книжку Петруше Львову». В нем он учит внучатого племянника благочестию и благонаравью («Ни Богу, ни царю противиться не смей»), остерегает от поклонения ложным кумирам («Но вместо Бога ты не обожай кумира»), советует быть осторожным в «пристрастном мире» («Как голубь — сердцем чист; как змей — быть хитр учись»), уверяет, что терпением возможно «злобу стерть»; главное же — сохранить *совесть* перед лицом смерти:

Она единая в сей жизни утешенье.
Душ добротой твои родители цвели.
Век помни матери блаженное усенье;
И, в небе как она, — будь счастлив на земли (III, 443).

Сюжетные мотивы этого стихотворения получили развитие в рассмотренных выше духовно-философских одах Державина. К ним можно отнести и оду «Надежда», адресованную Федору Петровичу Львову и «написанную в память жены его» 15 июня. Надежда, изначально данная человеку, еще до того, «как он прахом был одет», — «обещательница благ», даже в старости («перед близкой днесь могилой») помогает «жизнь любить и суеты», ею «бодрится дух» во времена невзгод: «Глас Надежды — Божий глас». Она сопровождает человека до единения с Богом: «Буду риз ее держаться / До объятия Любви» (III, 44). Лишь одна Любовь пресекает полет Надежды. Заканчивается ода обращением к ее адресату: «Верь, жива твоя Надежда, / Ты ее увидишь, Львов!» (III, 44).

В судьбу Федора Петровича вмешалась любовь земная. Он вновь стал счастлив благодаря женитьбе на племяннице Державиных Елизавете Николаевне Львовой¹³, заменившей мать его детям. В одном из своих стихотворений Львов скажет: «Я жив любви единой силой / И тут не дамся победить»¹⁴.

Своеобразными эпитафиями (свадебными стихотворениями) станут оды Державина «Оковы» и «Ива», адресованные Елизавете Николаевне.

Памяти ее родителей он посвящает надпись «На гроб переводчика Анакреона, Н. А. Львова, и его супруги, в селе Никольском», куда, по сообщению Я. Грота, поэт «ездил в 1810 году»:

Да вьется плющ, и мирт здесь высится зеленый,
Хор свищет соловьев, смеется пестрый луг,
Ключи струят млеко, и вина драгоценны
Да разливают всем благоуханье вокруг:
Анакреон с четой здесь русской почивает.
О Львов! покойся, — прах покой коль ощущает (III, 444).

Одним из главных дел Державина в 1810 году, как уже говорилось, была работа над трактатом «Рассуждение о лирической поэзии». Его первая часть, в которой рассматриваются особенности оды («подобна быстрой реке»), пеана («подобен тихопрозрачному потоку»), дифирамба (подобен «ужасному яростному водопаду») и сколии, или застольной песни (подобна «небольшому источнику без всяких кривизн»), была завершена «не позднее ноября» 1810 года¹⁵, прочитана на открытом заседании «Беседы» 22 апреля 1811 года и опубликована во 2-й книге ее «Чтений»¹⁶. Для того чтобы представить «обилие и силу», гибкость и способность российского языка к изображению «ясно и сладкозвучно всех чувств сердца человеческого», автор приводит примеры «из древних, а более из подлинных произведений отечественных лириков» и «в необходимых только случаях» из своих сочинений. В частности, он цитирует, либо включает полностью оды, созданные в 1810 году: «Тоска души», «Шествие по Волхову российской Амфитриты», «Оковы» (возможно, 1809 г.), и переводы из Горация: «К Меркурию», «К Каллиопе», «К Меценату» и к «Бахусу».

Я. Грот, быть может основываясь на дате публикации, относит три первых перевода к 1811 году. Возможно, они были выполнены еще в 1810 году, поскольку вошли в 1-ю часть «Рассуждения о лирической поэзии». В них «Державин стремится к максимальной точности в передаче текста <...> в данных переводах совершенно отсутствуют черты русификации, столь характерные для предыдущих „горацианских“ произведений поэта», — пишет М. А. Паит¹⁷, что обусловило, по мнению исследовательницы, «ощущение стесненности, несвободы автора» и появление в тексте этих стихотворений усложненных синтаксических конструкций. При работе Державин, по-видимому, обращался к точным прозаическим переводам, отправленным «бессмертному поэту» «главным его консультантом по творчеству Горация» А. М. Котельницким 8 января 1801 года¹⁸, и, вероятно, к оригинальным текстам древнеримского автора¹⁹.

Рассмотрим, в каких случаях Державин использует в качестве примеров в «Рассуждении о лирической поэзии» оды 1810 года.

Перечень «достоинств высоких од и гимнов» в трактате начинается с определения вдохновения, которое «не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества». Поэт должен приниматься за лиру только тогда, когда его посещает вдохновение. Оно «может быть у всякого свое и по временам отличное... по настроению лиры, или по наитию гения». Одним из примеров *тихого* вдохновения стала четвертая строфа оды «Тоска души»:

Так вскрикнув, я повергся долу:
Заглохнул стон болотна дня,
Замолкло леса бушеванье,
Затихла тише тишина.
Лежал простертым, чуть дыхая,
В цветах на берегу ручья,
Над коим месяц серпозлатый
Блистал, бледнел, темнел, — исчез.

Пример *унылого* вдохновения — первая строфа той же оды:

Что так смущаешься, волнуешь,
Бессмертная душа моя?
Отколе пламенны желанья?

Отколь тоска и грусть твоя?
Се холмы синие мерцаньем,
Дуг запахом спокойство льет;
Но ах! ничто не утоляет
Унынья томна твоего!

В оде необходимо «единство страсти, или одно главное чувство». В числе примеров, «когда поэт предмета своего ни на миг не упускает из виду», Державин приводит свой перевод оды Горация «К Меркурию».

Примером разнообразия в плане, когда автор «так цель свою утаивает, что и угадать трудно», стала ода «К Каллиопе», разнообразия в картинах — «Шествие по Волхову российской Амфитриты»; краткости в «целом простом творении» — ода «К Меценату».

Один из пяти примеров необходимой оде «новости чувств и выражений» — 11-я строфа «Тоски души»:

Он жажд твоих всех утоленье,
Он чуден именем Своим,
Любовь и свет — Его есть сущность;
Его *когда* — всегда есть с ним;
Его *где* — здесь и повсеместно;
Его подобие — есть ты;
Его отсвет — в тебе блистает.
Гордись, мой брат, величьем сим!

«Чтобы более возбудить внимание» к главному предмету, в оде «с умыслом делается» *отступление*, или *уклонение* от него. За примером Державин вновь обращается к «Тоске души», приводя ее 6-ю строфу:

Не драгоценностей алканье,
Не слава, не хвала людей
И не предмет тобой избранный
Волнуют во груди твоей;
Но тот, — прочь от очес повязка!
Запона и от слуха прочь!

Никакое произведение «не достигает бессмертия» без *вкуса*: «Он знает всему меру, где тон возвысить, где понизить, где остановиться и где продолжать. <...> Он умеет распределять тени кра-

сок, звуков, понятий и из разногласия творить согласие. <...> без вдохновения на струнах лиры нет жизни, а без вкуса — приятно-сти»²⁰. Одним из примеров вкуса «в простом слог» становится ода «Оковы».

В качестве примера *дифирамба* («Не знаю я дифирамбов, сочиненных нашими знаменитыми лириками») «приложен» перевод оды Горация «К Бахусу». Она «написана необычным стихотворным размером, приближающимся к гекзаметру <...> такой размер встречается в поэзии Державина один раз»²¹. Тяжелые синтаксические конструкции выглядят в ней «вполне уместными и создают впечатление глубокого потрясения от видения Диониса»²²:

Вакха вдали, верь мне потомство, я видел:
Меж диких он скал сидящий, петь учил песни
Нимф, ставших вокруг, внимавших его, и вверх
Заостренных ушми козлоногих Сатиров <...>

В 1810 году Державин продолжает собирать материалы для «Рассуждения о лирической поэзии»: посланник в Голладии кн. С. Н. Долгоруков в письме от 10 декабря сообщает ему сведения о голландских лириках и некоторых их произведениях. Работу над трактатом поэт продолжит в 1811–1816 годах.

Активно занимался Державин и учреждением взамен литературных вечеров общества «Беседа любителей русского слова»: созданием его структуры, устава, формированием состава участников. На собрании, состоявшемся в доме поэта 2 декабря, решено, что в каждом из 4-х разрядов «Беседы» будет по шесть членов, утверждены их кандидатуры. Державин возглавил второй разряд, который собрался 4 декабря для обсуждения программы своего первого открытого заседания (состоялось 22 апреля 1811 года). «В сем собрании распределены роды упражнения и положено читать в Первой публичной Афинее²³ нашего разряда суждение Державина о лирическом стихотворении», — сообщает Д. И. Хвостов в «Записках о словесности»²⁴. Он же рассказывает: «13 декабря в доме Гав. Романовича было общее собрание всех членов, на коем были читаны изготовляемые к подписке членов законы Беседы; а потом для представления министру на утверждение. Тут же делали записку о тех, кого приглашать в по-

четные члены, в том числе мне поручено отобрать согласие от П. Ив. Кутузова и кн. Ив. М. Долгорукова. Тут же распоряжали, где быть столу в зале Беседы и довольно ли слышно чтения. Тут же подписались на содержание Беседы: Державин, Шишков, Захаров, Хвостов, кн. Голицын, Кикин и я, каждый по 50-ти рублей»²⁵.

Д. П. Северин, служивший в то время под началом министра юстиции И. И. Дмитриева, писал 21 декабря своему другу П. А. Вяземскому: «Литераторы или, лучше, словесники наши занимаются все Аттенем...»²⁶

Почетными членами «Беседы» впервые были избраны женщины-поэтессы, в их числе А. П. Бунина. Любопытным свидетельством общения с нею стало стихотворение Державина, которым открывается «маленький в четверку альбомчик... в желтой коже»²⁷, подаренный Буниной в день рождения (7 января 1810 года) ее родственником Б. К. Бланком:

Стихи твои приятны, звонки,
Показывают ум нам тонкий
И нравятся тем всем,
А более ничем.

Этот тон подхватил на следующей странице А. С. Шишков:

От прелестей твоих стихов
Все, все без обороны;
Так каркнем же хоть пару слов
И мы вороны.
Нам кажется, ты то между людей,
Что́ между нами соловей.

Адресовал Гаврила Романович соратникам по перу и более серьезные стихотворения. Одним из горячих его поклонников был поэт-дилетант Константин Васильевич Злобин (1779–1813)²⁸, служивший в 1802–1803 годах при нем чиновником особых поручений. Выйдя в отставку, он жил в Вольске, где управлял коммерческими делами отца — известного предпринимателя и общественного деятеля В. А. Злобина (1750–1816), и продолжал заниматься творчеством. В стихотворениях этого периода Константин Васильевич, неоднократно воспевавший Державина, се-

тует на жизнь вдали от столицы и литературных кругов. Поэт отправляет ему в 1809 году свои Сочинения (Т. 1–4. СПб., 1808), а 20 мая, перед отъездом в Званку, пишет стихотворение «К молодому Злобину», где, находя противоречие в занятиях адресата («Барышник, стиходей — суть двое: / Ты выбери себе любое»), советует:

Решись, оставь свое разгласье:
Сомненья к благу не ведут.
Нет! Гении когда и счастье,
Сложась, тебе дары дают,
Дерзай: будь чудо-феникс в мире!
Не игрывал Мидас на лире (III, 448).

Стихотворению предпослан евангельский эпиграф: «Кая бо польза человеку, аще весь мир приобретает, душу же свою отщепит?» (Мф., 16, 26). Это способствовало диалогу с адресатом, в литературной практике которого были аналогичный опыт цитирования Библии (эпиграф к стихотворению «Одиночество. К И. М. Матвееву»²⁹) и переложения псалмов.

Константин Злобин, став в конце жизни, подобно отцу, благотворителем, открыл в Вольске в 1810 году пансион «ПроPILEи» на 20 учеников. Во Всероссийском музее А. С. Пушкина хранится памятная реликвия — записная книжка К. В. Злобина (приобретена в 2004 г.). На л. 15 в ней его супругой сделана запись: «Благодетельный и единственный друг мой Константин Васильевич Злобин кончил жизнь свою в непрерывных заботах для блага ближних своих...». Это случилось в ночь с 12 на 13 сентября 1813 года.

Поддерживал Державин в 1810 году и связи с Российской Академией (членом которой стал в 1783 г.)³⁰, изредка участвуя в ее заседаниях и публикуясь в издаваемом ею сборнике «Сочинений и переводов». В декабре к нему обратился кн. А. А. Шаховской, который решил искать «первейшей чести для любителя словесности — помещения в Российскую академию», с просьбой о рекомендации: «Прошу вас быть моим предстателем»³¹. По предложению Державина на заседании 17 декабря 1810 года «15-тью избирательными против одного неизбирательного шара» он был

избран в члены Российской Академии на место скончавшейся кн. Е. Р. Дашковой.

Из эпистолярного наследия Державина сохранилось всего несколько писем, относящихся к 1810 году. Самым настойчивым корреспондентом поэта был его давний друг, губернский предводитель курского дворянства Петр Алексеевич Гасвицкий (1749 — после 1820)³², о котором Державин писал в рекомендательном письме (от 7 декабря 1805 года) к А. Б. Куракину: «Он человек самых честных правил, и потому в полной мере заслуживает твое благорасположение. Оказавши оное ему, сделаешь, друг мой, вместе и мне тем одолжение» (III, 374). Петр Алексеевич был озабочен какой-то тяжбой с губернатором Д. А. Прозоровским.

Возможно, в 1810 году Державин работает над своими «Записками»³³. Относительно их датировки нет единого мнения: Я. К. Грот предполагал, что они писались в продолжение 1812 года, «может быть отчасти также в 1811 и 1813 годах»³⁴; первый публикатор мемуаров поэта П. И. Бартенев считал, что «Записки писаны между 1808 и 1812 годами»³⁵. Косвенным свидетельством работы над ними в 1810 году служит обращение поэта (перед отъездом в конце мая в Званку) к племяннику скончавшегося генерал-провиант-мейстера и сенатора Саввы Ивановича Маврина (1744–1809) с просьбой прочесть оставшиеся после него бумаги «по бывшей пугачевской комиссии», которые и были отправлены в Званку 30 июня. Во время пугачевщины капитан-поручик Маврин служил, как и Державин, в Секретной комиссии и первым допрашивал Пугачева. Молодые офицеры были в приятельских отношениях³⁶, которые сохранили и впоследствии. Когда в марте 1786 года у тамбовского губернатора Державина возникли проблемы в связи с желанием во что бы то ни стало помочь провиантскому комиссионеру купцу Гарденину в снабжении армии, он обратился к С. И. Маврину. Друг поэта Н. А. Львов предупредил его: «Хорошо ты делаешь, что пишешь к Саве, он птица ночная, любит сказки и часто говорит, что читает...» (V, 446).

Не все события жизни Державина нашли отражение в документальных источниках 1810 года. Сохранившиеся материалы позволили создать публикуемую ниже летопись.

1810

Январь — декабрь. Державин работает над «Рассуждением о лирической поэзии».

См.: *Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 229–246.

Январь, Петербург. В журнале «Вестник Европы» (ч. 49, № 2) напечатана гравюра «Вид Званки усадьбы Г. Р. Державина вниз по Волхову от стороны Нова-города».

Резц. грав. по ориг. Е. М. Аврамова. Отпеч. также отд. л. См.: Письмо преосв. Евгения (Болховитинова) Державину. Вологда. 9 июня 1809 г. // Сочинения Державина. Т. VI. С. 197–198; [Б. п.]. Вид Званки // Маяк. 1843. Т. 8. Кн. 15. С. 40–41 (отд. Смесь).

21 марта. Державин пишет стихотворение на первой странице альбома А. П. Буниной.

Прот К. Альбом Анны Петровны Буниной // Русский архив. 1902. Кн. I. № 4. С. 501.

13 мая, Курск. П. А. Гасвицкий, губернский предводитель курского дворянства, пишет своему давнему другу Державину письмо, в котором просит похлопотать за него в споре с губернатором Д. А. Прозоровским (VI, 200, упоминается).

Гасвицкий Петр Алексеевич (1749 — после 1820), майор, предводитель уфимского, старооскольского и с 1802 г. (с небольшими перерывами до 1815 г.) курского дворянства, давний друг Державина.

20 мая, Петербург. Державин пишет стихотворение «К молодому Злобину» (III, 445–448).

Май, вторая половина. Державин, отвечая на письмо Гасвицкого, сообщает, что говорил о его деле с министром юстиции И. И. Дмитриевым и отдал ему записку (VI, 200, упоминается).

7 июня, Павловск. Императрица Мария Федоровна подписывает «рескрипт» Державину по поводу прошения о приеме дочерей члена вятской межевой конторы Фока в училище ордена св. Екатерины.

РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Оп. 2. Ед. хр. 102.

Александр Карлович Фок (1769 — ок. 1840) был женат на двоюродной племяннице Державина Прасковье Никитичне Миллер (1770-е — ок. 1827). В этом браке родилось 5 сыновей и 7 дочерей.

В летние месяцы Державин живет в Званке, где работает над первой частью «Рассуждения о лирической поэзии» и создает следующие произведения:

10 июня. «В записную книжку Петруше Львову» (III, 443).

Примеч. Я. Грота: «В первоначальной рукописи эти стихи помечены: 10 июня 1810 г. на Званке» (III, 443). Петр Федорович Львов (1796–1869, Казань), генерал-лейтенант от кавалерии, начальник 7-го (Казанского) округа Корпуса жандармов, сын Федора Петровича Львова (1766–1836) и его первой супруги Надежды Ильиничны, урожденной Березиной (9.01.1776 — 26.03.1810).

О Ф. П. Львове см.: *Зорин А. Л.* Львов Федор Петрович // Русские писатели 1800–1917. Т. 3. С. 424–426.

15 июня. «Надежда. К Ф. П. Львову» (III, 42).

«На Званке 1810 года июня 15 дня» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 46). Примеч. Я. Грота: «Написано 15 июня в память первой жены его <Ф. П. Львова>, *Надежды* Ильиничны, урожденной Березиной, племянницы Державиной: мать Березиной была Анна Алексеевна, в девицах Дьякова» (III, 442). Ода была прочитана 3 апреля 1813 г. на 12-м публичном заседании «Беседы» и опубликована в «Чтениях» (СПб., 1813. Кн. 12. С. 54–55); также: Соч. и пер. Рос. акад. СПб., 1813. Ч. 6. С. 189–192.

24 июня. Ода «Слава» (III, 47).

«Июня 24 дня 1810 года на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 47 об.). Впервые опубли.: Вестник Европы. 1812. Ч. 64. № 16 (август). С. 302–305. Здесь же было напеч. обращение «К жителям Остзейских губерний», переведенное Державиным с нем. (С. 306–309.); также: Соч. и пер. Рос. акад. СПб., 1813. Ч. 6. С. 181–185.

27 июня. Ода «Идолопоклонство» (III, 52–55).

«27 июня 1810 года на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 49 об.). Впервые опубли.: Соч. и пер. Рос. акад. СПб., 1813. Ч. 6. С. 86–188.

Июнь. Ода «Шествие по Волхову Российской Амфитриты» (III, 37–41).

«Писана на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 44). Была прочитана в составе «Рассуждения о лирической поэзии» на заседании «Беседы» (22 апреля 1811 г.) и опублик. в «Чтениях» (Кн. 2, ч. 1. С. 8–59); также: Соч. и пер. Рос. акад. 1811. Ч. 5. С. 55–159.

30 июня, Петербург. М. С. Маврин отправляет Державину бумаги «по пугачевской комиссии», оставшиеся после его «покойного дяди Саввы Ивановича Маврина» (VI, 200).

3 июля. День рождения Г. Р. Державина.

10 июля. Державина посетил П. И. Шаликов, рассказавший об этом в мемуарной заметке «Министр, поэт, доброй человек, патриот: (достопамятность в моей жизни)».

Опубл.: Аглая. 1810. Ч. 12. Октябрь. С. 22–28.

12 июля, Званка. Державин пишет следующие стихотворения:
Ода «Добродетель» (III, 56–60).

«Июля 12 1810-го на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 51). Впервые опубл.: Соч. и пер. Рос. акад. СПб., 1811. Ч. 5. С. 166–170.

«Детская песня» (III, 444).

«Перевод с нем. На Званке 1810 июля 12 дня» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 43 об.).

13 июля. Именины Г. Р. Державина.

21 июля. Ода «Истина» (III, 64–67).

«Июля 21 1810 на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 53 об.). Была прочитана на заседании «Беседы» 22 апреля 1811 года и напеч. в «Чтениях» (Кн. 2. СПб., 1811. С. 3–8); также: Соч. и пер. Рос. акад. 1811. Ч. 5. С. 160–165.

27 июля (?). Ода «Тоска души» (III, 68–72).

Примеч. Я. Грота: «Близкий перевод пьесы Козегаргена “Das Wehen des Allliebenden” (его Poesieen, Лейпциг, 1798–1802, т. I, с. 53), помеченный в рукописи: „27 июня на Званке“» (III, 68). В рукописях Державина стоит дата: «Июля 1810 на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 56 об.). Эта ода вошла в «Рассуждение о лирической поэзии» и была опублик. в его составе в «Чтениях» (СПб., 1811. Кн. 2. Ч. 1. С. 21–22, 27) как пример разнообразия в картинах; также: Соч. и пер. Рос. акад. СПб., 1813. Ч. 6. С. 174–178.

28 июля. Ода «Явление» (III, 73–74).

«28 июля 1810-го на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 59). Примеч. Я. Грота: «Подражание пьесе Козегартена *Die Erscheinung* (см. его Poesieen, т. II, с. 43 и т. III, 278)» (III, 73). Впервые опубли.: Соч. и пер. Рос. акад. СПб., 1813. Ч. 6. С. 179–180.

29 июля. Ода «Предвестие» (III, 75–77).

«29 июля 1810 года на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 60). Примеч. Я. Грота: «Подражание пьесе Козегартена *Ahndung* (см. его Poesieen, т. I, с. 111)» (III, 75). Впервые опубли.: Соч. Державина: в 5 ч. СПб., 1808–1816. Ч. 5. С. I–XXIII.

Июль–август (?):

«Оковы» (III, 6–7). Вольный перевод эпиграммы древнегреческого поэта Павла Силенциария (VI в.).

«Соч. в Званке 1810; перевод из Антологии греческой. Сочинено для племянницы автора Елисаветы Львовою» (III, 724). Я. Грот относит эту оду к 1809 г. («Из рукописей видно, что это стихотворение написано уже в 1809 году» — III, 724, примеч. 4). Включена в «Рассуждение о лирической поэзии» и напечатана в «Чтениях» (СПб., 1811. Кн. 2, ч. 1. С. 30).

«К Бахусу» (III, 45–46).

Пер. оды Горация (кн. II, 19). Включена в «Рассуждение о лирической поэзии». Впервые опубли. в его составе в «Чтениях» (СПб., 1811. Кн. 2, ч. 1. С. 115).

2 августа, Курск. П. А. Гасвицкий пишет Державину письмо, в котором вновь просит хлопотать за него в деле с губернатором Д. А. Прозоровским (VI, 200, упоминается).

6 августа, Званка. Державин пишет оду «Проблеск» (III, 78–80).

«6 августа 1810 на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 61 об.). Первоначально была озаглавлена «Просвет». Примеч. Я. Грота: «Это опять подражание Козегартену; ср. в его соч. (т. I, с. 114) пьесе *Aussicht*» (III, 78). Впервые опубли.: Соч. Державина: в 5 ч. Ч. 5. С. XXI–XXIII.

18 августа. Державин пишет оду «Ива».

«Августа 18 на Званке» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1 Ед. хр. 10. Л. 61). Опубли.: *Гуковский Г. А.* Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. 1933. Т. 9–10. С. 392–393.

25 августа. Державин, отвечая на письмо Гасвицкого от 2 августа, сообщает о принятых по его «делу с губернатором» Прозоров-

ским шагах и обещает по возвращении в Петербург продолжить хлопоты, если «дело не решено еще будет» (VI, 200).

15 сентября. П. И. Молчанов, статс-секретарь у принятия прошений и управляющий делами Комитета министров, сообщает Державину повеление императора Александра I об отмене взыскания, наложенного на Коммерц-коллегию за удаление от должностей членов Очаковской таможни.

РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Ед. хр. 103.

Октябрь. В журнале «Аглая» (1810. Ч. 12. Окт. С. 22–28) опубликован мемуарный очерк П. И. Шаликова «Министр, поэт, доброй человек, патриот: (достопамятность в моей жизни)».

11 октября. Петербург. Державин приглашен императрицей Марией Федоровной в Зимний дворец на обед, накрытый в Ковровой комнате на 23 персоны.

КФЖ имп. Марии Федоровны 1810 / 2, 306–307.

14 октября. Венчание племянницы Державиных Елизаветы Николаевны Львовой и Федора Петровича Львова в церкви Петра Митрополита в Ульянке.

См.: *Дзюбанов С. Д.* «Львова вышла замуж за Львова...»: легенды и факты // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2007. Вып. 5. С. 102.

24 ноября. Державин приглашен во дворец, где по случаю празднования тезоименитства великой княгини Екатерины Павловны состоялись литургия в Большой церкви и обед на 82 персоны в Желтой комнате. «Сего дня погода теплая была».

КФЖ имп. Марии Федоровны 1810 / 2, 272, 283.

1 декабря, Новгород. Новгородский губернатор А. В. Васильчиков отправляет Державину письмо («отношение под № 4798») с просьбой помочь в устройении казенной суконной фабрики (VI, 203, упоминается).

2 декабря, Петербург. Подготовительное заседание будущей «Беседы» в доме Державина.

Хвостов Д. И. Записки о словесности. С. 365.

3 декабря, Петербург. Состоялось «торжественное годовое собрание Российской Академии».

Хвостов Д. И. Записки о словесности. С. 365–366.

4 декабря, Петербург. Подготовительное заседание будущей «Беседы» в доме Державина.

Хвостов Д. И. Записки о словесности: «В сем собрании разделены роды упражнения и положено читать в Первой публичной Афинее <„Беседа“> нашего разряда суждение Державина о лирическом стихотворении» (с. 366).

6 декабря, Петербург:

Державин посылает записку Н. И. Гнедичу, в которой советует ему не отказываться от членства в «Беседе» (VI).

Гнедич, ссылаясь на нездоровье, пишет Державину, что «переговоры по словесности», производясь «толиким числом приглашаемых особ», ни его «отсутствием не расстроятся», ни «присутствием не получат лучшего успеха» (Там же, 201).

7 декабря, Петербург. Державин в письме Гнедичу повторно предлагает ему стать членом «Беседы любителей русского слова»:

«Через три месяца раз прочеть что-либо, не токмо свое сочинение, но и чужое, кажется не трудно. Вы спознакомясь с первыми людьми в империи и ни где лучше талантов своих открыть не можете, как тут» (Там же, VI, 201–202).

Ок. 10 декабря. Д. И. Хвостов получает от Державина «начертание о втором разряде Атеня».

Хвостов Д. И. Записки о словесности. С. 367.

10 декабря. Кн. С. Н. Долгорукий, посланник в Голландии, отправляет Державину письмо со «сведениями о именах лирических голландских поэтов и о некоторых из их творений».

ИРЛИ. Ф. 96. Г. Р. Державин. Оп. 1. № 37. Л. 45. См.: *Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». С. 232.

11 декабря. Д. И. Хвостов отправляет Державину ответ на «начертание о втором разряде Атеня» «при суждении о критике разряда о Атенее Римском» и свою аллегорию «Время».

Хвостов Д. И. Записки о словесности. С. 367.

12 декабря:

Гнедич, отвечая на «Записку» Державину о занятиях членов второго разряда «Беседы», не соглашается называться ее сотрудником и быть девятым в списке.

Он хочет «видеть себя в списке» под именем «Член Сотрудник его высокопревосходительства Державина» либо «принять на себя обязанности» под именем Члена, но не Сотрудника» (VI, 202–203).

Державин отвечает Гнедичу:

«Будьте удостоверенным, милостивый государь мой Николай Иванович, что хотя на письмо и наименовал вас г. Хвостов просто сотрудником, но вы есть, как и он, член. Имя ваше, кроме первых четырех, старших вас чином, в списке выше других помещено будет, и вы моим останетесь собственно, когда угодно вам, сотрудником». Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. С. 5.

13 декабря. В доме Державина состоялось «общее собрание всех членов» будущей «Беседы», на котором «были читаны изготовляемые к подписке» ее законы.

Хвостов Д. И. Записки о словесности. С. 367.

17 декабря. На заседании Российской Академии по предложению Державина на место скончавшейся в 1810 году кн. Е. Р. Дашковой был избран кн. А. А. Шаховской.

Хвостов Д. И. Записки о словесности. С. 367.

25 декабря. Державин приглашен императрицей Марией Федоровной в Зимний дворец на празднование Рождества Христова. Литургия была отслужена в Большой церкви, обед на 74 персоны состоялся в Желтой комнате.

КФЖ имп. Марии Федоровны 1810 / 2, 523–525.

Декабрь Державин, отвечая на письмо А. В. Васильчикова от 1 декабря, предлагает свой план развития сукноделия в Новгородской губернии (VI, 203–206).

Выходят из печати издания, включающие произведения Державина:

Собрание рус<с>ких стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих рус<с>ких журналов / изд. В. Жуковским: [в 5 ч.]. М., 1810. Ч. 1; Ч. 2.

Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен <...> / изданный Ж. Г. Т. А. К. [жителем города Твери А. Капустинным], иждивением м<осковского> к<упца> Павла Вавилова». М., 1810.

Державин получает в дар от П. Карабанова, переведенную им и изданную Российской Академией 1-ю часть «Лицея, или Круга словесности древней и новой» Ж.-Ф. де Лагарпа (СПб.: тип. В. Плавильщикова, 1810) (зкз. хранится в ГПИБ).

Список условных сокращений

- КФЖ имп. Марии Федоровны 1810 /2 – Камер-фурьерские журналы 1810 г. Июль – декабрь. Камер-фурьерский журнал государыни императрицы Марии Федоровны 1810-го года. 2. СПб., 1909.
- «Чтения» – «Чтения в Беседе любителей русского слова» (Кн. 1–19. СПб., 1811–1816).
- Хвостов Д. И. Записки о словесности – Из архива Хвостова / публ. А. В. Западова // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. I. С. 359–407.
- Русские писатели 1800–1917 – Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: в 7 т. Т. 1–5. М., 1989–2007.
- Соч. и пер. Рос. акад. – Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. СПб., 1805–1823. Ч. 1–7.

Примечания

- ¹ О нем см.: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского: в 4 т. СПб., 1861; *Нольде А. Э. М. М.* Сперанский. Биография. М., 2004; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. Гл. VI: Враг народа. Опала М. М. Сперанского и мифология измены в общественном и литературном сознании 1809–1812 годов. С. 187–238; *Томсинов В. А.* Сперанский. М., 2006; *Зеленянская Ю. В.* Письмо Г. Р. Державина из коллекции Государственного музея-заповедника «Петергоф» // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2017. Вып. 13. С. 24–34.
- ² См.: *Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2002. Сб. 22. С. 272. № 258.
- ³ См.: *Коровин В. Л.* Об оде Г. Р. Державина «Слава» (1810) и его политических и религиозных взглядах накануне Отечественной войны 1812 г. // Литературоведческий журнал. М., 2016. № 39. С. 32–45.

- ⁴ В греческой мифологии олицетворение вечного мрака.
- ⁵ Цит. по: *Шильдер Н.* Александр I // Русский биографический словарь: в 25 т. / под наблюд. А. А. Половцова. СПб., 1896–1913. Т. I: Аарон — император Александр II. С. 231–232.
- ⁶ О нем см.: *Анненкова Э., Голиков Ю.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб., 2004 (Серия: Диалог двух культур); *Мазанг Ю. А., Анненкова Э. Я., Тынянова О. Н.* Великогерцогский Ольденбургский дом // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/velikogertsogskiy-oldenburgskiy-dom>
- ⁷ Из «Летописи» тверского купца Михаила Тюльпина (1754–1824) // Тверь в записках путешественников. Вып. 2: Записки XVIII–XIX веков / изд. подг. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь, 2013. С. 97.
- ⁸ См.: *Иелев Д. М.* Храмосодительство в Вышнем Волочке 1750–1840 гг. // Кадашевские чтения. М.: Луг духовный, Кадашевская слобода, 2012. Вып. 10. С. 172. В других источниках говорится, что в Вышнем Волочке Ольденбургские пробыли 8 дней.
- ⁹ Амфитрита — супруга Посейдона, богиня морей.
- ¹⁰ См.: *Демин А. О.* Об историческом источнике трагедии Г. Р. Державина «Евпраксия» // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 155–161.
- ¹¹ Об образе Петербурга в поэзии Державина см.: *Анциферов Н.* Душа Петербурга. Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой. Л., 1990. С. 45–50.
- ¹² Так Державин, олицетворяя, называет Ладожское озеро.
- ¹³ О ней см.: *Евсеева М. К.* Львова Елизавета Николаевна // Русские писатели 1800–1917. Т. 3: К–М. С. 428–429; *Дзюбанов С. Д.* «Львова вышла замуж за Львова...»: Легенды и факты // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2007. Вып. 3. С. 96–116; *Бондарко Е. В.* «Лиза, друг мой, милой, юной!..» (о стихотворениях, посвященных Е. Н. Львовой) // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2016. Вып. 12. С. 44–50.
- ¹⁴ *Львов Ф. П.* На агатовую песочницу, полученную в подарок / Львов Ф. П. Часы свободы в молодости: в 2 ч. Тверь, 2006. Ч. 1. С. 143. (В ч. 1 включен текст одноименного сборника 1831 г.).
- ¹⁵ См.: *Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с литературой и искусством. С. 229–246.
- ¹⁶ *Державин Г. Р.* Рассуждение о лирической поэзии, или Об оде // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1811. Кн. II. Ч. I. С. 3–123.
- ¹⁷ *Паит М. А.* Проблемы рецепции од и эподов Горация в России XVIII — начала XIX в. (На примере творчества Г. Р. Державина). Дис. ... канд. филол. наук. На правах рукописи. М., 2004. С. 112, 122.
- ¹⁸ См.: *Морозова Г. В.* Г. Р. Державин и А. Котельницкий // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 185–196; *Она же.* Гораций в рукописных фондах Державина // Античность и общечеловеческие ценности. Алматы, 2002. С. 120–129. Упоминается стихотворный перевод Котельницким 58 од Горация (ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Оп. 1. Т. 38. Л. 14–62).

- 19 См.: Паум М. А. Проблемы рецепции од и эподов Горация... С. 4–7. Автор убедительно доказывает, что Державин, пройдя трехгодичный курс латинского языка в Казанской гимназии (его преподавал студент Московского университета Никита Морев), мог читать Горация в оригинале.
- 20 Там же. С. 573.
- 21 Паум М. А. Проблемы рецепции од и эподов Горация... С. 115.
- 22 Там же.
- 23 Одно из предполагавшихся названий «Беседы».
- 24 Из архива Хвостова / публ. А. В. Западова // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 366.
- 25 Там же. С. 367.
- 26 Арзамас: в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 160.
- 27 Грот К. Альбом Анны Петровны Буниной // Русский архив. 1902. Кн. I. № 4. С. 500–506. О ней см.: *Бабореко А. К.* Бунина Анна Петровна // Русские писатели 1800–1917: в 7 т. М., 1992. Т. 1: А–Г. С. 362–363. — Вышло из печати 5 т.
- 28 Степанов В. П. Злобин Константин Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 т. Л./СПб., 1988–2010. С. 338–340; *Кукушкина Е. Д.* Державин и К. В. Злобин (к вопросу о дилетантской поэзии) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 174–191.
- 29 Собр. соч. К. В. Злобина // ОР РНБ. Q. XIV. Л. 124 об. — 127 об.
- 30 См.: Г. Р. Державин // Сухомлинов М. И. История Российской академии: в 8 вып. СПб., 1874–1887. Вып. 7. С. 3–10
- 31 Письмо А. А. Шаховского Г. Р. Державину от 15 декабря 1810 г. // Там же. С. 66–67.
- 32 О нем см.: См.: *Державин Г. Р.* Записки. 1743–1812. Полный текст. М., 2000. С. 32, 82, 83; Сочинения Державина. Т. VI: Переписка 1794–1816 и «Записки». С. 49–50, 61–62, 77–78, 81–83, 145–146, 182–184, 186, 191–193, 373–374. *Коровин В. В.* Губернский предводитель дворянства Петр Алексеевич Гасвицкий // Личность в истории развития Курского края: Материалы региональной науч.-практ. конф., посв. Году российской истории. Курск, 27 сентября 2012 г. / под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2012. С. 47–53. В архиве Державина хранится 34 его письма Гасвицкому (РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Оп. 1. Т. 11. Л. 58–107), часть из них не опубликована. Письма и «пачку листов разных почерков» Я. К. Грот получил от Петра Яковлевича Гасвицкого — внука друга поэта — «через Карла Карловича Фойхта» (Сочинения Державина. Т. V. С. VII).
- 33 О них см.: *Панин С. В.* Автобиографическая диалогия Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. М., 2007. С. 201–215.
- 34 Сочинения Державина. Т. VI. С. 409.
- 35 Записки Г. Р. Державина. 1743–1812. М., 1860. С. 5.
- 36 См.: Письмо Маврина Державину из Оренбурга от 15 мая 1774 г. (V, 95–96).

Хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина*

Российская Федерация

Москва

Всероссийский государственный университет юстиции

- Научно-практическая конференция «Державинские чтения». Заседания проходили в течение года в разных городах России.

Санкт-Петербург

*Всероссийский музей А. С. Пушкина,
Музей-усадьба Г. Р. Державина*

- Научная конференция «Державинские чтения» (3 июля);
- Праздник русской поэзии XVIII века (3 июля);
- Издание книги «Г. Р. Державин в воспоминаниях современников» (СПб., 2018);
- Выставка «Образ и буква», посвященная оде «Бог»;
- Выставка иллюстраций Екатерины Омельченко «Алмазна сыплется гора...» к произведениям Г. Р. Державина (3 июля — 3 августа);
- Выставка современной графики «Старик Державин нас заметил» (9 июля — 12 августа).
- Презентация сорта сирени «Державин» (селекционер С. Аладин, руководитель группы «Русская сирень»).

* Хроника включает основные юбилейные мероприятия. Помимо них во многих областных и районных библиотеках (Астрахань, Липецк, Ростов-на-Дону, Ульяновск, Хабаровск и др.) прошли книжные выставки и литературно-музыкальные вечера, посвященные 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Составитель хроники — Ю. В. Дульцева.

Хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина

Российская национальная библиотека

- Электронная публикация иллюстрированной рукописи «Сочинений» Державина (1795).

Библиотека Российской академии наук

- Выставка «Автографы на книгах Г. Р. Державина (1743–1816) из фондов НИОРК» (3 июля – 2 августа).

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина

- Конференция-вебинар «Гавриил Романович Державин (к 275-летию со дня рождения)» (17 июля).

На сайте библиотеки размещена коллекция цифровых копий раритетных книг, архивных документов, периодических изданий, образательных материалов, связанных с жизнью Г. Р. Державина (с 14 июля).

Великий Новгород и Новгородская область

*Управление Министерства юстиции России
по Новгородской области*

- Лекция с показом слайдов на тему «Жизнь и творчество Г. Р. Державина» (4 июня).

Межпоселенческая центральная библиотека г. Чудово

- Конференция «XXVI Державинские чтения» (7 июля).

Спасо-Преображенский собор Варлаамо-Хутынского монастыря

- Панихида, возложение цветов на могилу Державина (8 июля).

*Библиотека средней образовательной школы № 36
им. Г. Р. Державина*

- Литературно-музыкальный вечер (8 июля).

Оренбург и Оренбургская область

Областная библиотека им. Н. К. Крупской

- Выставка «Гавриил Романович Державин – поэт эпохи Просвещения»

Хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина

Оренбургский областной музей изобразительных искусств

- Круглый стол, посвященный 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина (29 июля).

Оренбургское книжное издательство им. Г. П. Донковцева

- Издание романа Ю. Домбровского «Державин, или Крушение империи» (2-е изд. Оренбург, 2018).

с. Державино Бузулукского района

- Праздник, посвященный 275-летию Г. Р. Державина;
- Открытие памятника Державину (скульптор А. Садовский). (27 июля).

Пенза и Пензенская область

Пензенский литературный музей,

Музей А. Н. Радищева (с. Радищево)

- «...Я жил, сколь мог, для общего добра»: литературный вечер к 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина.

Сочи (Краснодарский край)

Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)

- Конкурс межвузовских юридических чтений, посвященный 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина (11 сентября).

Тамбов

Тамбовский государственный университет

им. Г. Р. Державина

- Всероссийская научная конференции преподавателей и студентов «XXIII Державинские чтения» (23–27 апреля);
- IX международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность», посвященная 275-летию Г. Р. Державина, 100-летию А. И. Солженицына, 100-летию высшего образования на Тамбовщине, 75-летию Дней славянской письменности и культуры (23–25 мая).
- Второе, дополненное издание трилогии Н. С. Цинцадзе «Г. Р. Державин: на службе у трех императоров» (Тамбов, 2018).

Хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина

Издание иллюстрированного юбилейного календаря на трех языках (русском, английском и китайском).

Управление культуры и архивного дела Администрации Тамбовской области, Тамбовский областной краеведческий музей и Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

- Литературно-музыкальный праздник у памятника Г. Р. Державину, посвященный 275-летию со дня рождения поэта.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, университетский Научно-исследовательский центр «Государственно-правовое наследие Г. Р. Державина», ТРО «Ассоциация юристов России»

- Областная междисциплинарная олимпиада имени Г. Р. Державина среди учащихся 9–11 классов общеобразовательных учреждений.

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

Петрозаводск

Национальный музей Республики Карелия

- XIX Державинские чтения (5 октября)
- Издание «Державинского сборника-6» (Петрозаводск, 2018; совместно с Карельским филиалом РАНХиГС).

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

Казань

Казанский федеральный университет

- Международная научно-практическая конференция «XIV Державинские чтения» (12–14 сентября).
- Державинский фестиваль поэзии в Лядском саду, торжественное возложение цветов у памятника (14 июля).
- Издание 4–6 томов Собрания сочинений Державина («Драматургия», «Очерки по праву» и биографические «Записки Г. Р. Державина». Казань, 2018).

Хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения Г. Р. Державина

*Музей Н. И. Лобачевского
Казанского федерального университета*

- Выставка «Ода Г. Р. Державина «Бог» в каллиграфическом воплощении» (8 сентября — 17 ноября).

Казанское отделение почты России № 420000

- Гашение юбилейным штемпелем художественного конверта, посвященного 275-летию Г. Р. Державина.

г. Лаишево

- Награждение лауреатов республиканской литературной Державинской премии (14 июля).

с. Сокуры (Лаишевский район)

- Средней общеобразовательной школе присвоено имя Державина. Открытие мемориальной доски в честь поэта на здании школы (14 сентября).

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Баку

*Образовательный комплекс «школа-лицей»
Бакинского Славянского университета*

- Литературные чтения «И лирик, и сатирик, и государственный муж», посвященные 275-летию Г. Р. Державина» (24 мая).

ЛИТОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Каунас

*Гимназия имени А. С. Пушкина,
Каунасский литературный клуб им. Г. Р. Державина*

- Фестиваль песни и поэзии, посвященный дню рождения Г. Р. Державина (24 мая).

Указатель имен

- Абрамович Н. Я. 16, 27
Аврамов Е. М. 170
Агамалян Л. Г. 51
Адарюков В. Я. 93, 102
Айхенвальд Ю. И. 16
Аксаков К. С. 27
Аксаков С. Т. 17, 67, 84, 87
Аладин С. 180
Александр I, имп. 13, 19, 26, 53, 59, 61, 71, 104, 148, 149, 156, 174, 178
Александр II, имп. 96, 150, 178
Александра Павловна, вел. кнж. 104
Александровская О. А. 83
Алексеева Т. В. 84
Альфред Великий 142
Амвросий, архиеп. Казанский 132
Амикони Я. 86
Анненкова Э. Я. 178
Антонович М. А. 18
Анциферов Н. П. 83, 178
Аргунов Н. И. 53, 62
Арендт Н. Ф. 95
Архарова Е. А. 93
Архарова (урожд. Римская-Корсакова) И. П. 93
- Бабкин Д. С.** 83
Бабореко А. К. 179
Баженов И. В. 96
Бакунин М. А. 12
Балашов А. Д. 116
Баратынская А. Ф. 106, 115
Баратынский А. А. 115
Баратынский Е. А. 106
Барклай-де-Голли 152
Барсуков Н. П. 35, 41
Баргенов П. И. 17, 48, 169
Баснин П. П. 85
Батюшков К. Н. 24, 144
Безруков А. 85
Белинский В. Г. 8, 12–19, 23–27, 38, 44, 50
Бердникова Н. 81
Бердяев Н. А. 18, 27, 28
- Березина (урожд. Дьякова) А. А. 171
Бестужев А. А. 9, 25
Благой Д. Д. 83
Бланк Б. К. 167
Бобринская В. Н. 81
Болгарский В. И. 111
Болховитинов Е. А. см. Евгений (Болховитинов), митр.
Бондарко Е. В. 178
Боровиковский В. Л. 47, 49, 53, 62–67, 83, 85, 91, 92
Бороздин К. М. 45, 51, 113
Бортнянский Д. С. 137
Боткин В. П. 31, 33, 38, 39, 42
Бочкарева И. А. 81
Брокет 116
Брусилов Н. П. 10
Брюллов А. П. 94, 96, 102
Брюллов И. П. 95, 102
Брюллов К. П. 93, 94, 102
Брюллова Ю. П. 102
Буало Н. 121, 141
Булгаков А. Я. 110
Булгаков К. Я. 110, 116
Булич Н. Н. 48
Бунина А. П. 4, 72, 85, 119–122, 167, 170, 179
Бутковский Д. 81
- Вавилов П.** 177
Вагин В. И. 82, 85, 86
Ван Дейк А. 73
Варнек А. Г. 71, 84, 96
Варнек В. А. 81, 83
Васильев А. И. 66
Васильев М. А. 71
Васильевская Д. П. 100
Васильевская П. И. 100
Васил(ь)евский (Базилевский) А. А. 4, 53, 67, 84, 85, 89–101
Васильчиков А. В. 174, 176
Вацуро В. Э. 152
Введенский А. И. 27

Указатель имен

- Вдовин А. 7
 Вейнберг А. Л. 83
 Вениамин, еп. Иркутский и Нерчинский 61
 Вестенрик, майор 116
 Вигель Ф. Ф. 30, 35, 41
 Вилламов Г. И. 109, 113, 115, 116
 Вилламов И. Г. 103, 121
 Вильк Е. А. 143
 Виницкий И. Ю. 127, 130, 140
 Виртембергский А. 152
 Висковатов А. В. 95, 102
 Вистингаузен Ф. И. 109
 Воейкова В. Н. 48
 Воейкова М. А. 51
 Волков А. В. 146
 Волков А. Г. 135
 Волков Ф. И. 90
 Волкова А. А. 4, 119–122
 Волконский Г. С. 66
 Волконский П. М. 93
 Вольнский А. Л. 16
 Вольтер Ф.-М.-А. 48, 131, 142, 144
 Вольф И. Ф. 107, 115, 116
 Воронцов А. Р. 115
 Воронцов М. И. 64
 Вортман Х.-А. 63, 64, 83
 Востоков А. Х. 145
 Вронский С. 68, 69, 84
 Вышеславцев М. М. 130
 Вяземские 57
 Вяземский П. А. 10, 26, 42, 167
- Гаврилова Н. И. 81, 85
 Гагарин И. А. 106
 Гагарин П. Г. 133, 144
 Галахов А. Д. 16, 27, 48
 Гампельн К. К. 94
 Гаращенко А. Н. 81, 82, 86
 Гарновский М. А. 45, 51
 Гасвицкий П. А. 169, 170, 173, 179
 Гварини 145
 Гейзер Х. Г. 65
 Гейс И. 116
 Гейтман Е. И. 94
 Геннади Г. Н. 48
 Георгиевский А. 84
 Георгиевский П. Г. 97
 Герцен А. И. 9, 12, 13, 16, 25, 26
 Гершензон М. О. 28
 Геснер 145
- Гиппиус Г. А. 94
 Глинка М. Е. 83
 Глинка С. Н. 128
 Гнедич Н. И. 33, 144, 175, 176
 Гоголь Н. В. 30, 43, 69, 70, 84, 92
 Голдсмит О. 129, 144
 Голенищев-Кутузов П. И. 124, 129, 136, 137, 142, 146
 Голиков И. Л. 58
 Голиков М. С. 58, 60, 81
 Голиков Ю. 178
 Голицын А. И. 130
 Голицын А. Н. 92, 95
 Голицын Б. В. 167
 Голицын Н. Н. 122
 Голлербах Э. 102
 Головкин Ю. А. 85
 Голубева О. Д. 87
 Голубков Е. В. 150
 Голубков И. В. 147, 150–152
 Голубков П. И. 123, 125, 141, 147–153
 Гончаров И. А. 38
 Гончарова О. М. 4, 7, 7–28
 Гораций 142, 155, 166, 173, 178
 Гордин М. А. 38
 Горяинов, надв. советник 116
 Градова Б. А. 84, 101, 102
 Грей Т. 129
 Греч Н. И. 104, 115
 Григорович Д. В. 41
 Григорьев А. А. 13, 14, 22, 26–28
 Грифцов Б. А. 17, 23, 27, 28
 Грот К. Я. 43
 Грот Я. К. 4, 5, 17, 19, 23, 28, 43–52, 72, 80, 81, 84, 85, 87, 88, 91, 101, 125, 127, 140, 159, 160, 163, 164, 169–173, 179
 Губер (Юбер) М. 138
 Гуковский Г. А. 25, 173
 Гумбольт А. Ф. 95
 Гумилев Н. С. 145
- Дашкова Е. Р. 169, 176
 Дезарно А. О. 94
 Дельвиг А. А. 10, 25
 Демидов А. Н. (кн. Сан-Дonato) 112
 Демидов Н. Н. 54, 55, 79, 80
 Демин А. О. 178
 Державин Г. Р. 4, 5, 7–31, 33, 36–38, 40, 43–92, 100, 101, 106–108, 114, 116, 119, 122–125, 127, 128, 130, 131, 136, 137, 140, 142, 143, 155–160, 162–184

Указатель имен

- Державина (урожд. Дьякова) Д. А. 45, 55, 81, 91
 Державины 49, 50, 163, 174
 Десницкий В. 86, 122
 Дзюбанов С. Д. 4, 101, 103–117, 122, 174, 178
 Дмитриев И. И. 44, 51, 59, 60, 66, 75, 83, 85, 111, 114, 117, 124, 128, 142, 167, 170
 Дмитриева Е. Е. 103, 114
 Доброгорский М. С. 130
 Добролюбов Н. А. 19, 20, 21, 24, 28
 Долгих Е. Н. 4, 29–42
 Долгорукий (Долгоруков) С. Н. 166, 175
 Долгоруков А. А. 112
 Долгоруков В. В. 95
 Долгоруков И. М. 104, 114, 115, 117, 124, 126, 127, 167
 Долгорукова (урожд. Смирнова) Е. С. 114
 Домбровский Ю. О. 182
 Дондуков-Корсаков М. А. 116
 Донкин Б. 108
 Достоевский Ф. М. 27, 28
 Доу Дж. 71
 Дружинин А. В. 17, 19, 27
 Дубовицкий П. Н. 66
 Дубровский П. П. 78, 87
 Дульцева Ю. В. 180–184
 Дюпре де Сен-Мор Э. 121
- Евгений** (Болховитинов), митр. 50, 52, 70
 Евсеева Е. Д. 83
 Евсеева М. К. 178
 Егоров А. Е. 54, 74, 76–80, 85–87, 89
 Егоров Б. Ф. 25
 Егоров С. К. 177
 Екатерина II, имп. 15, 23, 53, 55, 57, 60, 61, 64–66, 73, 74, 78, 85–87, 90, 96, 104, 119
 Екатерина Павловна, вел. кнж. 157–159, 174
 Елизаветина Г. Г. 7, 17, 24
 Елисеев Г. З. 19
 Ельчанинов Е. Н. 150, 151, 152
 Ефремов П. А. 144
- Жанлис** С. 126
 Желтова Н. Ю. 28
 Жеребцов А. А. 131
 Житкова Л. Н. 27
 Жихарев С. П. 4, 29–42
 Жоффруа Ж.-Л. 146
- Жуковская В. А. 144
 Жуковский А. Г. 147
 Жуковский В. А. 10, 24, 25, 30, 43, 73, 147, 148, 150, 151, 176
- Завадовская, графиня 116
 Загряжская Н. К. 94
 Замостьянов А. 83
 Западов В. А. 170, 175, 178
 Захаров И. С. 167
 Зеленянская Ю. В. 177
 Злобин В. А. 167
 Злобин К. В. 167, 168, 179
 Зонтаг А. П. 147, 151
 Зорин А. Л. 7, 17, 24, 25, 27, 28, 171, 177
 Зубков Н. Н. 24
 Зубов В. А. 45, 51
- Иванов** А. А. 116
 Иванов И. А. 78
 Иванов П. А. 71
 Ивлев Д. М. 178
 Измайлов А. Е. 135
 Измайлов В. В. 144
 Иксули 111
 Иксуль Е. Я. 108, 109
 Иксуль Я. Б. 111, 112
 Ильинский Н. С. 130
 Иордан Ф. И. 47, 84
 Искуль Я. Б. 112
- Кавелин** К. Д. 13, 26
 Калашников И. Т. 82, 86
 Каменский М. Ф. 159
 Каменский Н. М. 159
 Капнист В. В. 57, 123, 124, 126, 142
 Капнист И. В. 48, 57
 Капнист С. В. 91
 Капнисты 92
 Капустин А. 177
 Карабанов П. М. 126, 127, 137, 177
 Карамзин А. Н. 99
 Карамзин Н. М. 10, 11, 21, 23, 28, 30, 99, 111, 117, 124, 140, 142, 143
 Карл XII 133, 144
 Карпани Дж. 132
 Каченовский М. 125
 Кваренги Дж. 58
 Квашнина-Самарина А. П. 108, 116
 Кикин П. А. 93, 167
 Кипренский О. А. 79

Указатель имен

- Киреевский И. В. 26
 Кистер, титулярный советник 116
 Клейнмихель П. А. 117
 Ключевский В. О. 20, 28
 Кобеко Д. Ф. 98, 102
 Ковалевский П. М. 32, 41
 Козегартен Л. 155, 160, 172, 173
 Козодавлев О. П. 148
 Кольцов А. В. 21
 Константинов А. А. 64
 Коровин В. В. 179
 Коровин В. Л. 177
 Корф М. А. 114, 117, 177
 Костин А. А. 145
 Костина Т. В. 145
 Костров Е. И. 127
 Котельников В. А. 27
 Котельникова И. 83
 Котельницкий А. М. 164, 178
 Кох А. И. 97, 102
 Кочеткова Н. Д. 137, 144
 Кошелев Р. А. 66
 Краевский А. А. 35
 Красовская А. П. 152
 Красовская (урожд. Голубкова) В. П. 150
 Красовский П. П. 150
 Кротов В. А. 85, 86
 Крылов И. А. 120
 Кузьминский 91
 Кукушкина Е. Д. 143, 179
 Куракин А. Б. 169
 Курилов А. С. 172
 Куткин М. Т. 105, 115
 Кутузов А. П. 89
 Кутузов П. И. 167
- Лампи И. Б. старший 87
 Лангер В. П. 97
 Ланская А. С. 104
 Ланская (урожд. Ушакова) А. Ф. 104
 Ланская (урожд. Вилламова) Е. И. 4,
 103–117, 121
 Ланская М. Ф. 105
 Ланские 104, 105
 Ланской А. Д. 104
 Ланской П. С. 104
 Ланской С. А. 104
 Ланской С. С. 104–108, 112, 115
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 144
 Лачинов, чиновник 116
 Левин Ю. Д. 130, 143, 144
- Левицкий Д. Г. 86
 Лермонтов М. Ю. 21
 Лесинг Г. Э. 139
 Лесков Н. С. 19, 27
 Ливен Ш. К. 104
 Ломоносов М. В. 19–22, 44, 63, 64, 70, 71,
 83, 124, 141
 Лонгинов М. Н. 17, 36, 41, 42, 48
 Лопухин П. В. 148
 Лосев А. И. 86
 Лосев А. Ф. 27
 Лукреций 128
 Львов А. Н. 47, 55
 Львов А. Ф. 95
 Львов Л. Л. 47
 Львов Л. Н. 116
 Львов Н. А. 9, 47, 48, 51, 55, 57, 58, 81, 137,
 143, 163, 169
 Львов Н. А. младший 57, 81
 Львов П. Ф. 162, 171
 Львов П. Ю. 129, 131, 134, 135, 146
 Львов Ф. П. 44, 95, 130, 162, 163, 174, 178
 Львова А. П. 81
 Львова Е. Н. (1788–1864) 47, 50, 163, 173,
 174, 178
 Львова (урожд. Березина) Н. И. 162, 171
 Львова (урожд. Мордвинова) Н. Н. 47
 Львова М. М. 55
 Львова П. Н. 51
 Львовы 81
 Лямина Е. Э. 144
- Маврин М. С. 172, 179
 Маврин С. И. 169, 172
 Магницкий М. Л. 132, 156
 Мазанг Ю. А. 178
 Мазья М. Г. 146
 Майков В. И. 130
 Максимович М. А. 136
 Малиновский П. Ф. 110
 Марешаль С. 143
 Мария Федоровна, имп. 104, 105, 107, 112,
 115, 120, 157, 159, 170, 174, 176, 177
 Мартос А. И. 55, 57, 59, 74, 75, 80, 81, 85
 Маслова А. Г. 25
 Матвеев И. М. 168
 Мережковский Д. С. 27
 Мерзляков А. Ф. 10, 44, 50
 Мерлини 116
 Миллер Н. И. 49, 100
 Миллер Н. П. 49

Указатель имен

- Миллер П. Н. 49, 171
 Милюков А. П. 20, 28
 Минаков А. Ю. 26
 Мингазова Л. С. 51
 Миролюбова Г. А. 102
 Мисайлиди Л. Е. 4, 43, 43–52
 Михайлов О. Н. 82
 Модзалевский Б. Л. 29, 40, 41, 144, 152
 Модзалевский В. Л. 152
 Молчанов П. И. 174
 Мольер Ж.-Б. 42, 141
 Морев Н. 179
 Морозова Г. В. 178
 Морозова Е. В. 84, 101
 Морозова Н. П. 122, 147–179
 Морозова С. В. 83
 Мошарский А. 93, 96
 Муравьев А. М. 96
 Муравьев Н. М. 95, 96
 Муравьева А. Г. 95, 96
 Муравьева Е. Ф. 96
 Мурзина А. П. 118, 119, 121
 Мусин-Пушкин А. А. 129, 130, 144
 Мусин-Пушкин-Брюс В. В. 116
 Мыльников Н. П. 59, 76, 82, 86
 Мышецкая А. П. 45
- Надежда Ильинична см. Львова**
Надежда Осиповна см. Пушкина
 Наполеон Бонапарт, имп. 156
 Нарезный В. Н. 142
 Нарская Е. см. Шаликова Н. П.
 Нарышкин Д. Л. 126
 Нарышкина М. А. 126
 Нарышкина М. Д. 126
 Наталья Ивановна см. Миллер Н. И.
 Негри А. Ф. 116
 Некрасов Н. А. 27, 31–34, 37–39, 41, 42
 Некрасов С. М. 83
 Немзер А. С. 24
 Неранчич-Зорич С. Г. 106
 Неустроев А. Н. 123, 136, 139–141, 145
 Николаев С. И. 83
 Николай I, имп. 32, 93, 95, 125
 Николай Михайлович, вел. кн. 152
 Никулина Н. И. 81
 Новикова Н. В. 114
 Нольде А. Э. 177
Обольянинов Н. А. 102
Обольянинов П. X. 61
 Одоевский В. Ф. 114, 117
- Озеров В. А. 127
 Оленин А. Н. 20, 66, 67, 78, 79, 87, 91, 92, 96
 Оленин П. А. 96
 Олешев М. 135
 Ольденбургский Г., принц 157, 158
 Ольденбургский П. Г., принц 97
 Омельченко Е. В. 180
 Орлов А. Г. 96
 Орлова-Чесменская А. А. 96
 Оссиан 130
 Остолопов Н. Ф. 44, 46, 50
 Остроумова-Лебедева А. П. 178
- Павел I, имп. 53, 78, 94, 104, 109, 132, 148**
 Павлова С. В. 4, 89, 89–102
 Паит М. А. 164, 178, 179
 Панаев В. И. 30, 39, 91, 101
 Панаев И. И. 30, 33, 34, 36–38
 Панин П. И. 50, 52
 Панин С. В. 179
 Передков И. И. 116
 Пестель И. Б. 59, 75, 76, 82
 Пестель П. И. 82
 Петр III, имп. 94
 Петр I (Великий), имп. 14, 44, 86
 Петр Алексеевич см. Оленин П. А.
 Петрова Е. Н. 85, 87, 88
 Петровский М. П. 142
 Петровский Н. М. 123–125, 127, 132, 135, 137, 140–142
 Печерская Т. И. 25
 Писарев А. А. 124, 133, 134, 137, 138, 144, 146
 Писарев Д. И. 18, 21, 22, 27, 28
 Плетнев П. А. 30, 43–46, 50
 Плеханов Г. В. 24, 28
 Победоносцев В. П. 138
 Погодин М. П. 30, 35, 41
 Погонкин В. И. 94
 Подольская И. И. 83, 85
 Покровский Ф. Г. 147–149
 Полевой К. А. 25
 Полевой Н. А. 9, 25, 44, 50
 Поленов Д. В. 45, 47, 51
 Полетика М. И. 104
 Поликарпов А. В. 66
 Политковский Н. Р. 124, 136, 137, 145
 Половцев А. А. 40
 Полторацкий С. Д. 48
 Попов И. И. 82

Указатель имен

- Постников Д. Г. 151
 Потемкин Г. А. 51, 87
 Преннер Г. К. 64, 71, 83
 Прозоровский Д. А. 169, 170, 173
 Прохорова И. Е. 26
 Пугачев Е. И. 49, 61, 169
 Пушкин А. М. 36, 42
 Пушкин А. С. 9, 10, 20, 22, 23, 25, 30, 42,
 43, 67, 73, 80, 84, 89, 93, 94, 97, 101, 102
 Пушкин В. Л. 36, 42
 Пушкина Н. Н. 94
 Пушкина Н. О. 93
 Пыпин А. Н. 13, 19, 23, 26, 28
- Радецкая** Е. Г. 147
 Радлов Э. Л. 27
 Радченко Д. В. 116
 Радченко Ю. 81, 82
 Разумовский Л. К. 66
 Рак В. Д. 145, 146
 Редер К. Г. 94
 Резанов Н. П. 60, 61
 Робер Л. 108
 Ровинский Д. А. 83, 85
 Роде Х. Ф. 147
 Розанов В. В. 8, 20, 25, 28
 Ронк Л. 29
 Ростовская М. Ф. 47
 Руссо Ж.-Ж. 48
 Руссо И. 116
 Рылеев К. Ф. 9, 25
 Рябов А. К. 144
- Садовский** А. 182
 Саитов В. И. 152
 Сакина П. И. 100
 Салтыков-Щедрин М. Е. 97
 Самарин А. Ю. 132
 Сандомирская И. 26
 Сандромурри А. И. 94
 Сапигев М. 82
 Сапронов П. А. 26
 Связев И. И. 116
 Северин Д. П. 167
 Селифонтов 115
 Семивский Н. В. 75, 76, 79, 80, 85, 86
 Сенковский О. И. 113
 Серяков И. И. 144
 Сибиряков К. М. 55, 58, 59, 81, 82, 85
 Сибиряков М. А. 58, 81
 Сибиряков М. В. 54–61, 73–76, 79–82, 86
- Сибиряковы 57, 81, 85
 Сиверс Я. Е. 108
 Симанков В. И. 5, 123, 123–146, 151
 Симеон Полоцкий 20
 Синельников Н. П. 56, 57, 69, 74, 81
 Сирыков И. И. 131
 Смирнов И. П. 10, 26, 27
 Смирновский И. 53, 66, 67, 83
 Созонович В. И. 129
 Соколов 91
 Соколов П. П. 102
 Соколов П. Ф. 95, 96, 102
 Соллогуб В. А. 93, 102
 Соловьева Б. А. 4, 53–88
 Сомов О. 10
 Сохацкий П. А. 124
 Сперанский М. М. 59, 71, 76, 82, 85, 86, 95,
 132, 155–157, 177
 Срезневский И. И. 21, 145
 Стасов В. В. 98, 102
 Стасюлевич М. М. 23
 Степанов В. П. 121, 179
 Страхов Н. Н. 19, 23, 28
 Суворов А. В. 45, 125, 126, 130–132
 Суворов П. П. 81
 Сукачев В. П. 56, 80
 Сумароков А. П. 22
 Сухова Н. Г. 86
 Сушков Н. В. 133, 143, 144
- Тарланов** З. К. 25
 Тейльс А. А. 133, 134, 144, 145
 Тейльс А. Д. 134
 Тимковский И. Ф. 126, 136, 138, 143, 148
 Тимковский Ф. Н. 126
 Тимофеев Л. В. 87, 130
 Тихомиров В. В. 26
 Ткачев П. Н. 15, 23, 27, 144
 Токарев М. 81
 Толстой Л. Н. 38
 Томсинов В. А. 85, 177
 Тоннауэр И. Г. 86
 Гончи С. 47, 49, 53–55, 65, 68–71, 73–81,
 84, 85, 87
 Торсей Ф. 129
 Травников С. Н. 144, 145
 Трескин Н. И. 59, 75, 76, 81, 86
 Тропинин В. А. 67, 71, 79
 Трофимова В. С. 5, 118–122
 Трошинский Д. П. 66
 Тургенев А. И. 142

Указатель имен

- Турчанинова А. А. 121
Турчанинов Н. П. 28
Турчин В. С. 84
Тьянянова О. Н. 178
Тюльпин М. 178
Тютчев Н. М. 110
Тютчева (урожд. Ланская) Е. С. 105, 110, 117
- Урусова Е. С. 4, 119, 120, 121, 122, 137
Уткин Н. И. 65
Ушаков П. 134
- Ф**атьянов А. Д. 56, 73, 81, 82, 84, 85
Федор см. Циммерман Ф. М.
Феофанов А. М. 145
Фессар Э. 63, 64, 83
Фок А. К. 171
Фонвизин Д. И. 64, 66
Фотий (Спасский П. Н.), архим. 96
- Х**востов А. С. 66, 136, 137
Хвостов Д. И. 91, 101, 120, 123–125, 127, 129, 130, 132, 135–137, 140, 141, 148, 149, 151, 154, 166, 167, 174–177, 179
Хемницер И. И. 66
Херасков М. М. 23, 120, 142
Хичкок А. Д. 40
Ходасевич В. Ф. 25, 27, 84
Хомяков А. С. 11, 12, 26
Храповицкий А. А. 133
Храповицкий А. В. 124, 128, 133, 143, 144
- Ц**ветков М. Н. 148
Цейдлер И. Б. 81, 86
Циммерман Ф. М. 105
Циммерман Ф. Х. 105
Цинцадзе Н. С. 182
- Ч**аадаев П. Я. 11, 12, 13
Челищева Н. А. 109
Черкасов В. А. 7, 17, 25, 27
- Чернышевский Н. Г. 12, 19–21, 24, 27, 28
Чириков С. Г. 97, 102
- Ш**акеев Е. А. 98, 99, 100, 102
Шаликов П. И. 36, 42, 144, 172, 174
Шаликова Н. П. (псевд. Е. Нарская) 42
Шариняц А. А. 26
Шаталина Н. Н. 177
Шаховской А. А., кн. 124, 128, 133, 136, 168, 176, 179
Шашков С. С. 23
Шварц В. Г. 98–102
Шевырев С. П. 12, 13, 26
Шекспир У. 48
Шелгунов Н. В. 23
Шелихов Г. И. 58–61, 82
Шердей С. 114
Шильдер Н. К. 178
Шишкова А. С. 11, 13, 17, 30, 33, 38, 119, 120, 167
Шпет Г. Г. 18, 27
Штрайх С. Я. 29, 35, 41, 42
Шувалов И. И. 63
Шульц Ш. 110
Шух А. Ф. 94
- Щ**еглова Н. Н. 145
Щеголев Н. Г. 136, 145
Щедрин Ф. Ф. 22, 89, 90, 91
Щукин С. С. 86
- Э**йзлер 116
Эйхенбаум Б. М. 29, 40
Эстеррейх Е. И. 94
- Ю**шкова В. А. 147, 151
Юшневский А. 33
- Я**ковлев Н. 136
- Drews P. 140
Lessing G. E. 139
Simankov V. 137, 142

Научное издание

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ
Сборник научных статей
Выпуск 14

Редактор *В. С. Кизило*
Художественный редактор *Е. В. Омельченко*
Технический редактор *М. Л. Куракина*
Верстка *Л. В. Васильевой*

ISBN 978-5-6042430-3-9

Подписано в печать 17.06.2019. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печ. л. 12. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Зак. № 9-5720-1v

Отпечатано в ООО «Типография Михаила Фурсова»
196084, Санкт-Петербург, Заставская, д.14 А

Четырнадцатый выпуск включает статьи, посвященные вопросам осмысления творчества и восприятия личности поэта; работе Я. К. Грота над академическим изданием Сочинений Державина; загадкам живописных портретов поэта и детальному рассказу о его жизни в 1810 году. На основе архивных документов освещаются новые страницы биографии автора известного портрета Державина А. А. Васильевского и подробности жизни одной из участниц «Беседы любителей русского слова» Е. И. Ланской. Источниковедческий интерес представляют материалы о малоизвестном журнале «Новости» (1799), в котором публиковался Державин, и хроника мероприятий, посвященных 275-летию со дня рождения поэта.

